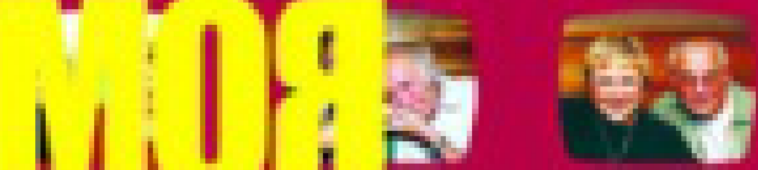
Журналистские истории

Ольга Белан

МОЯ бульварная ЖИЗНЬ



Моя бульварная жизнь

Ольга Белан

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация от автора

Это только кажется, что на работе мы одни, а дома совершенно другие. То, чем мы занимаемся целыми днями — меняет нас кардинально, и самое страшное — незаметно.

Работа в «желтой» прессе — не исключение. Сначала ты привыкаешь к цинизму и пошлости, потом они начинают выгрызать душу и мозг. И сколько бы ты не оправдывал себя тем что это бизнес, и ты просто зарабатываешь деньги, — все вранье и обман. Только чтобы понять это — тоже нужны и время, и мужество.

Моя книжка — об этом. Пять лет руководить самой скандальной в стране газетой было интересно, но и страшно: на моих глазах некоторые коллеги превращались в неопознанных зверушек, и даже монстров, но большинство не выдерживали — уходили. Где эта грань внутри себя, которую ни в коем случае нельзя переступить?

Но еще это были годы замечательных встреч — с актерами, с писателями, с элитой нашей культуры. Я люблю разговаривать с ними — и писать про них. Я их всех просто люблю. И надеюсь, они не обидятся: я в книжке рассказала многое из того, что оставалась за пределами диктофона…

Моя бульварная жизнь закончилась. А книжка с таким названием только начинает жить.

Издательская аннотация

Известная журналистка Ольга Белан не понаслышке знает о закулисье «желтой прессы»: много лет она была редактором одной из самых популярных газет в России. Эту газету читали все, правда, не все в этом признавались. Но книга Ольги Белан «Моя бульварная жизнь» — вовсе не о бульварной, а о самой настоящей жизни — о любви, дружбе, предательстве и прозрении. Об изнаночной стороне глянцевых изданий — грязных сплетнях и коварных интригах, жертвой которых может стать любой человек.

Но Ольга Белан считает, что ей повезло: она встречалась с такими интересными людьми, что радостью от этих встреч просто не может не поделиться с читателями. Героям ее интервью — знаменитым актерам, писателям, художникам — тоже повезло:

они встретили понимающего, тонкого и умного собеседника.

- Предисловие
- Ольга Белан
  - Предисловие
  - Жилин и Костылин (Толстой не обидится)
  - Знакомство с Хозяином
  - Узбеки
  - На шестом этаже
  - Дочь Высоцкого
  - А дальше, пожалуйте — суд!
  - Про писателя Полякова
  - Август 1998-го
  - Дефолт
  - Поповка
  - На Поликарпова
  - Солнцевские
  - Кобеляки
  - Чеченский след
  - «Декамерон»
  - Андрей Максимов
  - Раздрай в редакции
  - Мои «гвозди»
  - Семен Яковлевич Спивак
  - Снова в «Вич-инфо»
  - Песочница
  - Рабочий день
  - Тендер
  - Фитцы
  - Первый год
  - Жозефина
  - Третий зам
  - Недобежкин атакует
  - Греческая смоковница
  - Новый журнал
  - «Добей, чтобы не мучились»
  - В отпуске
  - Семейные хроники
  - Второе пришествие Садальского
  - Пьяный Гоблин
  - Голубые не только ели…
  - Теория и практика
  - Лариска
  - Великий Тонино

- Чистая арифметика
- Закрытие «Декамерона»
- Большая политика
- Очень большая политика
- Личная жизнь
- Сайкина
- Маша Мериль
- Из жизни олигархов
- Про Секридову и Жареные Гвозди
- Перед катастрофой
- Тревожная осень
- Цензура не дремлет
- Пасьянс
- Антикризисный комитет
- На следующий день
- «Одноклассники. ру»

Предисловие
Шанс назвать кошку кошкой

У меня на столе лежит мой неоконченный роман, а на коленке — недочитанный роман Ольги Белан. Странное ощущение, что они связаны между собой, эти две совершенно разные книги. А они таки связаны.

Я начинала с романов о журналистах, об этом удивительном мире поисков правды, о невозможности ее сказать, о горячих катящихся с плеч журналистских головах и… вскормленных властью нуворишей журналистики. И вот оно — новое время. Новые лица, новые вихры надо лбом. Два времени бьются у меня в руках — время моей молодости и молодости Ольги, время нескончаемых поисков правды — тогда и теперь.

С кем же я? Получается, что я на стороне мира Ольги. То, мое время — пужливое, осторожное, время, когда бились не просто с неправдой жизни, а с элементарной невозможностью просто назвать кошку кошкой.

И вот книга Белан. В ней не боятся правды как таковой, ее знают и чтут. Но, Боже, сколько людей, столько и точек зрения. И тогда чем отличается вчера от сегодня? А тем, что есть шанс побеждать красивым и умным, пусть и с поколоченными в драке башками. Они остаются настоящими. И журналистика сохраняет то достоинство профессии, о котором так мечтали газетчики моей молодости.

Хорошая книга. Спасибо Ольге.

Галина Щербакова

Ольга Белан
Журналистский роман. Моя бульварная жизнь. Заметки экс-редактора

Предисловие

В этих записках настоящие имена только у настоящих героев статей и заметок тех газет, в которых я в разное время работала. Все остальные совпадения совершенно случайные.

Я писала только о том, что я видела и чувствовала, как понимала и что переживала.

Два месяца слухи о моей отставке витали в воздухе. Ничто, как известно, не появляется из ничего, но невозможно было поверить, что Хозяин откажется от меня, предаст. Ведь целых 12 лет так искренне уверял всех, что высоко меня ценит и не мыслит без меня свой издательский бизнес! Смешная!

…Лишь после многих изнурительных дней депрессии и дурацких вопросов типа «за что?» я, наконец, взяла себя в руки и смогла думать о чем-то другом, кроме паскудной истории, которая приключилась со мной в издательском доме «Вич-инфо». 12 лет жизни — от звонка до звонка. Нигде я так долго больше и не работала. Вопрос — почему? Было интересно? Хорошо платили? Еще что-то?

Жилин и Костылин (Толстой не обидится)

Весна 1997 года. Сижу в душном кабинете на Вадковском в редакции «Экспресс газеты». Маюсь в творческих муках, придумывая очередной номер. Почему-то в тот год был очень жаркий май — окна распахнуты, летит тополиный пух, лезет в глаза и склеивает накрашенные ресницы. Еще нет компьютеров — Господи, неужели это правда? Еще нет мобильных телефонов — пещерный век! На столе — страницы с отпечатанным на машинке текстом. Телефон — обычный кнопочный с тяжелой трубкой наперевес. Вот он как раз и зазвонил.

Это был… Назову его Жилин. Фотокор Вовка Жилин, с которым давно и недолго мы работали в «Московском комсомольце». Я почти забыла, как он выглядит, но хорошо помню связанную с ним историю. Однажды в пятницу он зашел ко мне в кабинет и сказал, что фотоочерк для воскресного номера не готов. Точнее, кое-что есть, но надо бы поработать еще. Я онемела: с ума сошел? Да Гусев убьет за несданный в срок материал! «Неси, что есть». Жилин принес контрольки с двумя отмеченными фотками, но упрямо твердил: дайте еще пару дней, чтобы тема получилась как надо. Что делать? Я отпустила взыскательного маэстро дорабатывать материал, а сама позвонила внештатному знакомому фотографу (ныне очень известный фотографический мэтр со смешной фамилией — Тягны-Рядно). У него на мое счастье оказался только что отснятый фотоочерк про детишек, уезжающих в летние лагеря. Велела немедленно тащить! Жилин был спасен. Номер готов. Главный доволен.

И вот этот Жилин звонит спустя почти десять лет и говорит примерно следующее: «Дорогая, у меня для тебя есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться — давай встретимся». Я популярно объясняю, что у меня — номер, а за дверью бьет копытом зверь-редактор, что здесь я совсем недавно и меня все устраивает. Но Жилин не так прост. Он задает самый главный вопрос: сколько мне платят? Скрывать нечего — прилично. И слышу: «А я хочу предложить как минимум в три раза больше».

Ну что бы вы сделали на моем месте? Именно на моем — месте одинокой женщины, которая отвечает за все в этой жизни одна: за себя, за школьника-сына и пенсионерку-мать? Риторический вопрос!

Быстро сворачиваю все дела на работе, прыгаю в старенькие «жигули» восьмой модели — с двумя большими дверцами (я

этими дверцами чуть однажды старушку не прибила, прости меня, Господи), — и мчусь на Красную Пресню. Встреча назначена в украинском ресторане напротив хаммеровского центра (кажется, он называется «Шинок»). Жилин предупредил, что будет не один — со своим партнером и другом. Так я впервые услышала фамилию… скажем, Костылина. (Простите мне плагиат, Лев Николаевич! Хотела назвать их Проктор энд Гембл, но это реальные люди, потомки обидятся, Чук и Гек, Малыш и Карлссон — слишком по-детски. Ваша парочка все-таки посерьезнее, покрепче будет).

Ставлю машину, выскакиваю, на ходу пудря нос. Ищу их глазами — узнать бы! Но тут из переулка красиво выплывают сначала «мерседес», потом «ауди» — и паркуются не как я — в жалком закутке, а прямо перед входом в ресторан. Швейцар в ливрее торопливо кидается к авто и услужливо, даже нежно открывает дверки.

А что я, случайный прохожий на этом празднике жизни? Я замираю под гипнозом этих признаков роскошной жизни. Мне не приходилось ездить на таких машинах, солидные лакеи в ливреях не распахивали передо мной двери. Да и в таких дорогих ресторанах я никогда не была! Что мы могли себе позволить в виде культурного отдыха? Распить бутылочку у ларька после сдачи номера в печать? Да и то, если придет Стас Садальский — он тогда работал в «Э-Г» и угощал нас, вечно безденежных…

Охмурение между тем продолжается: заказанный столик, французское вино, всякая немыслимая вкуснота. А под это дело — и предложение: «Вич-инфо» создает новую газету — эти двое ее придумали — нужен главный редактор. Я как нельзя лучше подхожу. «Давай! Свое дело! Новая газета! С говорящим названием „Успех“! Своя команда! Печататься будем в Финляндии!»

И — зарплата, зарплата, зарплата! Две! Тысячи! Долларов!

Мне понравилось слово «Успех». Просто околдовало! Как человек, всю жизнь придумывающий заголовки, я ценю меткое и точное определение. Заголовок — или название — должно быть, как выстрел: прицельным, коротким, емким. И потом: как вы лодку назовете, так она и поплывет!

Я уже согласна. Тем более, мне обещано: с тематикой газеты «Вич-инфо» новое издание не будет иметь ничего общего. Ни эротики, ни тем более порнографии. Издательский дом хочет сделать прорыв в новую читательскую нишу и я — я, я, я! — должна этому не просто способствовать, а возглавить процесс! «Да, да, да!» — могла ли ответить что-либо другое?

Жилин, и Костылин — эти два симпатичных молодых

человека — какие милые, какие замечательные ребята! Они знакомы давно и много лет дружат — с тех самых пор, как учились вместе в институте. Потом судьба их ненадолго развела — как раз тогда Жилин поработал немного в «МК», а Костылин в «Московских новостях» — а после их обоих взяла к себе новая тогда прогрессивная газета «Куранты», и они мотались с фотоаппаратами по всей стране. Но романтика рано или поздно заканчивается, и приходит суровая пора зарабатывания денег — так они пришли в «В-И». Сначала снимали сами, потом начали придумывать темы. Были оценены, сумели создать отдел спецпроектов, стать руководителями — а теперь будут выпускать новое издание. Выделены деньги — очень немалые, этаж роскошного здания и куча всякой техники, в том числе компьютеры и мобильные телефоны.

Что творилось в «Экспресс-газете» после моего заявления об уходе! Нет, честное слово, я и не знала, что я такой ценный сотрудник! Меня уговаривали, упрашивали, пугали, состоялась даже встреча с самым главным начальником — генеральным директором, а это ого-го-го какой человек! Я тупо твердила одно: для меня это последний шанс создать что-то свое, я не могу его упустить.

И вот нас трое: Жилин, Костылин и я. Мы сидим в одном кабинете почти на головах друг у друга и мечтаем о будущем издании. Этажом ниже вовсю идет ремонт — готовятся кабинеты для новой редакции. Нужно искать людей — газета будет еженедельной и журналистов понадобится много. Мне дали красные корочки, в которых написана должность «Главный редактор газеты „Успех“».

Вообще-то Жилин и Костылин, как и полагается, — две полные противоположности. Потому, наверное, и сошлись. Вовка — спокойный, педантичный, дотошный, немного даже занудный. Чем-то похож на известного приватизатора — за что и получил потом прозвище Чубайс. Юрка — огонь, веселый, эмоциональный, с фонтаном идей и придумок в лохматой башке. Мне с ними хорошо и спокойно. В конце концов, это они отвечают за результат. Значит, есть с кем разделить ответственность. Но никаких любовных историй — оба слишком молоды и совершенно не в моем вкусе. Притом я уже влюблялась в фотографа. Два раза в одну реку не ступают.

Вот так мы сидим в одном кабинете и решаем, где будем набирать сотрудников. Я перебираю всех своих коллег и знакомых. В стране все утряслось-устаканилось, вышла масса новых газет-журналов, все более-менее пристроены и не каждый способен броситься в новый проект, как в омут. А мне нельзя

ошибиться — нужны самые-самые, иначе на кой фиг меня сюда пригласили?

Знакомство с Хозяином

А теперь пришла пора рассказать о Самом Главном Человеке в доме, куда позвали меня работать. О Хозяине. Мы, воспитанные в Советском Союзе, еще плохо тогда понимали, что это такое. Слово «хозяин» не имело еще вселенского значения и по советской привычке ассоциировалось со словом «начальник». Но выяснилось, что это две большие разницы! Я потом много повидала всяких хозяев, в принципе они все одинаковые. Но этот — мой первенький.

Я не была свидетелем того, как все начиналось. Я не видела, как в конце 80-х среднестатистического сотрудника среднестатистической советской газеты озарила идея создать первое просветительно-сексуальное издание в стране, где само слово секс было под запретом. Случилось это 20 лет назад — и к нашему времени история создания «Вич-инфо» обросла легендами и вымыслами, из которых больше всего Хозяину нравится такая: в маленьком помещении на улице Поликарпова вместе с грузчиками он лично таскал перевязанные пачки первого номера. Саму газету я помню: тоненькую, серенькую, с неразрезанными страницами. И ощущения свои помню: читая ее, хотелось оглянуться — не застукает ли меня кто за этим занятием. «В-И» — это был прорыв в новую журналистику, так называемую «желтую», о которой до этой поры у нас никто как бы не слыхивал. (Я помню только один термин из курса зарубежной журналистики времен моего студенчества — «продажная».)

Газета «Вич-инфо» появилась в конце восьмидесятых. Еще был Советский Союз и коммунистическая партия. Еще работали отделы цензуры, райкомы, горкомы и всякие ЦК. Как разрешили тогда выпускать газету с голыми попами и словами «секс», «презерватив», «оргазм» и пр.? Объясняю. Именно тогда — в 1987-м на территории СССР был зафиксирован первый случай заболевания СПИДом. Хотя инфицированный был иностранцем, сразу же стало ясно — скоро эпидемия вползет и в нашу страну. Министр здравоохранения Чазов и ученые-эпидемиологи были напуганы этой новостью. И хорошо, что напуганы! — в стране начала создаваться стройная система профилактики и лечения этой чумы XX века. Вот в строчку «профилактика» и влезли учредители со своей идеей создать пропагандистскую газету, посвященную борьбе со страшной ВИЧ-инфекцией. Много позже мне рассказал об этом профессор Вадим Валентинович Петровский (сейчас он возглавляет Федеральный центр по профилактике и борьбе со СПИДом). Это он и его коллеги

первыми обнаружили ВИЧ-инфицированного и забили тревогу. Они вошли в редакционный совет новой газеты, были ее консультантами на первых порах и даже соавторами. Но как только закончилась пора первоначального накопления капитала — а деньги творят с людьми чудеса! — все обязательства, касающиеся самой болезни СПИД, были забыты, ученые вычеркнуты из редакционного совета.

Через много лет историю этой газеты будут изучать в экономических вузах, может быть, даже всего мира. Да и вправду феномен — через год — миллионный тираж, еще три года — пятимиллионный! Деньги в прямом смысле лились рекой! Учредителям бы сразу выкупить помещение для редакции да прикупить типографию — в начале 90-х все это стоило копейки, им бы приобрести магазины и лотки для распространения своей газеты, им бы завести корпункты в регионах — и оттуда ее печатать и распространять… Но они — продукт совкового времени — вывезли свои денежки за бугор, спрятали в матрасы — ну и что, если эти матрасы называются американскими банками! Зимой, когда заканчивалась подписка — а это поступления на счета немыслимых сумм, и притом авансом! — учредители уезжали за границу пилить бабки. Я уж не знаю, в каких процентах они там все это пилили, но все пятеро жили в исключительном шоколаде.

И давали жить другим. Рабы тоже были в таком порядке, что считали себя если не небожителями, то уж патрициями по-любому. Особенно сладкой была жизнь у журналистов непосредственно газеты «Вич-инфо». Они получали немыслимые по тем временам гонорары и зарплаты, а выпускали одну газету в месяц. Поэтому ходили по коридору с высоко поднятой головой и никогда ни с кем не здоровались.

Наконец, наступил момент, когда Хозяин решил познакомиться со мной. День и час был объявлен его секретаршей заранее. На ватных ногах я поплелась на второй этаж — административные кабинеты и кабинеты учредителей сосредоточены именно тут. Таких офисов в то время еще не было. Роскошь и сдержанная простота — так бы я определила стиль второго этажа. А уж кабинет Хозяина! Тут поработал небесталанный дизайнер. Все выдержано в бело-серых спокойных тонах, обстановка добротная и богатая, но не подавляет своего низкорослого хозяина. Все продумано до мелочей — даже изящная графика в стиле «ню» на стене великолепна — то ли дань тематике газеты, то ли благодарность теме, которая сделала владельца сказочно богатым.

Описывать кабинет Хозяина гораздо интереснее, чем его

самого. Ему бы в разведке работать — там неприметность — самое главное требование. В момент нашей первой встречи ему нет еще и сорока. В коротких пальчиках все время теребит бусы-четки, как католический священник. Но глаза замечательные — хитрые, горящие, пронизывающие насквозь. Он говорит, как рад, что я теперь здесь… что я такая талантливая-расталантливая… что давно мечтал со мной работать… Он даже стал казаться мне симпатичным! Да еще мой бывший шеф — главный редактор «Экспресс-газеты» незабвенный Александр Иванович, оказывается, добавил ложку меда в мое резюме — разозлившись на мой уход, позвонил сюда и ругался с Хозяином: вот, мол, сущность ваша, богатеньких — переманиваете лучших журналистов. Скажи он мне это, когда у него работала, — может, и не ушла бы…

Мне б сидеть и дальше таять, ан нет, язык устал безмолвствовать, и я вступаю в диалог: почему вы, главный редактор миллионного издания, и такой абсолютно не публичный человек? Другие редакторы наперегонки в телевизор лезут, на съездах-митингах выступают, а вас в лицо никто не знает. Он, хитро улыбнувшись, ответил мгновенно и затвержено: в газету люди пишут письма о самом интимном, о самом сокровенном — они не должны знать лица того, кому исповедуются. Да-да, священник на исповеди тоже с прихожанином скрыты друг от друга. (Не зря эти четки в руках, ох, не зря…) Да нет, он, конечно, не святой отец. Он простой Великий и Ужасный Гудвин. Никто его не видел, но все боятся.

Он и вправду о себе так думал…

Чем-то он похож на актера Виктора Павлова — все люди на кого-то похожи Мирон Осадчий в «Адъютанте его превосходительства» — его лучшая, гениальная роль. Предателя, правда… И взводный Левченко в «Место встречи…» Тоже не совсем положительный герой. Ну, в общем, хорошо, что я удержалась и не озвучила свое открытие.

Лечу к себе на этаж. Я на крыльях! Впервые мой талант не только похвалили и заметили — его достойно оценили! У меня будет свой кабинет, мобильный телефон, машина с персональным водителем! Несчастное существо, человек. Как легко его купить…

Узбеки

Первой пришла в редакцию Нелька. Это абсолютно эксклюзивная личность — сделать ее главной героиней сериала или просто кинофильма — зритель бы обрыдался! Она приехала покорять Москву из Ташкента… Нет, не покорять — спасаться. В начале 90-х, когда страна, как кривое зеркало Снежной королевы, — раскололась на много мелких кусочков, — в Россию хлынули беженцы, и первыми среди них — те, кто имел несчастье работать в СМИ. Русскоязычные газеты и журналы закрывались, а те, что оставались, имели своей темой исключительно прославление местной власти. Особенно много русских традиционно жило в Узбекистане — вспомним военную эвакуацию (Ташкент — город хлебный), а потом землетрясение, когда тысячи русских устремились восстанавливать разрушенные города. И в том, и в другом случае многие из них остались там жить, обзавелись семьями, осели, привыкли, приспособились…

Нелькин отец в советское время был крупным партийным чиновником — помощником могущественного первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова. Можно себе представить, в какой роскоши — по советским, конечно, меркам, — жила Нелька и ее семья, и остается только удивляться, что она не скурилась — не спилась, как многие ее ровесники. Когда наступили тяжелые времена, Нелька продала квартиру и все, что было возможно, схватила в охапку двух своих малолетних детей — и рванула в Москву.

Но смекалистость и практичность у Нельки сочетаются с удивительным легкомыслием. В Москве она очень быстро спустила деньги за проданную огромную отцовскую квартиру. Когда же собралась покупать в столице собственность, денег хватило только на угловую продуваемую двушку в хрущовке на окраине Люберец. Но надо отдать ей должное. Не заморачиваясь этим, срочно нашла работу в рекламном агентстве, а потом вместе со своим начальником перешла в ту самую «Экспресс-газету», из которой я ушла в «Вич-инфо». Ей первой я рассказала о предложении Жилина и Костылина, ее первую позвала с собой и ни разу об этом не пожалела.

Нелька сразу развила кипучую деятельность по созданию нашего будущего коллектива. Энергия хлестала через край, она сама могла заменить десятерых из тех, кого привела. При этом она постоянно отрывалась на скоротечные романы, однажды даже как-то незаметно выскочила замуж и скоро развелась. Но основным ее детищем была газета. Она мудро и ловко управляла

большим коллективом, а я занималась творчеством и была очень довольна, что все склоки-конфликты Нелька принимает на себя.

Вот она-то и привела в редакцию остальных «узбеков»-русских — своих земляков и коллег. Много лет спустя один из сотрудников издательства со смехом вспоминал: «Все говорили, что у тебя в „Успехе“ работают одни узбеки. И я добавлял, что по нашим коридорам ходят люди в полосатых халатах и тюбетейках!» А на самом деле «узбеки», не избалованные московскими деньгами и соблазнами, работали как рабы на галерах, ничего не боялись и были готовы к любым неприятностям. И сегодня на какое-нибудь новое дело — новый проект я бы с удовольствием собрала всех своих «узбеков» и работала с ними.

Были другие замечательные приобретения. Длинноволосого художника я приметила еще в «Собеседнике» — он, как и я, скучал и томился в этой редакции, а был удивительно талантлив. Я позвонила ему на удачу, уверенная, что он хорошо и богато устроен. Но в тот момент удача была на моей стороне — Длинноволосый художник как раз пребывал в творческом поиске и с удовольствием начал с нуля наше трудное дело. С собой он, естественно, привел тех, с кем хотел бы работать — верстальщиков, дизайнеров, модераторов, бильд-редакторов. Так потихоньку редакция обрастала людьми, каждый приводил того, с кем сам бы хотел работать. Может, поэтому такой славный подобрался народ?

На шестом этаже

И вот наступил торжественный момент — мы всей редакцией, которая до сей минуты сидела буквально на коленях друг у друга, переезжаем на шестой этаж — он весь отдан в наше распоряжение. Наш главный Длинноволосый художник придумал рисунок линолеума и разработал дизайнерское освещение. По предложению прогрессивного Жилина несколько кабинетов в торце этажа объединили в один огромный светлый зал с небольшими стеклянными закутками для ведущих номер корреспондентов и редакторов — все, как в западных newsroom.

У меня и, естественно, у Жилина с Костылиным — отдельные кабинеты (у них — один на двоих, так они пожелали), обставленные новенькой мебелью. Мне в кабинет поставили длинный стол для проведения летучек — мебель роскошная, выбранная из дизайнерских итальянских каталогов. Нелька сидит в одной комнате с Певцом — так прозвали одного из корреспондентов «Вича», который неосмотрительно пустил в свой кабинет тогда еще бездомных сотрудников «Успеха», был успешно «завербован» ими, а вскоре назначен моим замом. Певец — это широкая русская душа, широкая русская талия и немалый рост — глыба-человечище! Но самой главной достопримечательностью этой глыбы был несомненный литературный талант — никто лучше его не мог править материалы и особенно придумывать заголовки. А заголовок в статье иногда важнее, чем сама статья! Я знаю редакции, где за заголовок назначена отдельная плата, знаю и таких редакторов, которые держат специальных людей на отдельных окладах исключительно для придумывания заголовков.

Однажды на обложку текущего номера мои ребята приволокли откуда-то фотографию Аллы Пугачевой в роскошном длинном платье изумрудного цвета. Примадонна — самая желанная гостья любой обложки в любом издании! — появилась в необычном бальном наряде то ли на приеме, то ли на чьем-то концерте. Но мои же дотошные корреспонденты нарыли и другой факт — это платье было подарено алмазным королем Ипатовым своей молодой жене, и в нем она блистала в Париже на балу — светская хроника зафиксировала это событие. У них, у богатых, не принято появляться в одном и том же наряде два раза — и, очевидно, этот наряд по скидочной цене был продан Алле Пугачевой. Все это написали в заметке, а на обложку поставили то самое фото Примадонны в платье б/у. И заголовок Певец придумал соответствующий «Алла Пугачева ходит в обносках!»

Жилин, который просматривал тогда все обложки нашего нового издания, увидев заголовок, поморщился: «На обложку надо выносить позитивные лозунги!» Мой талантливый Певец тут же предложил другой «позитивный» вынос «Пугачева и в обносках хороша!»

Это было искрометное счастливое время! По коридору ходил Фурдуев и сочинял эпиграммы. Как он появился в нашей конторе — никто толком не помнил. Просто пришел и остался, хотя в журналистике ничего не смыслил и совершенно ничего не умел делать. Когда-то работал учителем русского языка и литературы в школе, но его оттуда поперли — он не вписывался ни в один педагогический коллектив. Зато в редакцию приносил здоровую атмосферу юмора, и даже я, сидя далеко от общей комнаты, слышала взрывы хохота после очередного разыгранного Фурдуевым скетча. Клоуны нужны в любом коллективе. Не случайно они есть в каждом классе школы! Фурдуев писал изумительные пародии на корреспондентов — и они не обижались, ведь пародию можно написать только на яркого человека, на яркий талант. А уж какие капустники он сочинял под тонким Нелькиным руководством — этому могли бы позавидовать даже Ширвиндт с Державиным. Над прибившимся к нашему огоньку литератором потешались все, кому не лень — благо, он относился к этому с добродушным юмором. Однажды, например, ему прислали эпитафию: «Умер в тоске и полнейшей безвестности — Фурдуев, учитель российской словесности».

Кстати, до появления «Успеха» в издательском доме «Вич-инфо» никто никогда не выпивал. То ли здесь это было официально запрещено, то ли люди делали это тайно, то ли сама пафосная обстановка офиса не допускала мысли о грубой пьянке, которыми славились все прежние редакции, где мне приходилось работать. Здесь царила такая правильная обстановка, что хотелось немедленно ее нарушить! И, конечно, нарушали. Тайком, под столами, после работы — я делала вид, что не вижу.

Особым выпивальщиком всех времен и народов был Антон. Харизматичный молодой парень приехал, как и большинство нашего коллектива, из Ташкента. О нем ходили легенды: какая-то девица повесилась от безответной любви к нему. Хоть Антон был плешив и всегда — то с похмелья, то подшофе, в нем, действительно, была редкая в наше время притягательная мужская сексуальность. Или сексуальная притягательность — как хотите, главное — мужская. При этом он был и талантлив. Поэтому я терпела его пьяные выходки и выгораживала, как могла, перед Жилиным и Костылиным. Иногда я и сама в компании Антона и еще двух-трех наших ходила в маленькую

забегаловку напротив редакции, где Антон галантно угощал всех коньяком и курицей на гриле, а мне приносил мои любимые маринованные зеленые перчики. Антон — к слову о галантности — никогда про эти перчики не забывал. Мы пили коньяк, заедали его курицей и перчиками и мечтали о временах, когда «Успех» наберет невероятные тиражи, и мы станем богатыми и знаменитыми.

Но однажды Антон меня все же достал своей пьянкой. Утром за столом сидит вроде трезвый человек, а к вечеру всегда слегка не трезв. Я обратилась за помощью к своему заму — Певцу:

— Послушай, поговори хоть ты с Антоном, — оценивая внушительный и даже грозный внешний вид Певца, сказала я, — ну пригрози ему, напугай чем-нибудь, ну совсем парень обнаглел — прямо за компьютером выпивает!

— Он за компьютером не только выпивает, — проворчал Певец. — Он на них еще баб трахает.

— Каких баб? — насторожилась я.

— Приводит каких-то девок с улицы, — пожал плечами Певец.

— Зачем? — удивилась я, — когда все секретарши редакции в него как кошки влюблены.

— Ну, не знаю, — снова пожал плечами мой зам. — Мне охранники говорили, что в субботу он придет типа поработать, а потом девки вереницей тянутся.

— В общем, ты с ним поговори. Чтобы никаких пьянок на рабочем месте! — подытожила я. И пошла к себе, предаваясь глубоким размышлениям: почему женщин как магнитом тянет к пьяницам и развратникам, дебоширам и хулиганам? Я и сама, прости Господи, сколько раз попадала на эту удочку — мужчины-праздники притягивали меня куда больше, чем мужики-хозяйственники или хотя бы стойкие трезвенники. А с Праздником хорошо только праздновать. Жить с таким человеком — сущая мука…

Певец тут же вызвал Антона и устроил ему жуткую проработку. Он пугал его увольнением, рассказывал, что пьянки — не в традициях этого издательского дома, что, в конце концов, он подводит своего главного редактора, то есть меня, потому что каждый раз, когда заходит разговор об его увольнении, я беру его под свое честное слово. В общем, целый час Певец скрупулезно выполнял мое задание, прочищая мозги нерадивому сотруднику. Нерадивый все выслушал, низко склонив голову, произнес: «Все понял» и пошел на свое рабочее место в общую корреспондентскую комнату. Певец через минуту встал и направился тоже туда — надо было вернуть кому-то вычитанное

интервью. И каково же было его изумление, когда, войдя в комнату, он увидел — Антона, наливающего себе в стакан коньяк. Певец так обалдел, что только и смог тихо произнести:

— Старичок, это ты меня так на х… посылаешь?

Антон замер, а потом бросился вдогонку за начальником, пытаясь объяснить, что ничего такого в виду не имел. С тех пор Антона в редакции со стаканом в руке больше никто не видел. Бросил пить он гораздо позже, но это уже совсем другая история.

Дочь Высоцкого

Первый номер газеты «Успех» ознаменовался скандалом — как и было задумано. Чтобы о газете или журнале заговорили с первых же его выпусков, нужна скандальная публикация — и мы ее придумали!

Имя Владимира Высоцкого будоражило меня давно — с тех давних времен, когда я в московской молодежной газете получила задание взять у него интервью, но от страха не сумела выполнить задание. Что с меня взять — я была слишком молода и совсем не самоуверенна, Высоцкий же уже тогда был как бог — а как пойти к богу за интервью? Через год его не стало, и можно было сколько угодно рвать на себе волосы от упущенной возможности. Но с тех пор все, что писали и печатали о Высоцком, не проходило мимо меня. Я первая вычислила в неизвестной Ксюхе, которая была спутницей поэта в последний год его жизни (о ней упомянул Валерий Перевозчиков — кропотливый исследователь последних дней жизни Высоцкого), нынешнюю жену Леонида Ярмольника. Мы в «Экспресс-газете» сделали с ней интервью, в котором она, правда, никаких подробностей отношений с Высоцким не открыла, но и факт общения с ним не отрицала. Говорят, после публикации этого материала, Ярмольник даже побил жену. Сейчас личность Ксюхи ни для кого не секрет, Оксана много и давно рассказывает о своем юношеском романе, но в середине 90-х наша публикация была самой первой. Самой скандальной.

Зная о пристальном интересе к личности Владимира Семеновича, мой старый друг фотограф Валерий Плотников сказал как-то: «А знаешь, ведь у Высоцкого есть дочь». Плотников учился во ВГИКе, потом много и в течение долгого времени фотографировал Высоцкого. Первый раз он снял его на концерте в Ленинграде — снимал из зала снизу, и на фотографии кругленький микрофон оказался на месте носа — получился такой забавный клоун. Сам Высоцкий любил этот снимок, он стоял до последнего дня в его книжном шкафу в квартире на Малой Грузинской. Так вот, информации Плотникова я доверяла. Он даже назвал фамилию своей однокурсницы — актрисы театра на Таганке Татьяны Иваненко. Она любила поэта всю жизнь и родила от него дочь. Единственное, о чем попросил Плотников, — ни в коем случае не выдавать его как источник информации.

Как проверить этот факт, как подобраться к самой Иваненко? Если она столько лет молчала — как уговорить ее рассказать

правду об их романе с Высоцким? Доверить все это я могла только одному человеку в редакции — Сайкиной.

Еще один уникум в нашем коллективе. Попала она к нам случайно: с ее мужем Славкой я когда-то работала в молодежной газете. Со Славкой наши пути давно разошлись, про его жену я вообще слыхом не слыхивала. Но вездесущая Нелька откуда-то знала Сайкину, и однажды сообщила мне страшную вещь: «Славку Сайкина убили!» После развала комсомола Слава пошел трудиться в какую-то польскую фармацевтическую фирму и был найден мертвым у себя в квартире. Его семья — жена и две малолетние дочери находились в это время в Париже: Слава купил им на каникулы тур. Жена его Татьяна в это время почти не работала — писала для души заметки в «Российскую газету», беседовала про творчество с разными актрисами и певцами.

Нелька, узнав, что я когда-то работала со Славой, потащила меня на поминки — как раз прошло 40 дней. На поминках я и увидела впервые будущую звезду газеты «Успех» — Татьяна не плакала, не билась в истерике, достойно принимала соболезнования. Они со Славкой выросли в одной деревне где-то под Волоколамском, учились в одном классе, потом вместе поступили в МГУ и поженились.

Я сидела на одном конце длинного поминального стола, Татьяна — на другом, и Нелька перебегала то ко мне, то к Сайкиной. В один из таких перебегов она придвинула ко мне свой стул и горячо зашептала в ухо: «Давай возьмем к нам Сайкину. Ну как она теперь будет кормить детей — на нищенскую зарплату корреспондента „Российской газеты“? А у нас ставок много, поможем Таньке. Не справится — уволим». Действительно, ставок у нас было много — по разработанному Жилиным бюджетному плану «Успеху» предполагалось столько сотрудников, что мы никак не могли набрать даже половину! И все-таки я спросила: «А что она может?» Нелька уже зашлась в благородной идее немедленно помочь одинокой матери Сайкиной. «У нее связи в театрально-киношном мире, все-таки в отделе культуры работала!» Но не этот аргумент оказался для меня решающим, а память о старом товарище Славе Сайкине, с которым мы вместе когда-то готовили к выходу номера «Московского комсомольца», колдовали над материалами очередного комсомольского пленума и решали, кого бы из корреспондентов послать на очередную посевную кампанию в самый далекий край московской области — в Озеры?

Сайкина пришла к нам как раз в горячий момент подготовки первого номера, и именно ей, памятуя о ее театрально-киношных связях, и было поручено разыскать тайную любовь Высоцкого.

Татьяна Иваненко, действительно, никому не давала интервью. Сайкина разыскала ее телефон и позвонила актрисе. Та высокомерно ответила: «Шведское телевидение предлагало за интервью десять тысяч долларов — я отказалась. Я не торгую личной жизнью и для вашей газеты исключения делать не собираюсь». Мы и без помощи Иваненко собрали хороший материал: сумели разыскать в домоуправлении учетную карточку дочери Высоцкого и даже ее фотографию. И хотя она носила фамилию матери, сходство с отцом не вызывало сомнений. Да и отчество соответствовало — Владимировна. И свидетелей Сайкина нашла — живых свидетелей той давней страсти. Нужны были слова самой Иваненко — ну хоть что-то, хоть на нейтральную тему! А где их взять, если актриса только числилась в театре, редко выходила из квартиры — ну не ловить же ее на лестничной клетке в подъезде!

Но Сайкина актрису именно поймала! В день, когда в театре давали зарплату, она подкараулила ее в кассе театра и задала несколько вопросов. Актриса на них ответила, Сайкина записала их на диктофон. Фотки у нас тоже были припасены замечательные, редкие — их мы купили за небольшие деньги у фотографа, который в то время работал в театре на Таганке и много снимал Татьяну Иваненко.

А красоты она, действительно, была нереальной… Когда на большом мониторе мы увидели это ангельское лицо — ахнули даже видавшие все в этой редакции художники-верстальщики, известные циники. Было в этом лице что-то неземное, ботичеллиевское. Удивительно, что с таким лицом она не стала звездой — не в той стране родилась, Голливуд бы такую красотку ни в жизнь не упустил! И хотя наш «Успех» должен был выходить со всеми цветными полосами — на хорошей бумаге, купленной в Финляндии, — мы пошли на рискованный шаг сделать обложку первого номера черно-белой. И опять не прогадали — в пестром калейдоскопе разноцветных изданий, выложенных на газетных лотках, «Успех» выделялся строгостью и, конечно, скандальностью — еще бы, «Неизвестная любовь Владимира Высоцкого» значилось крупно на нашей первой полосе.

А дальше, пожалуйте — суд!

Мы еще не успели налюбоваться-начитаться-насладиться первым выпуском, как пришла страшная весть — нас вызывают в суд. Меня, как главного редактора, и Сайкину, как автора статьи. Татьяна Иваненко, по характеру явно не соответствующая своей ангельской внешности, подала в суд на газету — но не за клевету, как делали все обиженные звезды, а за вмешательство в личную жизнь, чем она как раз подтвердила нашу правоту — она, действительно, родила от Высоцкого дочь!

Судебной волокиты я поначалу не боялась — «Вич-инфо» славился своим сильным юридическим отделом. Даже один из учредителей издания — юрист по образованию, и в самой газете «В-И» всегда печаталась ссылка: «Правовое обеспечение — юридическая фирма такая-то». (Вообще в «Виче» вся внутренняя информация о службах самого издательского дома тщательно скрывалась — от кого? Да друг от друга! Здесь царит жесткое правило: каждый строго отвечает за свой участок работы и в чужую нишу — ни-ни! Поэтому, проработав почти 12 лет, я так и не поняла, чем здесь занимаются многие службы — многочисленные и хорошо, между прочим, оплачиваемые. Отдел распространения, отдел подписки — а ведь там трудились в то время с десяток человек! Полная тайна окутывала подразделение под гордым названием «издательство» — у него был свой генеральный директор, куча заместителей, отделов и подотделов. Был еще отдел маркетинга, и даже отдел логистики! Я наивно полагала, что в редакционном деле все службы взаимосвязаны. Здесь оказалось все не так. Это уж потом я поняла — в этой конторе хорошо приживаются те, кто лучше всех молчит и громче всех стучит. А поскольку кусок хлеба, который получали за молчание и стучание, был щедро смазан слоем масла, а в некоторых местах присыпан хорошим слоем икры — здесь собралось огромное количество бездельников, которые кроме этих двух ремесел, вообще делать ничего не умели.)

Но это я отвлеклась. Так вот юристы в издательстве, действительно, имелись, сидели на пафосном втором этаже. И, возможно, даже приносили немалую пользу своим хозяевам — трудовое законодательство им было явно ближе, чем закон о печати. Поэтому адвоката мы нашли сами — за выделенные Хозяином 1000 долларов. Но он был не очень искушен в подобных делах — поэтому нам пришлось защищаться самим.

Иваненко и сейчас была прекрасна — хотя ее неземная красота приобрела вполне земные черты и была хорошо

подкорректирована косметикой. Ее защищал знаменитый адвокат Борис Кузнецов — поэтому шансов на успех у нас с Сайкиной практически не было. Я, как один из ответчиков, выступала довольно долго, пытаясь объяснить уважаемым судьям, что такие люди, как Высоцкий, давно перестали принадлежать одному — или нескольким — людям, они принадлежат истории, нашей культуре, а потому все, что касается их жизни, должно быть доступно поклонникам. Я призвала в свидетели даже Пушкина, чьи любовные списки были опубликованы и ходили по рукам, я приплела даже Ельцина, который как раз накануне неудачно пописал на шасси самолета: я риторически вопрошала, имеют ли право журналисты сообщать об этом факте, ведь это тоже вмешательство в личную жизнь.

Дело мы проиграли, но сумма ущерба, заявленная Иваненко, судом была значительно снижена. Мы с Сайкиной, выжатые, как чайная заварка, еле приползли в редакцию. Юрист Наташа очень обрадовалась, что придется платить совсем небольшие деньги. «Почему же нам не наняли хорошего адвоката, который мог бы нас защитить на суде более профессионально?» — жалобно провыла я. Наташа тут же ответила: «Гонорар хорошему адвокату гораздо больше, чем та сумма, которую мы проиграли».

Почему здесь так разбрасываются деньгами и так экономят на мелочах — моему уму это было непостижимо. Восемь месяцев ремонтировать этаж для новой газеты, выкладывать ламинат по эскизам художников, заказывать мебель по каталогам — и экономить на адвокате, который должен защищать честь газеты, честь издательского дома! Потом я еще не раз столкнусь с этой странной закономерностью, и думаю, падение популярности газеты пошло именно с этой неразумной траты и экономии денег. Но не моего ума это дело. Раб он на то и раб, что его никто ни о чем не спрашивает и уже меньше всего нуждаются в его советах!

Про писателя Полякова

Позвонил писатель Поляков.

— Слушай, давай встретимся, у меня беда — вся надежда на тебя.

Он примчался в этот же день, поцокал языком, оценивая роскошь моего кабинета. Сел на стул. Пригорюнился.

— Понимаешь, у меня дочка Алиска задурила. Связалась с какой-то компанией, там сигаретки-алкоголь, наркотики могут появиться. А у тебя здоровый коллектив, хорошая атмосфера — может, возьмешь ее на работу хоть курьером?

— Откуда ты знаешь про здоровую обстановку? — изумилась я.

— Да я тебя знаю, — усмехнулся Поляков.

С Юрой — с Юрием Михайловичем Поляковым, ныне известным русским писателем и главным редактором «Литературной газеты», можно сказать, живым классиком, я познакомилась много лет назад. Тогда он не был еще классиком, но уже написал «ЧП районного масштаба». Эта повесть буквально взорвала тихий омут комсомольского благополучия, стала настоящим бестселлером — хотя и этого слова тогда еще не знали. А мы случайно оказались с ним в одной делегации, которая летела в США по линии ЦК комсомола впервые после долгой холодной войны поднимать тяжелый железный занавес. Это было самое начало потепления советско-американских отношений. Мы с писателем Поляковым сидели рядом в самолете. Вместо того чтобы поспать — все-таки нам предстоял большой перелет и большая разница во времени — мы с ним смеялись и просто дико ржали, мешая спать другим. Нам делали замечания — а мы закатывались еще больше. Чего уж мы так веселились — теперь не вспомнить, но в Нью-Йорк прилетели, нахохотавшись, однако не выспавшись, поэтому весь следующий день ходили по городу, позевывая и потирая глаза. Вся поездка — а это две недели на автобусе по разным городам штатов — прошла под знаком Юры Полякова, поэтому ничего удивительного, что и по возвращении мы остались добрыми приятелями.

Всю дорогу он приставал ко мне с расспросами, нравится ли ему то, что он пишет.

Я, стараясь не обидеть, как бы задумывалась и выдавала, что лично мне — понимаешь, Юра, это чисто мой личный вкус! — не хватает — как бы это помягче выразиться — опыта любви. Совсем, нет любовных линий, сюжетов — одно производство, будь это

комсомол или армия. Поляков, послушав, грустил:

— Да, ты, скорее всего, права. Я ведь женился сразу после школы, с одной женой живу всю жизнь… И даже не влюблялся ни разу так, чтобы башку сносило. Ну, были у меня увлечения… Только это совсем не то. Я понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю об опыте нравственной боли, — уже свободнее объясняла я. — Без него немыслимо создать что-либо путное — ни в литературе в частности, ни в искусстве вообще.

Вот такие задушевные разговоры вели мы с ним, колеся по Америке. И накаркали.

Примерно через год Поляков приехал ко мне — и я его не узнала. Куда делся гладкий, сытый и немного ленивый Юрий Михайлович? Он был худ — плащ висел на нем тряпкой, давно не брит — рыжая щетина клочками торчала в разные стороны, глаза горели какой-то лихорадкой — я даже испугалась — не заболел ли?

Оказывается — влюбился. Да так, что жизнь стала не мила. Ушел из дома на съемную квартиру под плач своей вечной жены. Живет один, ничего не пишет и не знает, как быть дальше.

— Ну, ты тоже нашел советчика, — засмеялась я. — Я столько раз жизнь свою ломала и перекраивала, столько раз летела в пропасть, из которой, казалось, никогда не выберешься… Уж нет, уволь, я тут тебе точно не советчик.

— Что же делать? — жалобно спросил писатель Поляков.

— Ничего — это будет тебе опыт боли. Ты же хотел, чтобы в твоих произведениях, наконец, разными гранями заиграла любовная тема — вот и заиграет.

— Это потом, — скрипел зубами Юра, — сейчас-то мне что делать?

— Любишь — люби, все брось и держи любовь, пока сил хватит. А не любишь — оставь все, не ломай зря жизнь никому.

Что я могла ему сказать еще, кроме этих банальных слов?

Потом писатель Поляков благополучно вернулся под крыло верной и преданной жены — и правильно сделал. Роль героя-любовника совсем была ему не к лицу. Он все-таки личность государственного масштаба, у которого отношения с женщиной не могут быть на первом месте. В общем, эту мелодраму Поляков закончил обыденно и совсем не по-литературному — остался дома. Он снова заматерел, стал гладким и круглым, купил дом в Переделкино и начал выпускать книжку за книжкой — опыт боли все-таки ему пригодился.

А в тот момент, когда он приехал в «Успех», нам действительно нужны были курьеры! Я ж говорила, денег на новое издание отпущено немеряно, в штатном расписании

числились не только курьеры, но и обработчики газет, и работники архива, и даже специальный человек, который стоит у ксерокса и отвечает за его работу!

Алиса — русская красавица с пепельными волосами и косой до пояса — вовсе не походила на погружающуюся в порок девушку. В нее немедленно влюбились сразу несколько сотрудников «Успеха», и Алисе пришлось выбирать между бритым любителем качалок и интеллигентным ботаником в очках. Она покрутила и с тем, и с другим, полностью излечилась от депрессии и восстановилась в университете, откуда ее выгнали за прогулы. Писатель Поляков приезжал благодарить. Цветов и даже коробки конфет, конечно, не привез, щедрость — не его добродетель, но на премьеры спектаклей по своим пьесам до поры до времени звать не забывал. Но потом, став главным редактором «Литературной газеты», забронзовел Правда, под власть не прогнулся, твердо гнет свою линию славянофила и патриота. Однако про премьеры спектаклей по его пьесам и про новые поступления в книжные магазины я узнаю теперь не от него, а как все — по информационным каналам.

Август 1998-го

Ах, какое замечательное лето случилось в 1998 году! Тираж нашего маленького (в смысле формата — по идее учредителей он легко должен помещаться в сумочке, а в свернутом виде — и в кармане) издания рос. «Успех» набирал обороты, коллектив худобедно сформировался, и даже исполнилась моя заветная мечта — иметь в редакции собственный архив-библиотеку. Сюда я немедленно вызвала Шурика — брата моей подруги. Что в Шурике удивительно — энциклопедическая образованность, хотя, по-моему, толком он нигде и никогда не учился. Откуда он столько всего знает и, главное, как все это помнит, — уму непостижимо. Но до сих пор стоит позвонить в архив: «Шурик, кто забил решающий гол в мачте СССР-Канада в дремучем году?» или «Кто сыграл главную роль в фильме „Приключения Бобика“»? — и ответ получите через три, максимум через пять секунд.

В обед ко мне в кабинет заходил Певец. Все исчезали в столовой, а мы с Певцом пели романсы. Было слышно и на пятом этаже, где сидела редакция «Вич-инфо». Говорят, когда слышались наши песни, те пожимали плечами «Сумасшедший „Успех“ опять на распевках». Мы так и называли друг друга — они нас Успехи, а мы их Вичи.

Пели потому, что нам было хорошо! Певец делал это вообще профессионально, он даже несколько дисков записал в свободное от работы время. А я — просто любитель. И вот представьте картину маслом — главный редактор и его первый зам задушевно выводят на два голоса «Мы странно встретились, и странно разошли-и-ся!» Дорогой мой Певец, как часто я вспоминаю тебя, наши распевки, твои анекдоты и вечное подтрунивание над Фурдуевым — к нему ты испытывал особое чувство ревности, потому что в умении веселить ты имел в его лице здорового и крепкого конкурента. Вообще-то Фурдуев был тщедушный и маленький, но вот чувство юмора совсем не соответствовало этой хлипкой комплекции.

Летом 98-го мне удалось вывезти в Финляндию Нельку. И раньше, в общем-то, ей никто не запрещал ездить по заграницам, но она сама сопротивлялась изо всех сил: «И чего я там не видела?» Объяснить это ее нежелание выезжать за пределы родины я могла только одним: ее паническим страхом перед полетами на самолете. Но Финляндия тем и хороша, что дороги туда — ночь езды на комфортабельном поезде. В удивительной стране Суоми наша газета — как и большой брат «Вич-инфо» —

проходила последний этап перед выпуском в свет — печаталась в типографии. В свое время было решено печатать там «Вич-инфо» по банальной причине: из наших типографий часть тиража попросту разворовывалась и попадала на прилавки раньше официально заявленного срока продажи. Когда потери от воровства стали ощутимые, Хозяин решил — и это подтверждалось расчетами — что дешевле обойдется печатать газету в Финляндии, там ее пакетировать и отправлять в Россию. Тем более, часть газеты выходила тогда на финской глянцевой бумаге, и был прямой смысл использовать и финские типографии. Когда возник «Успех», и мыслей не возникало печатать его еще где-то. Долгие годы издательский дом оставался в Финляндии любимым и главным заказчиком — миллионные тиражи для маленькой страны — подарок судьбы!

«Вич» выходил в Тарту, а для «Успеха» нашли маленькую типографию в курортном благостном местечке под названием Пори. Первый раз я побывала там зимой, когда подписывался наш пилотный номер. Увидеть газету в печати — ни с чем не сравнимое удовольствие для тех, кто ее делает. Я и раньше-то всегда любила бывать в цехе — как правило, в советское время он находился буквально под боком — в соседнем корпусе или на соседнем этаже. Когда по ленте начинала медленно, а потом все быстрее двигаться простыня твоей будущей газеты — в этом чуде был и твой труд, и твоя законная гордость. В Пори в то время все было уже так автоматизировано, что никакой ленты и простыни — сидишь в стеклянном стакане вместе с дежурным инженером и только на экране компьютера видишь, как идет запуск твоей газеты. И это зрелище тоже завораживающее.

Итак, я уговорила Нельку поехать подписать номер в Пори. Кто-то из редакции обязательно ездил на подписание каждого выпуска каждую неделю — таков порядок. Она, правда, немного поломалась — и вот мы с ней сидим в просторном купе поезда «Лев Толстой» (почему Толстой — не спрашивайте, никто не знает, какое отношение имел великий писатель к бывшей русской провинции Чухони), пьем коньяк и чувствуем себя абсолютно счастливыми! При переезде границы Нелька взялась заполнять таможенную декларацию и вдруг задумалась, загрустила:

— Ты чего? — забеспокоилась я.

— Да вот — думаю. Тут строчка есть — везете ли вы предметы старины.

— И что? — изумилась я.

— Интересно, я сама могу относиться к этим самым предметам?

— Ты только таможенникам на границе это не брякни! —

хмыкнула я, — они — финны, у них с чувством юмора беда.

Погода стояла жаркая, совсем не балтийская. Нелька, как и положено человеку, первый раз оказавшемуся за границей, ахала и охала еще на подъезде к Хельсинки: «Посмотри, какая травка подстриженная! Глянь, какие домики яркие — вот она, ихняя Тикурилла!» (реклама этой финской краски тогда была очень популярна на ТВ.)

Пори — город на берегу Балтийского моря, большой порт и местный курорт со всеми атрибутами курортной жизни — променадом в центре, скверами, где по вечерам играют небольшие духовые оркестры, с массой уличных кафе на набережной и многочисленными пивными Синебрюхофф. В типографии мы провели всего день, а остальные три отдыхали и наслаждались. Отельчик наш был почти пуст, мы жили в двух одноместных номерах, расположенных друг против друга, и бегали через коридор чуть ли не полностью раздетые. Вот так в один прекрасный момент Нелька бежала ко мне показать очередную обновку — и была зафиксирована молодым человеком, жившим в самом конце коридора. Она тоже его зафиксировала — и к вечеру у них уже разгорелся бурный роман. Как я поняла из его плохого английского, парень приехал из какого-то финского захолустья монтировать на доках новое оборудование.

Хорошо, что мы уже уезжали — а то влюбчивая Нелька оставила бы молчаливому монтажнику свое горячее сердце. А так не успела — мы уже неслись с ней на автобусе в Хельсинки, она плакала у меня на плече и клялась, что отныне Финляндия — ее любимая страна, что с завтрашнего дня она начинает учить финский язык и замуж выйдет только за финна!

Но все прекрасное когда-то должно кончиться — заканчивалось и это чудесное лето. В августе Костылин собрался на охоту в Нижегородскую область в местечко с красивым названием Красные Пади. Он уже тогда хорошо ворочал мозгами и свою большую зарплату не разбазаривал, как некоторые на поездки в Париж и всякие замечательные мелочи, а прикупил приличный кусок земли в элитных охотничьих угодьях на берегу тихой речки — то есть, рыбалка там тоже присутствовала. Костылин был заядлым охотником и рыболовом. И этим тоже он мне близок и мил-такие же мужские увлечения были у моего отца. Я выросла на свежепойманной рыбе и освежеванном диком мясе. Почему-то с детства запало: охотники — замечательные люди, ходят-бродят по глухому лесу с ружьишком, а потом рассказывают свои байки в компании за столом. Дети — неисправимые романтики! Сейчас я думаю иначе. Как раз

охотников-рыболовов надо пуще всего бояться — кто на зверя руку поднял, и на человека может замахнуться. Ну, не убить физически, так фигурально…

Одним словом, я загорелась поехать с Костылиными на охоту. Они ехали всей семьей — сам, жена Ляля и дочка Ася. Ну, и я взяла всю семью — сына Ваню и американского коккер-спаниеля со скверным характером по кличке Шеги. Выехали мы рано утром. Костылин на навороченном джипе (надо же, уже в то время он не упускал своего и умел, черт возьми, умел жить!) и я на своей маленькой «Шкоде». Добрались к вечеру. Красные Пади — малюсенький районный центр в ста пятидесяти километрах от Нижнего Новгорода. Там нас встретил местный охотовед со смешной фамилий Шапкин и типичным новгородским окающим акцентом. Он с сожалением посмотрел на мою машинешку и красноречиво поцокал языком. До Падей я кое-как добралась — дороги хоть и ужасные, но все-таки с намеком на асфальт. Но предстояло проехать еще километров 30 до деревни, где располагались Юркины угодья и где мы должны были остановиться в маленьком охотничьем домике. Сам Шапкин ездил на машине типа «газик» — только в сильно упрощенном варианте. Когда он открыл капот своей так называемой машины — я ахнула. Там были две-три огромные трубы, как под рукомойником, и нечто похожее на аккумулятор. Как ЭТО ездило — так и осталось для меня загадкой, но на этом драндулете Шапкин довез нас не только до места, но и возил без проблем по лесам и болотам все дни охоты.

Деревня Волоки не зря получила такое имя — десять полуразвалившихся изб, никакой дороги — мою бедную «Шкоду» три раза просто волокли волоком (вот оно, название!) и раз десять вытаскивали из луж. И я не раз вспоминала сочувствующий взгляд Шапкина, которым он окинул мою машину при встрече! Зато охотничий домик оказался очень милым — с русской печкой, довольно уютными комнатками. А главное — рядом лес, в котором мне было обещано много грибов. «Они там на ножках растут, — умел Костылин перспективы рисовать, — и сами в корзинку прыгают».

Мой сын Ваня выбрал охоту и рано утром вместе с мужиками ушел на какую-то зорьку. Мы с Лялькой встали попозже, но тоже на рассвете, и под руководством Шапкина отправились в грибные места. «Газик» резво скакал по кочкам, переезжал какие-то чудовищные лесные завалы, лихо проскакивал топкие болота. Ляля прижимала к груди восьмилетнюю Асю, ну а я простилась с жизнью, еще отъезжая от дома. Шеги сидел у меня в ногах и таращил испуганные глаза.

Лялька вышла замуж за Костылина сразу после школы. То есть он успел сходить в армию, а она его ждала. Как и всякая жена, уверенная в своем муже, она давным-давно бросила работу фармацевта и занималась домашним хозяйством, при этом совершенно не заботясь ни о своей внешности, ни о своей одежде. Ну, а Костылин исправно гулял налево, утверждая, что всякий левак укрепляет брак, но всегда возвращался под каблук своей жены, и она крепко держала пухленькими ручками за загривок и Костылина, и всю семью. Глядя, как она командует мужем, как отдает распоряжения Шапкину, моему Ване, а заодно и мне, я в глубине души позавидовала ей, потому что никогда не могла вот так рулить мужиком. Коллективом журналистов — да, а вот собственным мужиком… Как-то он всегда увертывался от моего руководства. Лялька же, наоборот, чувствовала себя абсолютно в своей тарелке, отдавая приказания: «иди сюда», «стой здесь», «не пей», «ешь это» и так далее. Она была моложе меня, но я чувствовала себя при ней как при мамке или старшей воспитательнице в пионерлагере.

Чудесную неделю провели мы в лесу. Ваня был при деле и даже пристрелил какую-то птицу. Я набрала столько грибов, сколько за свою жизнь даже и не мечтала — они, действительно, сами прыгали в корзинку. Я впервые увидела, как растет клюква, — все болото покрыто как будто красным шелковым платком. И возвращались мы в Москву с полным багажником всяких лесных заготовок, которые по вечерам варили с Лялькой на русской печке.

Радио в машине не работало до самого Ногинска. И только там я впервые услышала слова: «банковский кризис» и «дефолт». Они насторожили меня, но не столько, чтобы испугаться.

Дефолт

Мы притормозили у самого въезда в Москву — Аська захотела в туалет.

— Юра, — спросила я только потому, что увидела совершенно мрачное лицо Костылина, — ты слышал радио? Что все это означает?

— Это означает пипец, — кратко изрек Костылин, но даже в эту минуту я не испытала страха или предчувствия беды.

— И что будет?

Костылин пожал плечами:

— Плохо будет. — И в этот момент зазвонил телефон. Юрка кратко ответил — я поняла, что звонил Жилин. Они говорили недолго. Потом Костылин сказал:

— «Успех» скорее всего, закроют.

— Почему? — завопила я.

— Убыточный проект. Рубль рухнул. Рекламный рынок завалился.

— Но они же уже вложили в него столько денег! — этот довод казался мне особенно убедительным.

— И что? — пожал плечами Костылин. — Больше вкладывать не будут. Похоже, они вообще сейчас смоются из страны.

Они — это наши доблестные учредители. К этому времени все они уже имели дома и всякие недвижимости в Америке. Их тылы были тщательно защищены. Можно было спасать детей — от дефолта, от неизвестности, от бардака, от страны — от родины, собственно.

Ночь я не спала. Совсем не могла сомкнуть глаз. Под утро мама дала доронмил — полтаблетки. Я провалилась куда-то ненадолго, а хотелось бы навсегда…

Потому что утром на шестом этаже нам объявили, что «Успех» прекращает свое существование. Журналисты, как нахохлившиеся снегири, сидели за своими столами, а ведь нужно было еще войти в большую комнату — newsroom, черт бы ее побрал, объявить, что нас больше нет.

Я в кабинете Жилина и Костылина заламывала руки:

— Ну почему только «Успех»? Ни один другой проект не закрыт! Им самим-то не жалко?

— Успокойся, — пытался образумить меня Жилин, — они же бизнесмены, они умеют считать. Они обязаны считать. Ну нельзя сейчас продолжать убыточный проект, ты же знаешь, они привыкли делать бизнес так: сегодня затраты — завтра прибыль. А «Успеху» до прибыли далеко, тем более когда в стране

неизвестно что творится.

У меня уже текли слезы:

— А люди? Что с ними?

— Будем увольнять, — вздохнул Жилин, и, видя мое зареванное лицо, сказал: — Ну хочешь, я пойду с тобой в большую комнату и объявлю, что мы закрыты?

Конечно, я хотела, потому что сама не могла произнести ни слова. Жилин похоронным голосом объявил печальную новость. Народ обо всем уже догадывался. Я увидела перекошенное лицо Сайкиной и совсем некстати вспомнила, как она искала «гвоздь» в номер. Звонила, например, на Новодевичье кладбище и вкрадчивым голосом спрашивала: «Але, это кладбище? А что у вас новенького?» Однажды кто-то из сторожей кладбища, видно, напившись до зеленых чертей, поведал Сайкиной, что по ночам светится могила Шукшина. И талантливая девушка раздула из этого целый разворот — две страницы газетного текста!

Меня вызвали к Хозяину. Он начал меня успокаивать и снова рассказывать, какая я талантливая да как он рад со мной работать. «Все вранье! — думала я, — для тебя, как и для всех богатеньких, деньги давно стали важнее друзей, важнее людей, важнее всего на свете!» Мне бы встать и уйти оттуда навсегда — и не оборачиваться! Но он снова запел свои льстивые песни, а я снова купилась, потому что меня не увольняли, мне предлагали остаться на той же зарплате и подождать два месяца — он вернется из Америки и решит мою судьбу. А сейчас надо торопиться, самолеты уже на изготовке, и страна вечной свободы ждет не дождется своих новых сыновей. Гуд бай, май бэби!

Неделю я без остановки ревела. То есть даже не ревела — я жила своей жизнью, а мои слезы — своей. Они текли и текли, пока моя сердобольная соседка Любка не зашла вечерком на огонек и не объяснила, что мне уже пора к психиатру. Мне был дан «телефон замечательного врача, просто волшебника».

Телефончик я взяла, но к психиатру не пошла. Пригодится еще, — я засунула бумажку в кошелек.

Поповка

— Хорош убиваться, — Нелька тащила меня в парикмахерскую «маленько встряхнуться», как она это называла, — грибы пошли, а ты тут убиваешься. Поехали на дачу. Только водки надо взять побольше, а то, говорят, все пропадет — моя свекровь сахар вон мешками закупает.

— Зачем?

— Память хорошая, — усмехнулась Нелька.

Она очень старалась меня растормошить, моя славная боевая подруга.

Мы с ней ехали на мою дачу — в милую деревню Поповку. Откуда-то из своих запасов она выгребла маску обезьянки — смешную новогоднюю маску из папье-маше — и натянула ее на правое ухо — так, что все, кто смотрел в боковое окошко «шкоды», видели бумажную мордочку обезьяны. Нам и свистели вслед, и гудели, и сигналили — в общем, ехали мы со смехом и бурным весельем, похожим на пир во время чумы.

По дороге заскочили в винный магазин «Кристалл». Удивительно — но там стояла огромная очередь. Видно, хорошая память была не только у Нелькиной свекрови. Люди брали много бутылок. Нелька деловито распорядилась:

— Возьмем тоже две.

Подумала.

— Нет, пять.

Пока мы с ней стояли в очереди, эта цифра выросла до десяти, а взяли мы в результате два ящика. Тогда мы увлекались «рябиной на коньяке». Не то что были алкоголиками — нет, конечно, но, как опять же говаривала Нелька, с устатку могли себе позволить. А тут дефолт, бессрочный непонятный какой-то отпуск, да и мы уезжали на дачу надолго — а что, собственно, в Москве делать? За сыном присматривала мама, а погода в том сентябре была просто волшебная.

И грибов в том году народилось — прямо как перед войной. Мы с Нелькой мешками таскали их из леса: опята росли не только на деревьях, но и просто на земле, как трава. Удивительно, как Нелька, эта «узбекская» душа, ни разу в жизни грибов не видавшая, так полюбила и лес, и осенние опята, и этот азарт, когда в поту мчишься по лесу и издалека видишь — грибы, грибы, грибы… Правда, к грибам как к еде Нелька так и не привыкла — заготавливает их тоннами и потом скармливает родным и друзьям, благо, и тех, и других у нее множество.

Но прошел сентябрь, и пошли дожди. И мы переместились из

грибного леса в один маленький кабинет, который раньше делили Нелька и Певец. Все остальные наши помещения уже давно заселили Вичи и разные другие службы издательского дома. А в этом маленьком кабинете поселились все, кого добрый Хозяин оставил на довольствии и кто, видимо, по его рассуждениям, мог еще принести какую-никакую пользу. Нас было всего семь человек, включая Жилина и Костылина, а остальные почти 60 уволились «по собственному желанию».

Почему они, так молча, по-рабски подписали эти заявления? Почему не потребовали компенсаций, выплат, полагающихся при закрытии предприятия и сокращении рабочих мест? Потому что все поголовно были юридически безграмотны, да и большинство этих ребят, приехавших из Узбекистана, не имели ни прописки, ни жилья и считали себя абсолютно бесправными — какими на самом деле и являлись. Ну, и я — такая же бесправная, как все, только с более высокой зарплатой. Ну, как начинать судебные тяжбы, не имея за душой ни денег, ни прописки, ни знакомств? Правда, надо отдать им должное — почти все из 60 уволенных человек быстро и удачно устроились на хорошую работу и хорошую зарплату. Все-таки это были профессионалы — я собирала их по крупицам, по разным изданиям. Никогда, никогда не удастся больше мне собрать такого коллектива. Никогда.

На Поликарпова

Доллар расти перестал, остановился где-то на отметке 16 рублей, и страна потихоньку приходила в себя от августовского апоплексического удара. Самые умные на мутной волне финансового кризиса быстренько делали деньги, чего-то создавали, обеспечивали себе тылы, только я, как дурочка, сидела и ждала, когда приедет Хозяин и накинет мне на шею очередную удавку под всегда успешный хит «какая же вы, Оля, талантливая!» И вот он приехал — видно за два месяца придумал, как поступить с нами, с этим чемоданом без ручки. Он вызвал меня к себе на второй этаж — загорелый, блестящий, как огурчик с грядки. Перебирая четки, заговорил ласково, и, конечно же, начал с «талантливой-расталантливой». Предложил два варианта: или я становлюсь заместителем главного редактора — то есть его самого, в газете «Вич-инфо», либо со своей командой — той, что осталась — снова пытаюсь возродить «Успех». Он выделит для этого небольшие (10 тысяч долларов в месяц) деньги и старое помещение на Поликарпова, откуда начинался «Вич» и где, согласно легенде, он лично таскал первый тираж черно-белой газеты.

Конечно, я выбрала второй вариант. Да еще обрадовалась, чуть ли не руки Хозяину стала лобызать. Ну как же, у нас опять будет «Успех»! А он уже все просчитал, он знал, что мы сейчас станем работать как ненормальные, что из нас начнут сыпаться идеи как из рога изобилия, и какая-нибудь хоть одна да принесет ему новую прибыль, и — мани, мани, мани!

Мы быстренько покидали вещички по коробкам и за один день переехали на Поликарпова. Ну, жить можно: первый этаж жилого дома вполне в приличном состоянии, кабинетики небольшие, но зато у всех отдельные, не то, что newsroom! Жилин и Костылин сели считать деньги. А когда посчитали, схватились за голову — этих 10 тысяч долларов едва хватит на печать, а зарплаты наши — мышкины слезы, меньше прожиточного минимума. Но почему-то все мы были в неистовой эйфории — хотелось снова запустить «Успех». Пусть черно-белый, тоненький, но живой, свой, родной!

Сейчас я думаю, что уже тогда Костылин вступил с Хозяином в какой-то сговор. Уже тогда ему Хозяин что-то обещал в случае успеха нашего предприятия, уже тогда они заключили то ли устный, то ли вообще условный уговор, по которому в случае победы Хозяин отваливал Костылину какой-то кусок от своего пирога. Пусть небольшой — много он не даст — но зато свой!

Костылин истово рыл землю в поисках дополнительных денег, рысью обивал пороги всех мыслимых и немыслимых издательств, богатых контор и властных структур. А когда нужно было играть женским лицом, брал меня.

Первый, кто согласился дать денег на наше «успешное» предприятие, был весьма странный человек с простой русской фамилией Сидоров, но с очень непростой должностью — он возглавлял городскую фирму «Ритуал». В свое время она успешно подмяла под себя все маленькие и побольше конторки гробовых дел и стала монополистом на рынке скорбных услуг. Денег Сидоров, конечно, дал не за наши с Костылиным красивые глаза. Он мечтал о депутатском мандате и предпринял попытку забраться на первую ступень верховной власти — пролезть в городскую думу. Купить серьезные и популярные издания он, очевидно, еще не мог — а мы подвернулись вовремя со своими непритязательными желаниями. В каждом номере «Успеха» мы что-то да писали о «ритуале», кладбищах, бальзамировании и всяких других милых мелочах.

Большое программное интервью с главным гробовщиком города предстояло сделать мне. В означенное время являюсь с фотокором на фирму. Вполне приличный офис. Если бы не груда ритуальных автобусов на парковке возле подъезда, никто бы и не догадался, что за фирма расположена здесь.

— К девкам, поди, гоняют на этих автобусах, — проворчал фотокор Серега, которого выдернули из лаборатории, где он печатал очередную серию свою лирических снимков. И тут же, без перехода, спросил: — А как ты думаешь, Сидорова надо снимать с улыбкой или в скорбном виде? И его предвыборная кампания пройдет под девизом «Закопаем всех!»

Ну, на эту тему шутили все — она благодатна и неиссякаема. Сам Сидоров, кстати, оказался мужиком вменяемым и абсолютно нормальным. Визируя свое интервью, сделал пару ценных замечаний. А, в общем, оно ему понравилось, и он загорелся идеей выпустить тематический номер «Успеха», посвященный его предвыборный кампании. Для нас это был шанс получить дополнительные вливания в газету, поэтому за дело мы взялись с энтузиазмом. Работу поручили Павленковой — одной из «узбеков». Ленка засучила рукава. Слабость у нее была только одна: ее рабочий день всегда начинался «в час утра». Она могла до ночи сидеть за компьютером, пахать в выходные дни — но прийти на работу раньше обеда просто физически не была способна. Я знала об этой особенности и никогда не гнобила ее за это — в конце концов работу она всегда выполняла отлично и в срок. А у каждого свои недостатки.

Но Сидоров об особенностях приданного ему автора, конечно, не знал и опрометчиво назначил ей встречу на 12. Когда Павленкова заявилась ровно в час и вошла в его кабинет — он пульнул в нее сахарницей — тем, что было под рукой, но, к счастью, промахнулся. В этот момент у него шло совещание, все его помощники и замы сидели вокруг длинного стола. Ленка увернулась — все присутствующие уважительно молчали. Она пулей вылетела из кабинета и осталась в приемной. Через минуту Сидоров вышел, извинился сквозь зубы и пригласил напуганную до смерти Павленкову обедать в ресторан. Тоже хозяин, только я более прямолинейным отношением к своим да и чужим рабам…

В общем, номер мы выпустили. Сидоров в Думу не прошел, но занял уверенное второе место среди девятнадцати претендентов. Он считал, что это хороший старт и в будущем он, конечно, победит.

Солнцевские

Второе мощное денежное вливание мы получили и вовсе от настоящего бандита — от солнцевского авторитета Михася. В тот момент его уже разыскал Интерпол и готовился суд в Женеве. Был виновен Михась или нет — а его ни много ни мало объявляли крестным отцом русской мафии — останется за скобками. Но никто так и не сумел доказать вину Михайлова, а его дело, как это часто бывает, трансформировалось из разряда уголовных в политическое. Российские газеты захлебывались сначала от восторга — Михась пойман и сидит в тюрьме! Потом от негодования — дело рассыпалось, и со дня на день солнцевского авторитета должны выпустить на свободу. Как на нашу газету вышли помощники Михася — не знаю, Костылин подробности никогда не рассказывал. Только в один прекрасный момент сказал мне:

— Будешь брать интервью по телефону из Женевы у правой руки Михася Виктора Аверина, — он подробно и по минутам в режиме реального времени поведает нам полную версию женевского суда.

— Юра, — взмолилась я, — по телефону очень сложно брать интервью — и трубку держать, и записывать. Диктофона у меня нет!

— Купим. Купим тебе диктофон с функцией прямого подключения к телефону. Ребята оплачивают нам стоимость целого номера — и сами берутся его распространять. А у них сеть по всей Москве и области. Это шанс не только заработать, но и прогреметь на всю Москву — у нас единственных будет возможность вести прямой репортаж из Женевы, и не из официального пресс-центра, а от непосредственных свидетелей. Этого упускать нельзя!

— А фотки? Где мы возьмем фотки? В зале суда снимать нельзя — только зарисовки художника можно получить через РИА-новости. Но только картинками не проиллюстрируешь такой большой материал!

— Это солнцевские пусть думают. В архивах что-нибудь поищут. Не наша забота.

Диктофон был куплен в тот же день. Вечером я впервые выходила на связь с Женевой. Правая рука Михайлова по кличке Авера — Виктор Аверин, фамилию которого даже его помощники называли с придыханием, в течение трех часов наговаривал мне информацию о том, как проходит суд, как чувствует себя Михась, любопытные подробности о тюремной жизни знаменитого

солнцевского пахана. Например, что он заказал через своих передачу и те послали ему экзотические фрукты — огромную корзину —, которыми Михась угощал всех своих сокамерников. Ну, а информация о том, что сутки заключенного в женевской тюрьме Шон-Доллон обходятся в 250 долларов, повергли в шок и смятение не только читателей, но и сотрудников — мало кто получал у нас такие деньги даже в месяц!

Всю оставшуюся ночь я расшифровывала и писала. Утром уехала спать, за это время материал уже набрали и сверстали. После обеда подтянулись братки с фотографиями — вся редакция сбежалась посмотреть на живых бандитов. Очень милые, надо сказать, люди. Потому и заголовок мы дали уважительный «Кому Михась, а кому Сергей Анатольевич».

Материал послали на визу Авере в Женеву. Он откликнулся быстро: «Все отлично. Автору отдельное спасибо от Михася». А я, надо признаться, опасливо поставила под материалом псевдоним. Кто их знает, журналистов в то время убивали, как комаров, а у меня сын все-таки…

Мы за эти дни чуть ли не сроднилась с солнцевскими, и только успевали удивляться — как у них поставлена организация, какая дисциплина! Все четко, в срок, все конкретно и главное — без пустых обещаний. Весь тираж вышедшего номера с огромной фотографией Михася на обложке они забрали, в течение дня распродали по Москве и области, и даже заказали дополнительный тираж. На каждой станции метро и электрички, в каждом киоске и на каждом лотке — везде первым номером был выложен «Успех». О нашей газете снова заговорила вся Москва!

Солнцевские щедро заплатили редакции и впервые мы раздали сотрудникам хорошие зарплаты. Мне лично Михась прислал в конверте столько долларов, что я долго ломала голову: что с ними делать? Поменять окна в квартире и сделать ремонт или съездить с сыном в Ниццу?

Кобеляки

Это замечательное слово подарила мне Римма Маркова. Интервью с ней я до сих пор считаю одним из самых удачных. И не потому, что это я его написала, а потому что Римма Васильевна — блистательный собеседник и рассказчик. Я записывала за ней и почти ничего не правила. Не могу отказать себе в удовольствии привести пару отрывков:

> «…— Я самозабвенно училась, мечтала посвятить себя театру и ничего вокруг себя не видела и не замечала. А то, на что вы намекаете, случилось на каникулах в Махачкале, куда я ездила навестить родителей. Там ведь море необыкновенное, песчаные, почти безлюдные пляжи — я каждое утро бегала купаться. И вот однажды захожу в море и чувствую на себе пристальный взгляд. Объект разглядела, когда уже обратно выходила — мужчина с великолепной фигурой, немного лысоватый смотрел на меня в упор. Я села под „грибок“ — он под соседний, я иду купаться — он тоже. Я из моря — и он. Потом я пошла на хитрость и пересела под другой „грибок“ — и он, конечно, тоже подсел поближе. Так проходит день, два… Меня уже любопытство начало раздирать, и уже не он меня, а я его начала ждать и искать. Чувствую, что уже влюблена в него, а он ко мне так и не подходит.
>
> Я начала искать его в городе. Иду вечером по бульвару, где вся молодежь гуляла. И вдруг он мне навстречу. Я, конечно, делаю тифозное лицо, а сердце прямо вываливается из груди. Мы приближаемся друг к другу и сейчас пройдем мимо! Но он, наконец, говорит: „Добрый вечер“. Садимся на скамеечку. Он предлагает мне… бутерброд. Сидим молча, жуем. Потом Семен рассказал, что он — военный летчик, в отпуске. И про меня знает абсолютно все — и про Москву, и про театр. И начинается такая любовь, какой, наверное, больше в моей жизни уже не случилось…
>
> Он очень красиво ухаживал. Цветы охапками возил каждый день. На мотоцикле ездил — я по звуку мотора задолго слышала его приближение, и сердце начинало колотиться как бешеное. Узнал, что я люблю арбузы, а еще был не сезон для них, так он где-то достал, привез домой целый мешок. Целовались, я все ждала, что

должно произойти что-то особенное…

— И произошло?

— Я все горела от нетерпения и сама спросила, почему он меня не берет. Он ответил, что хочет, чтобы я стала его женой. Я, конечно, тут же согласилась.

И вот мы поехали на рыбалку куда-то в район Каспийска. Обстановка самая романтичная — море, свежая уха на берегу, звезды огромные прямо над головой. Я понимала, что сейчас ЭТО произойдет прямо здесь, под яркими звездами. Чтобы было не очень стыдно, голову замотала полотенцем так, чтобы лица не видать.

Утром он пришел к родителям просить моей руки.

— Особенно интересна реакция вашего папы.

— Именно, ведь он везде за мной ходил с молотком в кармане — ухажеров отгонял. А тут не углядел.

— А ухажеры все-таки были?

— Однажды в Махачкалу приехал Марк Бернес и увидел меня на пляже… Потом, уже в Москве, мой однокурсник записывался вместе с ним на радио, Бернес просил о встрече со мной. Он тогда был не женат и просил передать, что у него самые серьезные намерения…»

Потом Римма все-таки вышла замуж (ЗА ЛЕТЧИКА?). Но очень скоро муж ей изменил, и она об этом узнала…

«— Развод последовал немедленно?

— Нет… Я ведь любила его, да и дочке всего два года исполнилось. Побежала советоваться к подруге — мудрейшей женщине Валечке Улесовой, мы с ней вместе в Москонцерте работали. Она мне сказала: „Важно понять, влюблен он в нее или это просто так, КОБЕЛЯКИ“.

— И что оказалось?

— Что влюблен. Поехали мы к дочке на дачу. А он эту дачу терпеть не мог. Ложимся спать, а он мне: „Устал. Извини“. Я всю ночь не спала. Монологи в голове проговаривала, как ему скажу, что все знаю. Слышу: утром, часов в шесть, через меня перелезает и тихонько спускается в сад. Я встала у окна за штору и смотрю. А он цветы с клумбы рвет и за забор бросает. Потом умылся, собрался, записку мне оставил, что в город ему срочно надо кому-то какие-то ноты отдать. Я за ним. Но дома, конечно, ни его, ни цветов не было. Вечером мы

еще в кино сходили с символическим названием „Развод по-итальянски“. А уж после кино я ему все и выдала. Он оставил ключи и ушел.

— Так просто?

— Да нет, не просто. И рыдала потом, и головой о стенку билась… И грязи потом всякой было — да чего уж теперь говорить…

— Зато второй ваш муж был испанцем — про это писали в газетах.

— Тогда я уже снялась в „Бабьем царстве“, моими фотографиями вся Москва обклеена была. А мне уже за 40. На фестивале в Сан-Себастьяне в Испании я познакомилась с Антонио. Моя подруга Нонна Мордюкова почему-то называла его Полечка. А замуж за него вышла из страха, потому что тогда не только за связь с иностранцем, но и за простое знакомство с ним можно было лишиться всего, даже жизни. Испанец был очень хорош, но я его не любила. Любовник он был отменный — что да, то да. Помню, он приезжал в Москву, так мы по нескольку дней из квартиры не могли выйти, всю крупу подъедали. Потому что некогда было в магазин сбегать.

— Вы сказали, приезжал, а что ж вы к нему не поехали? Современные девушки вас не поймут…

— Боже сохрани! Хотя он меня так звал! И не только в Испанию. „Ткни, — говорил, пальцем в карту, там мы и будем жить“. Но уехать из России для меня было то же самое, что умереть. Я ведь и ребенка могла родить, но от мысли, что Антонио его отберет, или мне придется за ними ехать — я с ума сходила и допустить рождение этого ребенка не могла. Кстати, мы с испанцем до сих пор не разведены…

— Что вы больше всего цените в отношениях мужчины и женщины?

— Момент приближения, когда знаешь, что должно произойти, но еще не произошло. А потом начинаются проблемы. Мужики ведь в своей болтливости хуже женщин! У меня был долгий роман с одним очень известным актером, он много моложе меня, не буду называть его. После того, как мы расстались, он женился. И на каком-то банкете я его встречаю вместе с женой. А я возьми и брякни: „Что это ты на такой страхуилде женился?“

И вдруг через некоторое время эта женщина

подплывает ко мне и спрашивает: „Римма Васильевна, вы правда считаете, что я некрасивая?“ Я, испытывая некоторую неловкость, начинаю убеждать ее, что ее муж пошутил, что я ничего такого не говорила. А он вылезает из-за ее спины и произносит: „Может, ты еще скажешь, что и со мной не спала?“ На что я радостно всплеснула руками: „Вот видите, я же говорю, что он у вас большой шутник!“

— Просто страшно вам дальше задавать вопросы про мужчин. По-вашему они все одинаковые?

— Бывают исключения. Однажды мой добрый друг и замечательный актер Михаил Андреевич Глузский поднял тост и предложил выпить за свою жену. Я потом его спрашивала, ну почему именно за жену? А он ответил: „Я по трамвайному билету выиграл миллиард в лице своей жены. Что бы ни случилось, она всегда в хорошем настроении, у нее никогда нет никаких проблем!“

А чтобы окончательно заморочить вам голову, я вам вот что скажу. Женщины от много отказываются во имя всепоглощающей любви к детям, к искусству, работе или из-за чего-то другого, и очень многие из них с возрастом остаются одни. Так вот запомните: самый худший муж лучше самых прекрасных детей. К этому все приходят, но, к сожалению, слишком поздно…»

Ну, разве здесь нужны какие-то комментарии?

Чеченский след

Лему я привела в редакцию в самый трудный момент — нечего было есть, нечем платить за бензин, нас оставалось так мало, что мы работали без выходных — иначе не успевали собрать очередной номер. А Лема приехал в Москву из разбомбленного Грозного, ему нужна была любая — даже малооплачиваемая работа, и его никуда не брали, потому что он — чеченец, а тогда как раз Москва была настроена особенно истерично по отношению к этому маленькому народу.

Мое знакомство с Лемой — длинная история, но я должна ее рассказать, иначе будет непонятно, почему Лема стал у нас чуть ли не первым заместителем главного редактора и оставил очень заметный след на жизни всего редакционного коллектива.

Это было в мою первую командировку в Чечню — еще задолго до войны. И Чечня была не Чечней, а Чечено-Ингушетской республикой, и русских в Грозном жило примерно столько же, сколько и чеченцев с ингушами, и все они как-то мирно существовали, и в воздухе не пахло ни войной, ни ссорой. Мой старый друг Муса возглавлял тогда самую главную газету республики, именно он и зазвал меня в Грозный, обещая не только подсказать интересные темы для газеты, но и свозить отдохнуть на море в Махачкалу — что для джигита какие-то двести километров!

Мы с Мусой хотя и разные по исповеданию и национальной принадлежности люди, думаем и дышим абсолютно одинаково. Поэтому наши встречи — это бесконечные разговоры и споры без сна и отдыха. О чем? Как о чем? О судьбах родины, в первую очередь. Ну, и о любви, конечно — у Мусы тогда был затяжной период безнадежной любви к одной русской красавице. Безнадежным чувство было не потому, что она не отвечала ему взаимностью, как раз-таки отвечала! — а потому, что счастливому браку с юной прекрасной москвичкой воспротивилась вся семья, а семья на Востоке — это как Божий суд, от него никуда не денешься. И Муса женился на невесте, которую выбрала родня. Сразу после обряда в мечети он сбежал совершенно по-русски, и месяц укрывался в Москве, но семья его нашла и вернула в свое лоно.

Я прилетела в Грозный, и несчастный Муса даже с женой не стал меня знакомить, а познакомил со своим лучшим другом и сотрудником своей газеты Лемой. Я когда этого Лему увидела — чуть сознание не потеряла. Представьте себе высокого, тонкого в талии юношу со светлыми, почти пепельными волосами и

абсолютно голубыми глазами. При этом ужасно стеснительного, даже робкого, что странно при такой неземной красоте. Муса, увидев мое замешательство, снисходительно пояснил:

— Все девчонки в университете (а они оба учились в Москве) были от него без ума. А он сутками пропадал в библиотеке и кроме учебников ничего не видел.

Мы вместе ехали потом в машине в Махачкалу, Муса сидел за рулем, а я рядом с Лемой сзади, мое плечо касалось его руки, от этого прикосновения все внутри холодело и горело одновременно — я немедленно влюбилась в Лему, как и все его однокурсницы. От мысли, что эта любовь абсолютно безнадежна, я таяла еще больше, потому что нет ничего слаще, чем мечтать о том, что никогда не сбудется.

Мы больше и не встречались, а через десять лет в Москву приехал уже совсем другой человек. Лема стал грузным и большим, его белокурая голова превратилась в седую, а голубые глаза выгорели — то ли от солнца, то ли от слез. Хотя джигиты и не плачут, но бывают такие слезы, которые не катятся из глаз. А Лема к тому времени потерял братьев, газету закрыли, город, да и республику разбомбили, а лучший друг Муса уже давно жил в Москве.

Лема сел за компьютер и работал буквально день и ночь, не поднимая головы, — то есть мигом вписался в наш сумасшедший коллектив. Иногда уезжал в Чечню, где у него осталась семья. По возвращении всегда привозил коньяк — директор кизлярского коньячного завода был его другом, и, кто не знает, кизлярский коньяк — самый лучший в мире, лучше даже всяких мартелей и наполеонов. Лема привозил божественный напиток в больших пластмассовых баллонах из-под колы, и в редакции наступали мир и благодать. Не потому, конечно, что мы пили с утра до вечера, просто сама мысль, что вечером после работы можно принять 50 грамм коньячка очень согревала.

Во время таких согреваний однажды Лема и обмолвился, что великий певец Муслим Магомаев тоже, оказывается, чеченец. Я возмутилась — с детства я была поклонницей Муслима, однажды даже брала у него интервью и немало времени провела в его квартире в Леонтьевском переулке. Он и его жена Тамара Ильинична Синявская оказались людьми абсолютно простыми в общении, доступными, открытыми, совсем не звездными. Это вам не Филипп Киркоров со своей гейской поп-братией, как называет их мой остроумный сын, — «Колхоз „Голубые ели“». Но только я всегда считала, что Магомаев — азербайджанец. Он сам это говорил, его дед был знаменитым композитором и прославил Азербайджан в своих многочисленных кантатах и симфониях.

— А вот и нет, — горячо спорил со мной Лема, — я тебе докажу, что прадеды Магомаева родом из Чечни, и сам он долго жил в Грозном, и даже фотография есть — Муслим в национальной чеченской папахе за чеченским столом!

Действительно, он потом приволок фотографию совсем юного Муслима, и доказательства того, что будущая звезда жил и учился в консерватории в Грозном, что у него типичные, распространенные чеченские имя и фамилия, и его прадед никогда не стеснялся заявлять о своих чеченских корнях.

Перед тем, как поставить этот материал в номер, я все-таки позвонила Магомаевым. Трубку сняла Тамара Ильинична. Я так и прямо и спросила, знает ли она про чеченский след в биографии ее мужа. Она засмеялась своим неповторимым переливчатым смехом.

— Вполне возможно, мы с Муслимом никогда это не обсуждали. А мама у него и вовсе русская. Так что там много всякой крови намешано. Ты знаешь что — позвони как-нибудь в другой раз. Муслим будет дома и сам ответит тебе на это вопрос.

Но я так и не собралась позвонить. И когда смотрела, как торжественно по-мусульмански хоронили моего кумира в Баку, как по-русски плакала над ним его русская жена, я подумала: какая к черту разница, чья кровь текла в его жилах? Гении принадлежат всему миру и национальности не имеют.

…А Лема вскоре уехал в Грозный. Война закончилась, он вернулся в газету, а позже стал деканом факультета журналистики местного университета.

«Декамерон»

Ни одна газета в то время не жила без читательских писем. Ни одно издание не обходилось без страницы или даже двух самой интересной читательской почты. Тогда еще не были распространены мобильники с эсэмэсками, компьютеры с мэйлами — люди писали письма ручкой по старинке и в конвертах отправляли их в редакцию. Выпуская первый номер еще того, цветного «Успеха», мы тоже отвели две страницы для писем и долго ломали головы, как назвать общую к ним рубрику. В «Вич-инфо» подобная рубрика пользовалась бешеной популярностью: я сама видела буквально мешки с почтой, которые грузчики каждый день таскали в редакцию. Рубрика называлась «Самое сокровенное» (она и сейчас так называется). Вот с таким же смыслом, но с другим названием мы искали рубрику для «Успеха». Каких только вариантов не предлагалось! Бедный Певец, на которого возлагали особые надежды как на самого лучшего придумщика заголовков и рубрик, тоже был в тупике. Уже в отчаянии я решила полазить по книжкам и поискать какую-нибудь поэтическую строку у классиков-поэтов. И первая книга, на которую я наткнулась, был «Декамерон» Боккаччо.

Если кто не знает, в советское время эта книга с вкусными подробностями сексуальной жизни средневековых итальянцев, плутовскими любовными похождениями и интригами, была практически запрещена (ведь в СССР секса не было!) и изучалась только на гуманитарных факультетах вузов. Поскольку я была прилежной студенткой и хорошо изучала историю литературы, я вспомнила, что слово декамерон собственно означает «Десять рассказов». Вот прекрасное название для нашей рубрики писем!

Почему-то этой идее воспротивился только один человек — Вовка Жилин. Он уперся рогом и твердил, что мало кто из читателей знает, что такое декамерон вообще и роман Боккаччо в частности. Но и я уперлась рогом — мне казалось это слово волшебным и очаровательным, а кто не знает, тот залезет в словари и посмотрит. Я тогда победила, рубрика писем с первого же номера стала выходить именно с этим названием. Продолжили мы ее и в черно-белом «Успехе». Конечно, писем к нам приходило несравнимо меньше, чем в «Вич», большая часть их была пустое словословие и хрень, но мы упорно печатали письма, многие из которых придумали сами, рассказывая истории из собственной жизни, из жизни друзей, приятелей и соседей.

Когда гробокопатель Сидоров проиграл выборы и перестал

платить нам деньги, надо было придумывать, где их можно заработать. Костылин решил издать еще одну газету и попробовать ее раскрутить за те же деньги. Нужна была идея — и она родилась!

Тут надо отдать должное Костылину — он единственный отозвался на предложение делать газету о любви и назвать ее «Декамерон». Но теперь-то я понимаю, что сработал его простотаки врожденный нюх на близкую прибыль и большие дивиденды. Все остальные, включая Жилина, почему-то встретили идею в штыки. Доводы выдвигали разные — от «кому нужна еще одна газета про любовь» до «кто будет ее делать — мы и так еле дышим». Действительно, нас было всего человек 12 — а «Успех» выходил каждую неделю. Набирать новых людей мы не могли, этих-то еле прокармливали, да и вся фишка нового издания заключалась именно в том, чтобы выпускать ее теми же силами — только так она могла бы принести прибыль.

Мы с Костылиным довольно быстро разработали идею — все абсолютно бесхитростно: рассказы о любви, о семье, о страсти, без пошлых подробностей, как это делал «Вич-инфо», а, наоборот, с проникновением в человеческую душу, в психологию, в чувства. Дизайн будущего издания придумала наша же художница Ира — он как будто бы повторял облик полосы писем «Успеха» про любовь, но наполнился новыми графическими элементами — тонкими, романтичными, изящными. Дело оставалось за малым — где-то взять людей, которые будут наполнять новую газету содержанием. И тут успеховцы — мои дорогие «узбеки»! — все как один наотрез отказались участвовать в новой затее. Я собрала планерку и предложила каждому написать по материалу или хотя бы одно письмо. В ответ мне было глухое молчание. Даже Нелька сиротливо отводила глаза — мол, занята очень. И мне ничего не оставалось кроме как сказать:

— Ну что ж, хорошо. Тогда газету «Декамерон» буду делать я одна. А Павленкову назначаю помощницей. Я буду собирать и писать материалы, а Лена — закидывать в компьютер и редактировать. Справимся вдвоем.

Это я бедной Ленке опомниться не дала. Она тоже была против и тоже, как все, не хотела участвовать в этой довольно авантюрной затее, но я уже закончила планерку и вышла из комнаты.

Павленкова с понурой головой поплелась вслед за мной и с ходу заканючила:

— Ну вот, почему чуть что — так сразу я? И к Сидорову ты меня как на амбразуру кинула, и опять в какое-то сомнительное дельце пихаешь. Я же веду номера в «Успехе», я же загружена по

самое «немогу»…

— Послушай, Лена, — устало ответила я, — не хочешь — не делай. Я все сделаю сама, вот возьму, черт бы вас всех побрал, и сделаю. Но когда у газеты будет миллионный тираж и она разбогатеет — вы все будете жалеть — и ты первая!

Видно, в моих словах было столько убежденности и отчаяния, что Павленкова вдруг вмиг согласилась и только робко спросила:

— А «Успех»?

— Будешь «успевать» и тут, и там, — скаламбурила я, — я ведь тоже остаюсь, никто с меня обязанности главного редактора не снимет. Ленк, ну ты подумай, мы будем делать газету для души — про любовь, про ля-ля, это же тебе не про гробы писать и не про бандита из женевской тюрьмы!

Павленкова задумалась. Но я была все-таки главным редактором, и хотя все мои приказы больше походили на просьбы, отказать мне никто не смел. Поскольку новую газету предстояло делать нам вдвоем, а лишних кабинетов не было, она перетащила свой комп ко мне, села за соседний стол. И мы начали работать. Было решено: для лучшей раскрутки «Декамерона» хоть как-то привязаться к миллионной славе «Вич-инфо». Близился как раз 10-летний юбилей «В-И», поэтому первые несколько страниц — из пиетета перед старшим товарищем, а скорее из-за нищеты, мы отдавали старым публикациям «Вича». В шапке разверстали лозунг: «Из материалов, не вошедших в основной номер „Вич-инфо“». Дальше по нашей задумке следовало большое интервью — или просто очерк — о какой-то громкой истории любви. Ну а дальше обычный набор — письма, советы, тесты, кроссворд, гороскоп…

Писать эти самые очерки и интервью, а по-газетному говоря — «гвозди», желающих особых не наблюдалось. Небольшой коллектив едва успевал лепить еженедельный «Успех», к тому же двое — я и Павленкова — уже практически не участвовали в этом. Пришлось мне снова вспомнить свою основную древнейшую профессию. Тем более у меня теперь был навороченный диктофон, подаренный Жилиным и Костылиным.

Первую историю, между прочим, мне в свое время рассказала моя бывшая свекровь. С ней у меня близкие и добрые отношения, я до сих пор считаю ее своей второй мамой. Это мужья бывают бывшие. Так вот, у свекрови была подруга, которая якобы встречалась с Маяковским и даже была в него влюблена. Разыскать ее, как выяснилось, ничего не стоило — она жила со свекровью в одном доме.

Старушка оказалась что надо. Маленькая, щупленькая, сухонькая с очень живой, прекрасной памятью. К тому же она

отлично сохранила старые фотографии. История ее жизни меня потрясла. Там было все — и любовь, и страсть, и Маяковский, который носил ее на руках, и расстрел любимого мужа — «врага народа», и предательство единственной дочери. Чего лучше для первого номера?

И пошло-поехало. Днем мы с Павленковой готовили материалы, в выходные я встречалась с людьми, ночами писала свои «гвозди». И никто не мог меня заменить, потому что на первых порах гонораров у нас не было. И только я одна, главный редактор, готова была писать совершенно бесплатно и работать просто за идею.

Это не хвастовство. Это мой идиотизм. Вместо того чтобы как-то запатентовать проект, сделать газету своей собственностью, я упивалась самим процессом работы. Представляю, как умирал со смеху Костылин, глядя, как мы с Павленковой упахиваемся практически бесплатно, выпуская номер за номером, и каждый следующий выпуск был лучше предыдущего, тираж рос как на дрожжах, и уже пятый номер выходил полумиллионным тиражом.

Зато не упустил своего Хозяин. Он сразу уловил момент, когда надо снова подставлять большой кошелек. Он убедил Костылина, что выпуск «Успеха» надо прекращать, а «Декамерону» перебираться под крыло издательского дома. Ну как же! У них там налаженное распространение, опытный отдел подписки, маркетинг и логистика, хорошие новые компьютеры и возможности дизайна. И уж, конечно же, он пообещал Костылину за это хороший куш: быстренько была отправлена в Америку директор рекламного агентства, а на ее место назначен молодой и перспективный Юрочка Костылин.

«Декамерон» каким-то мистическим образом повлиял на мою личную жизнь. К моим домашним — маме, сыну и собаке прибавился еще и муж.

Андрей Максимов

Когда я работала в «Собеседнике», мы с Максимовым на планерках сидели друг против друга. Поэтому даже сейчас я с закрытыми глазами могу описать его выдающуюся внешность, чем-то напоминающую Карла Маркса, только симпатичнее и моложе.

Подружились мы после одного случая. Я написала статью, довольно скандальную по тем временам. Попыталась разобраться в одном судебном деле, которое напрямую касалось известного журналиста «Комсомолки» Валерия Аграновского. Когда-то — довольно давно — его осудили по скандальной статье, исключили из партии и союза журналистов. По сути его наказали за излишне смелые выступления — журналист замахнулся критиковать комсомол в самой что ни есть комсомольской газете! А когда критика зашла слишком далеко, против журналиста состряпали уголовное дело — некрасивое и гадкое. Позже дело это развалилось, его закрыли, но ни в партии, и ни в союзе журналистов известного публициста не восстановили. Он тяжело болел, писал книжки и, в общем-то, ничего не требовал. Это была моя инициатива — описать всю эту историю — по сути, историю предательства. Аграновский выдающийся журналист, один их тех, кто своими смелыми очерками сделал славу и тираж газете «Комсомольская правда» в далекие 70-е. Он был настолько знаменит, что его статьи обсуждались на занятиях факультетов журналистики, а я так и вовсе писала диплом по его творчеству. Собственно, это и стало причиной нашего знакомства когда-то…

Валерий Абрамович мой пыл пытался остудить: «Я ценю вашу заботу обо мне, но эту историю никто никогда не опубликует — в нашей стране не любят ни каяться, ни признавать своих ошибок».

«Ну, да, — шумела я в ответ, — как это не опубликуют? У нас — демократия, свобода слова! „Собеседник“ — передовая газета и у нее молодой прогрессивный главный редактор!» Я считала, что это веские доводы.

Валерий Абрамович смотрел на меня с сочувствием, как на слегка умалишенную.

В общем, я проделала гигантскую работу: обзвонила многих участников того самого партийного собрания, на котором все единогласно проголосовали за исключение из партии их знаменитого коллеги, невиновность которого была очевидна. Нет, вру. Один человек — Геннадий Жаворонков — был против. Через три месяца, кстати, его тоже выгнали из «КП». А «старики» редакции — знаменитые Ярослав Голованов, Ольга Кучкина,

Василий Песков и другие просто не пошли на это позорное сборище.

Гордая, я принесла свою статью главному редактору «Собеседника». Через день он мне сказал, что статья плохая, «не прописанная», бездоказательная, и ставить ее нельзя. Была, конечно, в моем опусе одна закавыка: секретарь парторганизации, который устроил тогда суд Линча над Аграновским, теперь являлся главным редактором «Комсомолки», считал себя демократом и создавал новую свободную журналистику. Но ссылку на него я готова была убрать.

Мой главный поморщился:

— Не в этом дело. Слабенькая статейка. Плохо написанная.

Сказал бы правду: не хочу ее печатать, потому что не хочу ссориться с коллегой из «Комсомолки». Я бы, наверное, поняла. Но назвать мою статью «слабенькой»!?

В «Собеседнике» было введено «демократическое» правило — если кто-то не согласен с мнением главного редактора — вопрос выносится на обсуждение редколлегии. Я и воспользовалась этим правилом.

Все прочитали статью. Началась редколлегия. И все по очереди начали объяснять мне, какую плохую и даже вредную статью я написала. Моя голова опускалась все ниже и ниже. Я проиграла, и как после этого я буду смотреть в глаза Аграновскому — ведь он оказался прав!

Доходит очередь до Андрея Максимова. И он держит такую речь:

— Господа, слушаю вас и поражаюсь. Зачем мы обманываем друг друга? Она, — жест в мою сторону, — написала классный материал. Жесткий, доказательный, эмоциональный. То, что в нем все до последней точки правда, я могу подтвердить — я в то время был в «Комсомолке» стажером. И хотя меня на собрание не пустили, все об этом говорили, и я точно знаю, как это было на самом деле, — вот так, как она написала. Зачем мы врем друг другу? Давайте скажем честно, что не будем печатать эту статью не потому, что она слабая, а потому что боимся поссориться с «Комсомолкой» и осложнить себе жизнь. Тогда это хотя бы будет правдой…

Вот такую речь двинул замечательный Андрей Маркович, от которого я это ожидала меньше всего. Андрей никогда не был борцом, не толкал пламенных речей и любил поговорить исключительно об искусстве.

Статью мою, конечно, в «Собеседнике» не напечатали. Но тот же Максимов после заседания редколлегии посоветовал отправить ее в «Независимую газету». Что я и сделала. Виталий

Третьяков напечатал ее прямо в завтрашнем номере.

Во время рождения «Декамерона» Андрей Маркович вел на радио «Эхо Москвы» передачу о любви. Целый час он разговаривал с приглашенным в редакцию гостем о прекрасном чувстве, причем, не влезая ни в какие интимные подробности, корректно и очень эмоционально. Вот примерно такой разговор хотелось вести мне и в «Декамероне».

Раздрай в редакции

Павленкова, которая стала часто бывать в главном офисе фирмы, — фотки забрать, верстку показать и т. д., — иногда приходила и ошарашивала меня новостями: «Ты знаешь, Вичи говорят о том, что за стремительный рост тиража „Декамерону“ выписали большую премию. Приказ висит на доске». Я отмахивалась: если нам и переводили деньги, то они уходили на пока неприбыльный «Успех». Павленкова смотрела на меня с жалостью. Иногда она приступала с расспросами к Костылину. Тот немедленно делал круглые глаза: «Какие деньги, Лена, ты что? Разве ты не знаешь, сколько мы должны Хозяину за „Успех“? Мы же брали в долг, а сейчас отдаем». Въедливая Павленкова не верила, но не за горло же брать генерального директора нашей маленькой фирмы! Мы по-прежнему бедствовали, хотя и появились, наконец, мизерные гонорары, и я могла хоть иногда заказывать интервью авторам.

Самое забавное и обидное, что мои дорогие «узбеки» повели себя совсем как дети, — они обиделись на меня и на Павленкову за то, что мы фактически бросили «Успех». Но если я все-таки давила авторитетом, то с бедной Ленкой они просто перестали разговаривать. И даже ее близкая подружка Нелька, с которой они работали еще в Ташкенте в дремучие годы, в упор ее не видела. Это был такой странный бойкот, с которым никто ничего не мог поделать. И я, и красноречивый Жилин не один раз пытались объяснить и на планерке, и в личной беседе, что «Декамерон» — это не предательство, а единственно возможный путь для выживания «Успеха» — все было бесполезно. С Павленковой никто не разговаривал целый год.

Это, увы, был не первый наш конфликт. Когда мы только складывали бумаги в коробки и готовились к переезду на Поликарпова, выяснилось, что два человека из нашей команды перевербованы «Вич-инфо» и остаются там работать. Сломались двое, и как водится — представители сильного пола: наш Длинноволосый и очень талантливый художник, ну и, конечно, Певец со своей тонкой и ранимой душой. Это был удар, но гораздо легче того, что нанесла нам под самый дых моя любимица Сайкина. Она ушла с нами в новый «Успех», но с первого дня не переставала ныть на тему «нечем кормить детей». Я разрешила ей подрабатывать — писать в другие издания. Но она издалека начала подготовку к тому, что ей «очень не хочется, но придется увольняться, и идти в профильные издания, потому что там хорошо платят и т. д. и т. п.» В конце концов она

написала заявление об уходе, я чуть ли не со слезами его подписала. Сайкина ушла, а через день всезнающая Павленкова сообщила, что наша Сайкина благополучно работает в газете «Вич-инфо».

— Кто следующий? — зло спросила я на планерке свой осиротевший коллектив. Ответом было глухое молчание. Только Антон огрызнулся, он всегда не понимал, почему это Сайкина ходит у руководства в любимчиках.

Ну как я могла ее осудить? Начать вспоминать, что я практически спасла ее от голодной смерти, взяв в «Успех» на хорошую зарплату? Так она эту зарплату вполне отбарабанила, поставляя «гвозди» — сенсационные статьи — в каждый номер. Упрекнуть ее в том, что человек всегда ищет, где лучше? Так слаб он, человек, слаб и беден.

Ну а потом началась эта беспрецедентная травля Павленковой. Что-то, наверное, я делаю не так, грустила я по ночам у себя дома. Плохой, видно, из меня редактор, если ни предателей вычислить не могу, ни конфликт в коллективе разрулить. А могу только день и ночь сочинять свои заметки да писать дурацкие статейки про любовь и дружбу. А слабо написать про предательство? Слабо! Слабо, потому что любить трудно, а предать — легко, здесь нет страсти, нет драмы, для предательства не нужны ни душа, ни сердце — один голый расчет.

Кстати, о предательстве. Худо ли бедно, но все мои сотрудники после окончательного, уже второго закрытия газеты «Успех» устроились с работой. Кроме Жилина. Верткий Костылин как-то не подумал о своем закадычном дружке, когда торговался с Хозяином, продавая «Декамерон», а заодно и нас всех скопом. На Вовку было страшно смотреть. Он даже говорить не мог — от обиды ему сводило скулы, и он только мычал. И вот тогда-то я первый раз подумала: ну, Вовка это Вовка, со мной ничего подобного произойти не может. А уже ВСЕ ПРОИЗОШЛО. Только я этого тогда не понимала. И под традиционное, но такое приятное уху подпевание Хозяина «гений вы наш!», я с улыбкой юродивого на лице снова переместилась в стены «Вич-инфо».

Мои «гвозди»

Но сначала, прежде чем покинуть наш уютный, хоть и тесный дом на Поликарпова, я вспомнила всех тех, кто сделал славу и тираж новой газете «Декамерон». Многие из них приезжали сюда и сидели на этих стульях, другие даже выпивали с сотрудниками немного леминого коньяка, а некоторые оставались нашими друзьями на долгое время и с удовольствием приезжали на редакционные тусовки и вечеринки. Почему эти артисты, звезды, между прочим, первой величины соглашались на интервью никому не известной со скользким содержанием газеты «Декамерон»? Трудно сказать. Помню, что Марка Григорьевича Розовского порекомендовала мне директор поп-группы «Доктор Ватсон». Она когда-то работала в театре «У Никитских ворот» и каким-то дивным образом легко уговорила маститого режиссера на интервью. Чтобы не приводить светил нашей культуры в обшарпанные кабинеты офиса, мы нашли небольшое кафе на Соколе. Его владельцы с удовольствием принимали наших гостей — их угощали совершенно бесплатно, а они фотографировались на память. Их изображения потом появлялись на стене обеденного зала под заголовком «Наши постоянные посетители». И все были довольны — артисты за угощение, журналист — за интервью, владельцы кафе — за рекламу, а фотокор Серега — за дармовое пиво в любых количествах. Естественно, под каждым интервью мы публиковали рекламу нашего любимого кафе.

Марк Григорьевич — человек с потрясающим чувством юмора. Жаль, что не все его спектакли одухотворены этим качеством. Он долго рассказывал о своей жизни, с удовольствием вспоминал родителей и свое детство, особенно — стиляжное прошлое, а потом вдруг спохватился: «А зачем я вам все это рассказываю?» Я начала убеждать его, что личная жизнь известного человека так же интересна зрителям, как и творческая. Тем более, у Розовского совсем молодая жена и только что родился сын Сенька.

Идея фикс у меня было сделать интервью с секс-символом 90-х годов Андреем Соколовым, которого мы между собой называли «Маленький Вер» — за его первую звездную роль в нашумевшем фильме «Маленькая Вера» Василия Пичула. Удивительно, но Соколов согласился. Моя творческая мысль заработала дальше — а не снять ли нам его на обложку? Соколов удивил еще раз — он был готов, но при этом поставил условие: никаких женщин рядом. Только он один. Но мужчина на обложке женского журнала — это

скучно, даже если этот мужчина Маленький Вер. И тогда я пошла на хитрость. Уговорила его поехать в Пушкинский музей в выходной день и сфотографироваться рядом с мраморной копией Венеры Милосской. Как я уговаривала музейных работников — отдельная песня. Но Соколова любили, у него, действительно, была заоблачная популярность. Когда он рано утром подкатил к Пушкинскому музею на своем джипе, диковинной еще тогда в Москве машине, посмотреть на него высыпали даже ночные электрики и сторожа, специально ради такого случая задержавшиеся на работе.

Соколов очень долго лепил из себя перед журналистами образ неженатого скучающего мужчины. Артисты всегда играют роль. Так вживаются в профессию, что выйти из нее не могут и в жизни. Но там, в таинственном полумраке пустынного музея, мы разговаривали шепотом, чтобы эхо не неслось по залам и экспозициям, «не для печати». Пока фотокор Серега ставил свет и искал композицию, мы сидели в ногах Венеры Милосской.

— Неужели ты вправду думаешь, что я до сорока лет прожил холостяком? — удивился на один из моих вопросов Андрей. И вздохнул: — Да все у меня есть. И семья, и дети. Только зрительницы больше любят неженатых кумиров. Понимаешь?

Я, конечно, понимала. Но думала о другом: как же они, бедные артисты, не уверены в своем таланте, в своей популярности, если ее надо все время подогревать не ролями, не фильмами и спектаклями, а всякими враками?

В этом смысле мне было гораздо интереснее с артистами старшего поколения. Эти уже были не просто любимцами публиками, а легендами, эпохой, и им уже не нужна была дешевая популярность. Милые откровения и даже интимные подробности личной жизни уже не могли подпортить ни их авторитета, ни их славы.

Валентина Никулина мне удалось затащить в наше кафе буквально через несколько дней после его возвращения из эмиграции. Он не хотел уезжать в Израиль, но на этом настояла жена. Причем, покидая Москву, она продала и квартиру, и дачу, несмотря на мольбы мужа оставить здесь хоть что-нибудь, к чему можно будет вернуться. Иврит ему так и не поддался, отношения с женой совсем разладились, и Никулин один уехал обратно в Москву почти через десять лет израильской жизни. Жил у друзей, потом все же «Современник» выхлопотал ему квартиру, и даже муза нашлась — в лице молодой, довольно странной поклонницы по имени Марина.

Совершеннейшей глыбой показался Мережко. Слушать его еще интереснее, чем смотреть фильмы по его сценариям, хотя и

сегодня вряд ли кто-то из сценаристов может конкурировать с ним. И степень его откровенности оказалась поразительной. Его жена умерла от рака совсем молодой — чуть после сорока. И привлекательный, импозантный Виктор Иванович больше никогда не женился — считал себя виновным в ранней смерти жены. «Гулял много, позволял себе много, юбки не пропускал — а она все видела и терпела, все держала в себе. Вот и сгорела быстро», — печалился мэтр. И как-то не повернулся у меня язык спросить его о сплетне, которая гуляла в актерской тусовке. Мережко дружил с актером Юматовым и его женой Музой Крепкогорской. (Они соседствовали в районе метро «Аэропорт».) Когда Юматов умер, Виктор Иванович якобы оказывал всяческое внимание его вдове, утешал ее — в основном алкоголем, отчего она быстро последовала за мужем. А потом оказалось, что свою квартиру Крепкогорская завещала именно Мережке, а заодно и все свои драгоценности, коих у нее, по словам ее бывших подружек, было немало. Но пусть эти разговоры останутся на совести тех, кто их вел.

Намучилась я с моим любимым актером Сергеем Никоненко. К нему тоже подъехала не с пустыми руками. Знала о его особом отношении к Сергею Есенину. Когда-то в молодости именно он сыграл юного поэта и с тех пор «заболел» им и его творчеством. В отличие от бесконечно талантливого Безрукова, Никоненко поразительно походил на Есенина и внешне. Он стал настоящим собирателем и хранителем памяти великого поэта — скупал на аукционах все, к чему хотя бы раз притрагивался поэт. Приобрел на Арбате квартиру в доме, где несколько дней жил Есенин, и сделал в ней настоящий музей. Одним словом, я напросилась в этот музей на экскурсию, и уже потом, втеревшись к актеру в доверие, уговорила его на интервью о личном. Никоненко долго отпирался. Но я все-таки затащила его в любимое кафе, там его угостили коньячком, и он разговорился. Я слушала не дыша. И про Михалкова, который подолгу жил в его квартире («А в кино меня так ни разу и не снял!» — с обидой прокомментировал Никоненко.) И про своих трех жен, и свою версию гибели поэта Есенина… Потом, читая интервью, он сомневался — подписывать его или нет.: «Катя (жена) прочитает — обидится, — рассуждал Никоненко, — может, не надо, а?» Ну, уговаривать — это основа нашей профессии!

Семен Яковлевич Спивак

Об этом человеке я должна рассказать отдельно. Как-то еще в счастливые успеховские времена, когда мы казались себе богатыми и беззаботными, Нелька уговорила меня поехать в Питер. Мы с ней не смогли заранее заказать комнату в гостинице и решили провести в северной столице один день: утром приехали — вечером обратно ночным поездом. За день так намотались и устали, что хотелось одного — где-нибудь сесть. А лучше — лечь. До поезда еще было часов шесть-восемь, а сил не было совсем. Нелька соображала недолго: «Пойдем в театр! — объявила она, — там отдохнем, а заодно повидаем старых друзей». Молодежный театр на Фонтанке когда-то был на гастролях в Ташкенте, где Нелька со всеми перезнакомилась и с кем-то даже закрутила романчик. Она позвонила этому «романчику» — и вот мы сидим в крохотном зале. Я читаю программку: мама родная! «Маркиза де Сад»! Три действия! Спектакль идет 4 часа! В нем заняты 4 актрисы! О, Боже! Не скажу, что я не любила театр, нет и нет, но все же понимала условность этого искусства, и выдержать эту условность больше полутора часов… Что же со мной будет?

Кресла, правда, в театре оказались очень удобными. Я вытянула ноги, согрелась и только хотела задремать… Но тут началось… нечто! Не решаюсь назвать это спектаклем. Со мной случилось что-то поразительное. Сон как рукой сняло. Я не дышала и мечтала только об одном — чтобы это действо никогда не кончалось. Я чувствовала, как по лицу ручьем льются слезы — а ведь я никогда в жизни не плакала в театре! Не могу объяснить, что это было, не знаю, как сделано — но то, что происходило на сцене и в моей душе, было волшебно!

И я потащила Нельку за кулисы — мне хотелось поблагодарить режиссера, который сотворил с моей душой нечто невообразимое. Нелька ворчала, что мы опаздываем на поезд. «Мы на минутку!» — умоляла я ее.

В маленьком узком кабинетике на старом советском стуле сидел небольшого роста худенький человечек в больших очках. Он мог быть корректором или бухгалтером, на худой конец товароведом — но никак не великим режиссером. Но я точно знала — передо мной сидит Великий Режиссер. Я ему прямо так и сказала. Семен Яковлевич ужасно удивился. Покраснел. Был польщен и долго жал мне руку. Мы обменялись телефонами и помчались на Московский вокзал.

Через пару лет Владимир Борисович Коренев — народный

артист России и незабываемый человек-амфибия — точно так же попал в Питер, зашел в театр на Фонтанке (кто-то ему посоветовал), точно так же был потрясен и растроган, точно так же после спектакля тряс щуплую руку режиссера. Коренев служил в московском театре им. Станиславского, который в то время оказался без главного режиссера, и Владимир Борисович сделал все возможное и невозможное, чтобы на этот пост пригласили Семена Спивака.

Моему счастью не было предела! К этому времени я уже посмотрела все, что шло на сцене театра на Фонтанке, была своим человеком за кулисами, пила с артистами после спектакля шампанское в маленьком кафе на Технологическом. Тогда эти артисты никому не были известны, кроме поклонников театра Спивака. Еще не были сняты «Улицы разбитых фонарей» и другие прекрасные питерские сериалы, где они потом будут участвовать чуть ли не всей труппой. А две любимицы режиссера вообще станут звездами: Наташа Суркова после фильма «Свои», Даша Юргенс — после «Брата».

И вот Спивак в Москве. Я могу ходить не только на спектакли, но и на репетиции, которые у Спивака такие же талантливые, как и сами спектакли. Куда подевался маленький худенький человечек в очках, похожий на товароведа? Что происходит с ним, когда он из темного зала взлетает на сцену показать роль или отточить реплику? Я не знаю. Понимаю только одно — это НАСТОЯЩЕЕ, а его нельзя ни оценить, ни отрецензировать и уж тем более проанализировать. Происходит чудо, в которое втягиваются актеры — и избалованные успехом и публикой московские звезды, и работники сцены — я лично видела, как электрики в синих комбинезонах сидели в ложе, побросав свои щитки и лампочки, и уж, конечно, зрители, которые, как и я, не могут понять, что творится в их душе и по чьей воле они плачут и смеются.

Тогда еще никто не знал дочку режиссера актрису Эмилию Спивак. Миля училась в институте и была занята в эпизодах в некоторых спектаклях отца. Сеня — очень щепетильный человек и ужасно боялся обвинений в кумовстве. Первая же роль Мили в кино — в неплохом питерском сериале «Тайны следствия» — доказала, что Семен Яковлевич зря скромничает — дочка у него очень талантлива. Сказала об этом Спиваку — он зарозовел (краснел уже раньше!), замахал на меня руками: «Все равно никогда-никогда не буду работать с ней в одном театре! Это неприлично, в конце концов!»

Через полгода он позвонил мне с «бедой»: его любимая актриса, его прима Даша Юргенс уходит в декрет, уже совсем на

сносях, а у него на выходе «Отелло», и замены актрисе нет! Сеня чуть не плакал. И тогда я, набрав в легкие воздуха, сказала: «А ты возьми Мильку. Никто тебя сейчас не выручит, не сделает быстро роль Дездемоны — только дочь». Сеня что-то проворчал и повесил трубку. А вскоре — громкая премьера в театре на Фонтанке — весь Питер только и говорил о новой театральной звезде Эмилии Спивак. Сеня часто потом вспоминал тот мой совет с благодарностью.

Первый спектакль в Москве, который он поставил по незатейливой французской пьеске, до сих пор идет с полными аншлагами — а уж лет восемь точно прошло со дня премьеры. Я смотрела «Мужской род, единственное число» бесконечное количество раз. Всех своих друзей-подруг-родственников сводила на него, думала: посижу первый акт, и уйду — и всегда досиживала до конца. Довольно пошловатый сюжетец про женщину, которая стала мужчиной и через много лет вернулась — или вернулся — к мужу и сыну, режиссер поднял до таких высот трагедии, что зрители в зале и плакали, и смеялись. Настоящая трагедия без юмора и смеха становится ужастиком, а вот когда она приправлена смехом и улыбкой — она реально трагедия. Бывшую жену бесподобно играет Коренев, его бывшего мужа — Борис Невзоров. Это не просто дуэт — это великий, блестящий дуэт двух очень талантливых актеров, которых кино не раскрыло даже на сотую часть.

К сожалению, жизнь Семена Яковлевича в Москве не задалась. Министерство культуры не выполнило обязательств, которые брало на себя, приглашая его в Москву. Определенные трения возникли между режиссером и директором театра. И вообще, питерцы — это ведь особая каста, им в Москве тяжело… Это я про творческих людей говорю!

Но в Москве Спивак подарил мне знакомство и дружбу с семьей Кореневых. Главу семейства мне тоже удалось притащить в наше кафе, причем после спектакля, вместе с ним поехали сам Спивак и жена Владимира Борисовича Алла Константинова — актриса этого же театра. Эта жена меня всю дорогу раздражала — ну как я буду при ней расспрашивать актера про его личную жизнь? Но оказалось все строго наоборот. Коренев обтекаемо и дипломатично обходил стороной свои любовные истории, а вот Алла на каждый мой вопрос восклицала: расскажи, расскажи, как ты не хотел на мне жениться! Или: чего ты скромничаешь, ты же был влюблен в Настю Вертинскую. В общем, я поняла, что интервью надо делать с ней, а не с ним. Но газета — это поток, производство. Я быстренько слепила материал для «Декамерона», но Алла Константинова не выходила у меня из головы. И вот

летом я выбрала момент, когда супруги отдыхали на даче, и напросилась к ним в гости. Всего-то 90 км — моя «Шкода» без труда пронеслась по Дмитровскому шоссе — и я у Кореневых. Старая дача в лучших дачных традициях, лес растет прямо на участке. Мы отправили Владимира Борисовича гулять с внуком Егором, а сами сели на балконе второго этажа. Проговорили весь день. Коренев даже забеспокоился: «Алла, ты там лишнего ничего не наговоришь?» Но было уже поздно — Алла рассказала мне всю историю их жизни.

Но куда девать это богатство? И я вспомнила про «Караван историй». Он еще только набирал обороты, но довольно уверенно лидировал по тиражам среди глянцевых журналов. Никого знакомых у меня там не было — я набрала первый попавшийся телефон, попала сразу на замредактора по имени Кирилл. Он сразу все понял и продиктовал электронный адрес. И мой Коренев отправился в путешествие.

Его опубликовали в следующем же номере. Кирилл позвонил, поблагодарил и просил «написать что-нибудь еще». Гонорар, который мне заплатили за этот материал, равнялся моей месячной зарплате. Мне бы тогда пораскинуть мозгами и сосредоточиться на «Караване», уйти туда работать, и писать, писать, писать. Но… мозгов на это не хватило, потому что я уже любила свой «Декамерон», не могла с ним расстаться, ведь я считала его своим детищем!

Снова в «Вич-инфо»

До чего мне не хотелось туда возвращаться! Никак не могла забыть, как однажды перед Новым годом Хозяин пригласил нас — меня, Жилина и Костылина — на фуршет в собственном кабинете. Такие приемы он ежегодно устраивал для менеджеров старшего звена. И мы поперлись, причем больше всех уговаривал пойти Костылин. Я надела черный бархатный костюмчик с короткой юбкой, привезенный очень давно из Лондона, накрутила на голове что-то типа «бабетты» — это был настоящий жест отчаяния, потому что в принципе я люблю брюки и короткие стрижки. Мы пришли чуть ли не первые, Хозяин радостно пожал нам руки и усадил на кожаный диван. На столике пенилось в бокалах шампанское. Я изображала веселье, Жилин с Костылиным были строго сдержанны. Когда в кабинет потянулись Вичи, они через губу здоровались с нами и становились поодаль кучкой. Так что мы втроем оказались как бы в полной изоляции. Их презрение и брезгливость по отношению к нам они не могли, да и не пытались скрыть! Единственное, чего они не понимали, — зачем Хозяин пригласил сюда «этих Успехов»? При первой возможности я улизнула из этой страны веселья. В коридоре меня догнал Певец. Отводил глаза. Пытался что-то объяснить. «Певец! — сказала я ему, — не парься! Ничего объяснять не надо! Все понятно!»

А теперь мы возвращались. И каждый день должны теперь сталкиваться с ними в коридорах. И с Певцом, и с Сайкиной, и с Длинноволосым художником… Наши пути с Жилиным и Костылиным с этого момента разбегались: Жилин вообще ушел из конторы, а Костылин сел в отдельный кабинет генерального директора рекламного агентства, который вскоре вышел из состава издательского дома и стал отдельной юридической единицей. Костылин тут же нарожал еще кучу малых дочерних предприятий — видно, для того, чтобы крутить деньгами было легче, чтобы наличка всегда была в руках.

А мы с Павленковой сели рядком в небольшой комнатке на шестом этаже и продолжали делать свой «Декамерон». Теперь нам уже платили хорошие зарплаты, назначили достойный гонорар, мы могли позволить себе найти шустрых авторов — и они быстро нашлись, Катя с Таней, которым так хорошо работалось вместе, что они согласились поделить одну ставку пополам. Катя с Таней были молоды, мобильны, амбициозны, правда, писали поначалу плохо, наивно, вопросы актерам задавали банальные — ну и ответы получали соответственные. Но они были готовы учиться, с

удовольствием переделывали свои интервью. В редакции не нашлось места, и я разрешила им приходить на работу только по мере необходимости — вычитать статью да гонорары получить.

Через полгода тираж «Декамерона» вырос до миллиона двухсот тысяч. Такого быстрого и огромного роста тиража не было ни у одной газеты в России — этот рекорд был зафиксирован в виде почетного диплома и повешен у меня в кабинете. Мне, кстати, выделили отдельный кабинет и даже секретаря. Вообще, секретарши были в издательском доме святыми коровами. Почему-то самыми востребованными, высокооплачиваемыми и уважаемыми оказались здесь именно секретарши да еще водители. Секретарш было много — у всех учредителей минимум по две, которые работали по очереди и как-то там менялись, у остальных клерков — по одной, но поскольку клерков тоже было немало, секретарши толпами ходили по этажам. К этому времени издательский дом был в расцвете сил — выпускал двенадцать наименований изданий, из них три (ну кроме самого «Вич-инфо», естественно) — «Декамерон», «Черешенка» и «Детки» имели заоблачные тиражи и приносили баснословную прибыль. Я как-то пыталась подсчитать, учитывая отпускную цену, затраты на редакцию и тираж, сколько это выходит в цифрах. Прибыль только от одного «Декамерона» достигала больше миллиона долларов в год. Чистой прибыли! Даже Костылин как-то обмолвился: все, что было потрачено на «Успех», с лихвой вернул «Декамерон».

Да что толку считать чужие деньги в чужих карманах! Нам ведь тоже платили. Не так много, но после голодных лет на Поликарпова даже эта зарплата казалась целым состоянием! Это я потом узнала, сколько получают главные редактора в других издательских домах — по сравнению с ними наши зарплаты были и вправду нищенские.

Песочница

Зато была свобода! Поскольку сам Хозяин в стране и соответственно в редакции бывал крайне редко и очень недолго, то контролировать или хоть как-то влиять на работу редакторов малых изданий не мог. На хозяйство, то есть генеральным директором, он назначил странного человека с птичьей фамилией Уткин. Странным он был потому, что совершенно ничего не смыслил в журналистике, издательском деле. Газет, как я потом поняла, вообще не читал и самое главное — не любил, имел марксистско-ленинское образование и до прихода в «Вич» возглавлял музей Ленина — своеобразный такой музей был в советские времена на Павелецком вокзале. Сейчас мало кто об этом помнит, но тогда на этом вокзале в специальном ангаре стоял локомотив поезда, на котором тело Ленина приволокли из Горок в Москву хоронить. Поезд, видимо, не столько смущал, сколько мешал нормальной работе огромного железнодорожного узла, музей, в конце концов, ликвидировали, а Уткина взял на работу его старый товарищ — Хозяин.

И вот тут надо обязательно рассказать про песочницу. Про эту самую песочницу в издательском доме «Вич-инфо» ходили буквально легенды. Первый раз я услышала про нее еще в свой первый приход в «Успех». Когда зашел разговор о каком-то начальнике, мне сказали: «Ну, он же с Хозяином в песочнице играл». Это означало — друг детства. А друзьям детства надо помогать, и потом только им можно доверять — вот и делают карьеру неумехи и бездарности, ярким представителем которых был как раз Уткин.

Кстати, это — распространенный способ подбора кадров не только в газетах. Мне рассказывал один знакомый — эксперт крупной американской консалтинговой компании, — что подобные песочницы — настоящий бич многих крупных фирм. Как правило, в самом начале бизнеса партнерами становятся именно друзья детства — те самые, из «песочницы». И через несколько лет они же превращаются в проблему, в балласт, который не дает компании развиваться дальше. И уволить их нельзя — как же, друзья детства! На их место взять бы новых — молодых, талантливых и инициативных — но пресловутая «песочница» становится буквально камнем преткновения.

Наш Хозяин много и, похоже, плодотворно играл в песочнице — у него друзей детства была просто прорва. Пока издательский дом был богат, присутствие этих друзей мало ощущалось — можно было позволить и их держать на хороших

зарплатах, и набирать талантливых рекрутов, чтобы хоть кто-то двигал дело вперед. А вот когда наступили трудные времена — «песочница» превратилась в реальную проблему.

Уткин относился к странной, но довольно распространенной породе людей: когда они говорят, ты вроде понимаешь каждое слово, но совершенно не улавливаешь смысла сказанного. Поначалу я стеснялась этого своего непонимания. Потом убедилась, что и многие другие испытывают то же самое. А ведь Уткин был не просто менеджер — генеральный директор! По сути, первое лицо в издательском доме, не считая Хозяина, который бывал здесь все реже и реже.

Мне приходилось общаться с Уткиным как минимум раз в месяц — он выдавал гонорары всем редакторам газет. Обычная передача денег выливалась в сущую пытку, потому что Уткин при этом интересовался делами в редакции. Поначалу я пыталась что-то рассказывать ему и даже делиться проблемами, которые всегда существуют в таком беспокойном хозяйстве. Потом поняла, что его интерес — исключительно дань вежливости, мои рассказы вызывали у него скрытую зевоту, и я прекратила пытку — ограничивалась лишь дежурными словами: «Все нормально».

Другой «друг из песочницы» занимал не менее важную должность заместителя главного редактора газеты «Вич-инфо». Назовем его Вася. С его фигурой связана не просто какая-то там песочница, а целый мелодраматический сюжет. Согласно легенде, ходившей по издательству, отцы Хозяина и Васи были близкими корешами, дружили семьями. И когда Васин отец умирал от тяжелой болезни, попросил сына своего друга, то бишь Хозяина, который тогда уже был при деле и при деньгах, не оставлять Васеньку. И Хозяин постарался — дал ему должность, деньги, кабинет, персональную машину и даже симпатичную помощницу, с которой, как водится, у Васи разгорелся роман.

Даже по внешнему виду Васи можно было сказать — к журналистике он имеет весьма косвенное отношение. Был он какой-то гладкий и плоский, как будто вырезанный из бумаги. Всегда носил темные костюмы с безупречной светлой рубашкой и галстуком (ну, журналисты знают, что костюмы в редакциях носят только начальники и только по большим праздникам). Ходил с высоко запрокинутой головой с дежурной вежливой улыбкой на лице.

Два раза мне даже «посчастливилось» беседовать с Васей. Первый раз — после того, как Хозяин устроил разгон в своей редакции. Ему не понравилась подборка писем, которую подготовили журналисты и Вася в том числе. Он ругался, а в качестве положительного примера привел «Декамерон», который

печатал, по его замечанию, прекрасные жизненные письма. «Вот идите в „Декамерон“ и поучитесь, какие письма нужно печатать в газете», — якобы сказал Хозяин своим подчиненным. Вася, как дрессированный бобик — нет, чтобы просто почитать письма в нашей газете — позвонил мне и попросил передать ту почту, которая по разным причинам нашей газетой забракованы. Я — тоже ведь дрессированный бобик — подобрала папочку почты и понесла к Вичам на пятый этаж. Вася со своей кралей сидели в отдельном кабинете и пили чай. Мне тоже налили чашку и распахнули прямо перед носом коробку конфет. И приготовились слушать. Я принялась рассказывать, как я вижу сам процесс общения с читателем, без которого, на мой взгляд, невозможно функционирование ни одного печатного органа, как отношусь к письмам — сама читаю все до единого и никогда не жалею для этого времени. Они слушали, как отмороженные. Смотрели мне в рот — и молчали. Ну, ни одного вопроса не задали, ни одной реплики не бросили! Я поняла, что это «беседа с Уткиным номер 2» и быстренько закруглилась. Второй раз был похож на первый — и даже не помню, что было темой нашего разговора.

Вы спросите: как же при таких нерадивых руководителях газета не просто выходила, но еще и набирала рекордные тиражи? Объясняю: Хозяин все-таки был гениальный редактор. Во-первых, потому, что он все это придумал. Хотя Певец и считал, что идея подобной газеты могла появиться в мозгах только у человека с огромными сексуальными комплексами, я могла с ним согласиться лишь отчасти. Потому что любую идею надо не только придумать, но и воплотить. А тут уже на сексуальные комплексы не сошлешься. Во-вторых, Хозяин сумел собрать команду (от нее к моему приходу уже никого не осталось), заразить ее своей идеей и довести всех вместе до победы, до большого тиража. Это, надо признать, ему удалось блестяще. Другое дело, что большие деньги сильно меняют людей. Я даже жалела, что узнала Хозяина уже почти олигархом, что не удалось поговорить с ним до его взлета к финансовым вершинам, наверное, тогда он был безумно интересным собеседником!

Так вот, гениальность Хозяина как раз в том и состояла, что он создал продукт в виде газеты «Вич-инфо», который мог дальше двигаться почти самостоятельно. И такие фрукты, как Уткин или Вася, помешать этому движению уже не могли.

Рабочий день

Я являлась в офис к 11 часам. Первым делом читала почту. Работал огромный отдел по переработке приходящей продукции — каждое письмо надо распечатать, прочитать и определить его дальнейшую судьбу. Письма в «Декамерон» сотрудницы отдела складывали в отдельный ящик, и я каждое утро заходила сначала к ним, чтобы этот ящик забрать. Учетчица отдела писем Оксана при виде меня широко улыбалась и предлагала проводить до моего кабинета. Мы шли по коридору, она рассказывала мне о самых интересных письмах в «Вич» и предлагала эти, на ее взгляд, самые интересные письма отдавать нам в «Декамерон». Я решительно отказалась от этой сомнительной сделки, но потом Оксана принесла мне письма, которые «Вич» забраковал и уже отправил на вечное поселение в архив. Письма были интересные, и я вступила в тайный сговор с Оксаной — она передавала их мне, а не списывала в архив.

Пока не появлялась Павленкова — а это происходило, если вы помните, к «часу утра» — я читала почту, отбирала самые интересные письма и сама же их редактировала. Потом меня часто спрашивали в разных читательских аудиториях — реальные ли истории печатаем мы в наших подборках? И я обтекаемо отвечала: да, реальные, но отредактированные, немного «дотянутые» журналистами. Потому что читатели пишут, как говорится, что в голову придет. А письмо — это маленький законченный рассказик, и каждый должен стать настоящим шедевром. Недаром читатели любят именно подборки писем, и не только у нас — я помню, как Виталий Алексеевич Коротич, незабвенный главный редактор «Огонька», рассказывал, что именно почта подняла тираж журнала до миллиона — случилось это в начале 90-х годов.

Приходила Павленкова, и мы отправлялись обедать, то есть обедала я, а Павленкова завтракала. Столовка находилась в цокольном этаже, и поначалу там вполне сносно кормили. После обеда я читала материалы, а Павленкова еще с час кружила по издательскому дому, собирая разнообразную информацию. Ну, например, когда приедет Хозяин, дадут ли на этой неделе гонорар, кто с кем прошелся под ручку по коридору — в общем, обычные милые мелочи, которые злые люди почему-то называют сплетнями.

Днем забегали авторы — приносили материалы. Обсуждали темы. Авторы — это, как правило, журналисты других изданий, которые сидели в своих газетах на очень маленьких зарплатах и

искали способы подработки. Некоторые приходили самотеком — присылали письмо, которое чем-то цепляло за душу, начиналась переписка и — находился новый интересный автор. К вечеру Павленкова сбрасывала мне на компьютер отредактированные и подготовленные к верстке материалы — я их читала, ставила на них подпись, и они отправлялись на 8-й этаж — к художникам, верстальщикам, корректорам. Около семи я уходила, а Павленкова, не поднимая головы от клавиатуры, стучала и стучала тексты для следующих номеров.

Иногда мы с ней подолгу обсуждали наши семейные проблемы. Ее дочка в это время как раз переживала сложную пору взросления: ушла из дома и снимала с подружкой квартиру, вместо учебы в вузе устроилась официанткой в плавучий ресторан, но самое страшное — влюбилась в парня, который оказался наркоманом. Бедная Павленкова не спала ночами, мечтая вырвать из рук злодея свое единственное чадо, а чадо жаждало самостоятельности и не желало слушать мать. Мой сын, уже вполне самостоятельный к этому моменту, наоборот, никак не хотел жениться. В общем, у нас с Павленковой было много тем для разговоров.

А вот о работе мы говорили мало. Как супруги, долго прожившие вместе, уже не нуждаются в длинных беседах, понимая друг друга с полуслова, так и мы — все, что касалось работы, нам было понятно практически без слов. Еще я могу сравнить наш труд с игрой на пианино в четыре руки. Вот пригодилось — не зря же я в детстве занималась в музыкальной школе!

Тендер

Однако, как это уже было отмечено, все хорошее когда-нибудь кончается.

Наступило лето 2003 года. Павленкова уехала отдыхать — она ведь из Ташкента и ужасно любила брать отпуск именно в жаркое время. А я с Урала и не люблю жару. Поэтому я уезжала из Москвы весной и осенью — и ни разу больше, чем на неделю, в отпуск не уходила. Все боялась, что без меня что-то случится, что-то развалится, что-то непоправимое произойдет. Весной мы с мужем съездили в прелестную поездку по столицам скандинавских стран, осенью запланировали Испанию, и в предвкушении этого я сидела в своем кабинете и работала за двоих.

Когда первый раз Хозяин прислал мне статью на рецензию? Уже и не помню. Просто однажды секретарша передала мне большой конверт, в который была вложена уже подготовленная к печати в газете «Вич-инфо» статья, к ней прикреплена бумажка с размашистой подписью Хозяина: «Прочитайте. Как ваше мнение?» Я — ну дрессированный же Бобик — добросовестно прочитала и так же старательно написала целую рецензию — что и почему не понравилось, как можно исправить. Через некоторое время мне на стол положили новый конверт — в нем было уже несколько статей и с такой же припиской Хозяина. Я забрала работу на дом — и за выходные подробно и по пунктам разложила и прорецензировала каждую статью. Я даже не задумывалась, зачем Хозяину это нужно, тем более так бывает: глаз, что называется, замыливается, и мнение стороннего человека совсем не помешает. Только я не знала, что статьи эти с моими подробными рецензиями Хозяин сразу же после прочтения отсылал непосредственно Васе — своему заместителю, который и готовил эти заметки к печати. Если б я это знала, я бы, конечно, выбрала более мягкие обороты и не такой язвительный тон. Но мне так хотелось продемонстрировать Хозяину свое чувство юмора! Тоже, прямо скажем, рабское желание…

Вот так у меня появилась эта обязанность — рецензировать заметки, которые присылал Хозяин. Мне казалось, что наши оценки совпадают, меня веселила эта работа. Чем больше я читала, тем больше недоумевала — многие статьи в «Вич-инфо» скорее походили на художественные рассказы, на новеллы, на научные обзоры — но к журналистике это не имело никакого отношения! Я стала пытать Сайкину, которая после нашего триумфального возвращения в издательство пришла ко мне в

кабинет как ни в чем не бывало и, заискивающе заглядывая мне в глаза, спросила: «Ты ведь на меня не сердишься?» Ну что с нее взять?

Так вот я стала пытать Сайкину — как создаются все эти материалы, кто их пишет, почему они так далеки от правды жизни? Мои худшие оправдания подтвердились — практически все материалы выдумываются, существует целая группа внутри редакции, которая придумывает темы, разрабатывает идеи, ну а журналисты превращают эти идеи в тексты. Мне и Певец в те времена, когда мы распевали с ним романсы в обеденный перерыв, объяснял, что здесь царит «диванная» журналистика. Впервые я слышала такой термин! Но Певец терпеливо разжевывал мне, непонятливой, что хорошо придуманный сюжет — это еще покруче реальных репортажей. Вот он однажды придумал тему про сомов, которые якобы пожирают живых людей. Сайкина подтвердила: целыми днями редакция в полном составе придумывает и обсуждает, чем же еще можно поразить воображение читателей. Вот придумали: якобы во Владимирской области открыли способ выращивания дорогих грибов-трюфелей: надо мужику подрочить на землю, и в том месте, где упало семя, вырастают невиданные урожаи драгоценных грибов. Жилин и Костылин в свое время принесли в газету выдумку про так называемого «черного фотографа» — якобы мастер с фотоаппаратом в руках по ночам снимал через окна незадачливых любовников, а потом отправлял снимке жене или мужу — и начинался шантаж.

Я только диву давалась! Но с другой стороны — что мне эта газета, этот «Вич-инфо». Пусть они там делают, что хотят. Я тогда еще не знала, что у Хозяина уже созрел новый план. И моя скромная фигура играла в нем далеко не последнюю роль.

В июле 2004 года он собрал всех своих старших холопов и объявил, что теперь газета будет выходить два раза в месяц. Для пробного запуска этой идеи он назначает меня и главного редактора другого дочернего издания «Еда» — молодого и перспективного журналиста Караваева ведущими редакторами. По очереди в течение полугода мы будем выпускать пробный двухразовый выпуск газеты, а он посмотрит, что из этого получится. Хозяин все это объявил и на следующий день улетел к себе домой в Америку. Первый номер предстояло делать мне. И я стала ждать материалов из редакции «Вич-инфо». Однако в назначенное время ни одной заметки сдано не было. Пришлось звонить Васе, все-таки он — первый зам Хозяина. Тот промычал нечто нечленораздельное и сослался на другого зама с говорящей фамилией Недобежкин. С этим я вообще ни разу не общалась,

пришлось идти знакомиться. Недобежкин пожал плечами и сказал: сотрудники ничего ему не сдали, и материалов у него нет. Сказал как-то неуверенно, отводя глаза.

— Да они тебя просто бойкотируют, — объяснила мне Павленкова. — Хотят, чтобы ты провалила номер. Они этого и не скрывают — ты одна ничего не знаешь.

Я задумалась. Павленкова все про всех всегда знала и понимала в хитросплетениях этой странной организации больше, чем я. Через две недели возвращался Хозяин, и я должна была к этому времени положить ему на стол все материалы будущего номера.

— Ленка, — спросила я своего боевого товарища, — ты справишься одна с «Декамероном»?

Я решила: буду делать этот номер сама! Ведь у меня уже была хорошая школа — первые номера того же «Декамерона». Я призвала на помощь Таню с Катей, медицинские материалы поручила делать своей давней знакомой Лиле — журналистке из журнала «Здоровье». Та сначала поартачилась — ей ведь тоже не приходилось заниматься «диванной» журналистикой да еще в такой точной тематике, как медицина. Но я пообещала большой гонорар: таких денег за заметку не платили ни в одном медицинском издании в Москве. Лиля пару дней посидела над подшивкой, почитала заметки «звезды» медицинской тематики «Вича» Юлии Ясной, и принялась за дело. Естественно, главные материалы пришлось писать самой. Через две недели я послала с курьером пачку заметок, так что по приезде Хозяин нашел у себя на столе практически готовый номер своей газеты. Два дня он молчал — я не находила себе места. «Ну, чего ты дергаешься, — отрывалась от компьютера замученная беспросветной работой Павленкова, — ну не понравится ему, и чего? Найдет другого выпускающего, а ты как занималась „Декамероном“, так и будешь заниматься».

Она права, конечно. Но как мне хотелось, чтобы Хозяину понравилось!

Он вызвал меня через три дня. На дрожащих ногах я поплелась на второй этаж. Села перед ним, с ужасом ожидая приговора. А он неожиданно сказал:

— А знаете, мне понравилось. Это все совсем не так, как делал я, но очень интересно. Только ответьте мне на один вопрос: где мои журналисты? Почему я не вижу ни одного материала Ясной?

Я промямлила, что решила провести чистый эксперимент, сделать номер своими силами. Но, видно, не была убедительной. Хозяин все понял и побагровел. Тут же снял трубку и потребовал

к себе Васю и Недобежкина. Те вкатились к нему с бледными лицами. Хозяин бегал по кабинету, теребя в руках свои четки. У меня от этой беготни и от всего происходящего зарябило в глазах, защипало в горле, и я подумала, что сейчас грохнусь в обморок. Вот будет зрелище — я тут валяюсь в позе той самой дамы «ню», что изображена у него на картине. Мне стало смешно, страх прошел. Хозяин грозно произнес:

— Может быть, кто-то что-то не понял? Она, — театральный жест в мою сторону, — будет и дальше вести номера в «Вич-инфо»! А если кому-то это не нравится — вот порог, — еще один театральный жест, — прошу!

Вася и Недобежкин замерли в позе раскаивающихся грешников.

Так я начала заниматься газетой «Вич-инфо». Думала: полгода как-нибудь протяну. Жаль, конечно, что на эти полгода выпал самый грибной сезон, и Нелька соберет все грибы без меня, но что поделаешь? Работа превыше всего!

Следующий номер выпускал Караваев. Ему уже было проще, да он и не особо церемонился: позвонил Недобежкину и четко сказал: такого-то числа все материалы должны быть у меня на столе. Недобежкин и Вася после выволочки Хозяина и пикнуть не посмели — побежали трясти своих сотрудников. Даже непокорная Ясная — любимица Хозяина — смирилась и настрочила несколько своих «гениальных» заметок.

Про любимицу мне рассказала всезнающая Павленкова. Оказывается, эта Юлия на самом деле врач по образованию. С медициной у нее что-то не сложилось. Она начала писать заметки в «Коммерсант». Медицинская тема тогда была востребована как никогда: во-первых, потому что про болезни читать всем интересно, во-вторых, в газеты пошел большой поток рекламы медицинских услуг, а чтобы этот поток был еще мощнее, газеты наперебой стали открывать разные медицинские рубрики. Юля оказалась плодовитым автором, и кое-что из своих опусов отправила в «В-И». Хозяину сначала понравились материалы, потом — и сама Ясная. Ну, это нормально: мужчинам должны нравиться молодые смазливые дамочки. Ясная легко поменяла статус серьезной газеты на желтую — и правильно, денег здесь платили неизмеримо больше. А Хозяин, по версии Ленки, серьезно положил на нее глаз.

Ну, Павленкова могла и приврать, подумала я про себя, но информацию поместила в файл на дальнюю полочку своего мозга.

Грибы я проморгала, но не хотела пропустить Рождество в Европе. Знающие люди говорили, что самый лучший город для

встречи этого чудесного новогоднего праздника — Мюнхен, и мы с мужем заранее купили туда путевки. Хозяин дал мне неделю отпуска, и я пребывала в счастливом ожидании. И тут на моем горизонте опять нарисовался Костылин. С тех пор, как он занялся отделом рекламы, мы стали видеться редко. Я знала, что он расширил свой отдел, который принес Хозяину много денег. И сам уже купался в роскоши: купил новую большую квартиру, ремонтом которой как раз в это время занималась Лялька, загородный дом в престижном поселке на водохранилище и последнюю модель автомобиля «ауди» черного цвета — именно этот цвет машин предпочитал и Хозяин. Костылин светился от радости:

— Ну, поздравляю!

— С чем это? — удивилась я. Ну не с поездкой же в Мюнхен!

— Чего дурочкой прикидываешься? Ты — новый главный редактор газеты «Вич-инфо». Это уже решенный вопрос.

Хорошо, что я сидела. Но рот открыла. И замерла. Этого не может быть! Если Хозяин и хотел уйти со своего поста — до чертиков ему уже обрыдла эта редакторская работа — то у него практически была готовая кандидатура — Караваев. Молодой, энергичный, талантливый, а главное — жаждущий этой должности каждой клеточкой своего организма. Если Хозяин не доверял ему, все-таки человеку из другой редакции, то еще имелся проверенный Недобежкин, и на худой конец — Вася. Меня-то за что?

Костылин все это прочитал на моем лице и еще больше развеселился. Я пролепетала:

— Юра, ты не шутишь? Я — старая, больная женщина, зачем мне этот геморрой?

— Не, ну ты точно дурочка из переулочка, — потешался Костылин. — Только не ври, что для тебя это неожиданность. Показала себя молодцом — получи должность, ты ее заслужила, ты справишься.

— А почему не Караваев? — не унималась я.

— Пусть еще подрастет маленько, — снисходительно ответил Костылин. — Тендер он проиграл.

С этой новостью я и улетела в Мюнхен.

Фитцы

Перед этой поездкой я спросила одного из своего коллег, несколько месяцев проработавшего в Германии, не назовет ли он мне кого-нибудь из русских знакомых, с кем можно пообщаться в Мюнхене. Туризм туризмом, но я люблю заводить новых друзей в незнакомых городах. Во многих уголках земли у меня есть приятели, знакомство с которыми начиналось с банального показа города, чашки кофе или поездки в какой-нибудь загородный замок. Местный человек в чужом, да еще заграничном городе — это особое ощущение того, что поездка состоялась не зря.

Мой коллега долго чесал репу:

— Вообще-то Рождество, все мои знакомые разъехались — кто в горы, кто по родственникам… Ну, вот есть один журналист — из наших, бывших, попробуй ему позвонить. Я лично его не знаю, но говорят, он мужик что надо.

Я записала телефон, вовсе не уверенная, что он понадобится. Это уж совсем ерунда получается — знакомый знакомого, непонятно даже от кого привет передавать.

Мюнхен встретил нас ледяной погодой — ветер, холод, снег. Улицы разукрашены разноцветными огоньками, в витринах магазинов машут шляпами игрушечные зайцы, на ваймахтах — рождественских рынках — торгуют белыми сосисками и тушеной квашеной капустой. У них веселье, а я все расслабиться не могу, все мысли одолевают — как же стану руководить редакцией, которая совсем недавно объявила мне бойкот, которая меня не любит и не хочет?

Мужу мои проблемы были не понятны, он радостно пил пиво, наслаждался веселым рождественским городом и с удовольствием поглощал айсбань — огромную свиную ногу со все той же квашеной капустой. «Да не парься ты, — муж радовался, как ребенок, — он тебя назначил потому, что уверен: ты справишься. И зарплату хорошую положил — хоть с долгами рассчитаемся…» А мне было тревожно, я плохо спала по ночам, несмотря на то, что за день мы сильно уставали и падали в кровати замертво. Но у немцев традиция: до 25 декабря они веселятся — ликуют на улицах и площадях, но уже вечером 24-го, накануне, город пустеет, закрываются магазины и базары, и только турки-эмигранты жарят свои бесконечные шаурмы. В пустом городе неуютно и зябко, и я достаю заветный номер телефончика. Звоню некому Саше Фитцу, как мне сказано, бывшему российскому журналисту. Он мне обрадовался — все-

таки ужасно они все тут скучают, бедные эмигранты. А уж когда узнал, что мы в Рождество оказались в пустом городе совершенно одни, категорически приказал: немедленно приезжайте — и продиктовал адрес. Мы, не долго раздумывая, прыгнули в метро — и там оказались совершенно одни! — потом в автобус — и вот неизвестный Саша Фитц встречает нас на остановке. Приходим в дом — скромная трешка в пятиэтажке, похожей на наши хрущовки, — небогато живут бывшие русские. Небогато, но очень весело и дружно. Три дочери разных возрастов уже покидали родителей: старшие, отметив праздник и откушав традиционного индюка, собирались по домам, младшая Александра, которая родилась уже здесь, в Германии, — в спальню. Гостеприимная жена Фитца Ира усаживает нас за стол и начинается разговор: кто, что, откуда. И выясняется потрясающая вещь: Саша Фитц много лет был главным редактором молодежной газеты в Ташкенте, моя фамилия ему хорошо знакома — он был на стажировке в «МК», где я тогда работала, и прекрасно меня помнит. А уж когда я начала рассказывать про своих «узбеков» — тут вообще радости не было конца, потому что большинство из них Саша знал лично. Мы проговорили всю ночь и расстались под утро совершеннейшими друзьями.

После этой поездки я навсегда полюбила Германию. Старалась бывать там каждый год — и всегда меня ждали гостеприимство и помощь Саши и Иры. В отличие от многих других русских немцев, они не стали надеяться на эмигрантское пособие, оба устроились на работу — Саша в русскоязычную газету, на копеечные, правда, деньги, а Ира — сиделкой в дом престарелых. Позже она сумела организовать медицинско-туристическое агентство, стала принимать богатых русских и устраивать их на лечение в мюнхенские клиники. Дело, видно, шло удачно — в прошлом году опять в Рождество я навестила их уже в новом доме в Грюнвальде — самом фешенебельном районе Мюнхена. И хотя дом маленький и скромный, а Фитцы выплачивают за него бешеные кредиты, все-таки это — отдельный дом в тихом и уютном районе — местной Рублевке. И в этом доме бегают уже двое внуков.

Первый год

В первый же рабочий день после новогодних праздников меня вызвал Хозяин. Почему я тогда не увидела ничего странного в том, что о таком серьезном назначении — на пост главного редактора — мне сообщил первым не он, а Костылин? При чем здесь Костылин — он ведь занимался теперь рекламой! Это, конечно, показалось мне странным, но и тут я нашла объяснение: Хозяин обсуждал с ним мою кандидатуру, потому что мы много лет работали вместе, и мало кто в издательстве знал меня лучше, чем он, Костылин. Мы же ДРУЗЬЯ, что же тут удивительного? Так это все я себе объяснила!

Хозяин под привычную песню «какая вы у нас талантливая-расталантливая» объявил о том, что он снимает с себя полномочия главного редактора и передает их мне. Точно такими же словами он сказал все это чуть позже на собрании в редакции. А в личной беседе строго «попросил»: менять коллектив как угодно, но ни при каких обстоятельствах не трогать трех человек: Главного художника, Недобежкина и Юлю Ясную. «Все остальные, — сказал он, — на ваше усмотрение». Я тут же рассказала ему, как планирую построить работу в редакции: за ведение номеров должны отвечать заместители главного редактора — ведущие номеров. Хозяин выслушал меня с сомнением: «Где же вы возьмете таких выпускающих редакторов?» Но и этот вопрос я уже обдумала. В газете «Детки» тогда работал Гоблин (так его прозвали в редакции — пусть он и будет под таким именем), и хотя я ни разу не видела его и не была с ним знакома, читала когда-то его репортажи в «Комсомолке». Но больше всего мне запомнилась история, о которой в уголовной сводке сообщил даже «Московский комсомолец». Гоблин, еще не будучи женатым, привел к себе в квартиру проститутку, а она потом выбросилась из его окна. Журналистская тусовка тогда долго шумела, обсуждая сей факт, а я иногда просила Павленкову: «Ты хоть мне покажи, что за Гоблин такой», Павленкова отмахивалась: «Да доброго слова не стоит — маленький, плюгавенький, на коротких лапках». Но рост его здесь ни при чем, школа «Комсомолки» — это великая школа и главный довод в пользу Гоблина. Тем более, у него с редактором «Деток» назревал конфликт, все уже знали, что Гоблин там не жилец.

Вторая кандидатура у меня уже была — этот пришел в «Вич-инфо» из «МК», тоже школа будь здоров. Да плюс татарское упорство. Хозяину, кажется, понравились мои кандидатуры — молодые мужики, амбициозные, злые, настырные. Но, правда,

сморщился как от зубной боли: «А как же Вася?» Я печально вздохнула: «А Васю придется увольнять». Хозяин посмотрел на меня с мольбой: «Может, пусть останется, найдете ему применение…» — «Ну, хорошо, вы можете его оставить. Только пусть он ничего не делает!» Хозяин печально покачал головой: «Он так не сможет». И пригорюнился. Я тоже вспомнила про песочницу и загрустила. Так мы грустили с ним минуты три. Потом он энергично пожал мне руку, сказал все, что полагается говорить в таких случаях — и я пошла руководить новой редакцией с пугающим названием «Вич-инфо».

Сначала я хотела все-таки поближе познакомиться со своими новыми замами. Первым пришел Гоблин, и вправду на Гоблина похожий. Он был рад и счастлив, и нисколько этого не скрывал. Мы поговорили с ним об общих знакомых — их оказалось много, потому что журналисты постоянно мигрируют из «МК» в «КП» и обратно. Потом пришел Татарин. И с ним мы помыли косточки начальникам из «МК» — Татарин недавно ушел из редакции, и все его впечатления были свежи. Мои — слегка уже затерлись, но для поддержания разговора я вытащила их из закоулков памяти. Третьим замом я хотела назначить Недобежкина и, между прочим, думала, что этим его страшно осчастливлю. Но Недобежкин криво объявил мне: он как был шеф-редактором так им и останется. Спорить я не стала, памятуя, что Хозяин среди трех неприкасаемых фигур назвал в том числе и его. Недобежкин дружил с Главным художником — этот сразу же стал подобострастно заглядывать мне в глаза, что не удивительно — он никогда ни на что не имел личной точки зрения, потому и ходил в любимчиках у хозяев. Художник он был весьма слабый, но что талант в сравнении с подобострастием и чинопочитанием! Главный художник всегда занимал позицию «умеренность и аккуратность». Поэтому и проработал в издательстве дольше всех.

Остальные сотрудники редакции написали заявления об уходе. Я никого не уговаривала остаться, мстительно думала про себя: вот вам, вот вам бойкот! Из старой редакции остались только двое — опытная Машка — специалист по судам и криминалу, абсолютно гениальный журналист, и Гера, бывший военный, которому, скорее всего, просто некуда было уходить. Ну, и само собой, Ясная — об этом чуть позже.

Вот в таком составе мы и начали работать.

Жозефина

Этого человека я знаю, сколько помню себя. Она пришла то ли во втором, то ли в третьем классе в нашу школу в далеком уральском городе. Смешная — с длинными тонкими косицами и в круглых очках. Она, правда, до сих пор убеждает меня, что тогда еще не носила очков. Но я помню ее именно в очках. Кто ее назвал Жозефиной, или более сокращенно — Жози, не знаю. Она плюхнулась со мной за парту на свободное место — да так и осталась около меня на всю жизнь.

Отец Жози работал администратором в театре оперетты. Это многое объясняет в нашей дружбе. Я обожала театр, а Жози ходила туда просто к папе. Я стала таскаться за ней, папа усаживал нас в первый ряд ложи, и я, затаив дыхание, в тридцать первый раз смотрела «Принцессу цирка». Жози в это время учила географию или готовилась к диктанту по русскому, а я возмущалась: как это можно опошлять великую музыку какими-то там уроками! Обратно мы шли пешком до перекрестка улиц Малышева-Луначарского — и тут пути наши расходились. До гробовой доски буду помнить этот «Малышева-Луначарского», потому что мы часами стояли на продуваемом всеми ветрами углу и болтали, болтали, болтали. Спохватывались, когда последний трамвай уже прогромыхивал по рельсам, и улица затихала. До нас доходило, что родители уже объявили нас во всесоюзный розыск, и разбегались в разные стороны — по домам. Дома, конечно, был нагоняй. Жози лишали очередного похода в театр, меня и вовсе ставили в угол по старинке. Но в следующий раз все повторялось, этот «Малышев-Луначарский» словно магнитом держал нас у себя, и мы никак не могли расстаться.

Недавно я посетила город своего детства. «Малышев-Луначарский» по-прежнему на своем месте. Только теперь через дорогу построили новый микрорайон, и на этом перекрестке полно народа даже ночью. Но трамвай все еще громыхает по улице, раскачиваясь на рельсах, как дородная тетка.

Наши разговоры — наивные детские мечты. Как мы станем взрослыми и обязательно напишем гениальный роман, о котором будет говорить весь мир — да, весь мир, не меньше. Мы тогда писали с ней романы. Делалось это просто: бралась толстая клеенчатая тетрадь, обговаривался сюжет, а уж детали и диалоги — это писалось по очереди. Три страницы Жози, три — я. Писали на уроках, держа тетрадку под партой, дома, на переменах. Это были романы о любви, а главным действующим лицом и предметом обожания героинь был Великий Артист. Его

имя зависело от того, в кого мы с Жози были влюблены в данный момент. Вернее, влюблена была Жози, а я ей сочувствовала и сопереживала — мне уже тогда нравились вполне земные шалапутные мальчишки-ровесники. У Жози это вызывало приступы негодования — ведь любви заслуживали только великие мужчины, — например, поэт Байрон или певец Марио Ланца. А рыжий Сережка Пименов, по которому я сохла в девятом классе, мог, по ее мнению, вызывать только жалость. Жози окатывала меня волной презрения, и я чувствовала себя преступницей. Рыжий Сережка, кстати, стал вполне успешным бизнесменом, и когда мы встретились через бездну лет после окончания школы, вдруг сказал: «А жениться мне надо было на тебе. Все равно все вы, женщины, одинаковые, а в тебя я, по крайней мере, был влюблен». А что ж ты, дурак, не сказал мне об этом бездну лет назад? Но на этот вопрос нет ответа, нет ответа… И Сережки уже нет — он умер от разрыва сердца в доме у своей мамы, к которой вернулся жить, бросив то ли пять, то ли шесть своих жен.

Так вот мы с Жози бегали в оперетку, пили кофе с молоком в кафетерии рядом с театром, иногда позволяли себе пирожные, но чаще обходились пирожком с ливером за пять копеек. Пойти в кафетерий — тоже целый ритуал, к нему надо было подготовиться, скопить денег, сэкономив на школьных обедах. Весной мой папа брал нас в лес — он каждой год ездил за березовым соком. Папа подрезал кору берез надрезами «елочкой», подвязывал трехлитровые банки, и пока туда капал сок, мы с Жози ходили по мокрому еще лесу в поисках первых цветов. Жози присаживалась на какой-нибудь трухлявый пенек, доставала из кармана блокнот и что-то быстро в него записывала. Она писала стихи. Эта привычка — записывать мысли в блокнот — осталась у нее и по сей день, хотя стихов она давно не пишет. Вот из кого бы вышел настоящий писатель, но она, как и все мы, потратила свою жизнь на выживание, на борьбу за ребенка, за мужа, который все равно ее бросил, она разменялась на мелкую журналистскую работу, которую делала блестяще, но что такое журналистика, «утром в куплете, вечером в газете»? Мгновенная жизнь, моментальная смерть, неблагодарная суета!

Вместе со мной Жози поступила на журфак, хотя из-за своего рано появившегося заикания, с которым ни один врач так и не смог справиться, всячески противилась этому. Пошла со мной за компанию — ну, не в педагогический же ей было идти! На пятом курсе место великих артистов и певцов в ее сердце занял вполне реальный однокурсник Вовка, который сразу же заделал ей ребенка и благородно женился. Потом Вовка сильно привязался к

Жози — а к ней невозможно не привязаться! — что, правда, не мешало ему изменять ей направо и налево.

Он ее все-таки бросил. В разгар митингов и перестроечных демонстраций в начале 90-х, Жози приехала в Москву, чтобы повеситься от тоски и печали. Вовка со своей новой кралей тоже жил где-то в Подмосковье. Жози хотела попрощаться с ним и непременно повеситься. Тем более, ее дочь уже выросла и уехала в Израиль, жить в принципе было не для кого. Но я предложила Жози альтернативный вариант — не вешаться, а попробовать зацепиться в Москве. Вскоре она так и сделала, а когда я перешла работать в «В-И», сразу же взяла ее к себе.

Никто лучше нее не мог придумывать письма! А ведь к этому времени почта практически перестала поступать, в газету писали только сумасшедшие или сильно перезрелые, но верные читатели. В блокноте Жози хранилось столько житейских историй, что она исправно и талантливо поставляла в каждый номер газеты замечательную «почту». Она стала получать хорошую зарплату, сделала ремонт в квартирке, которую выменяла в том самом Подмосковье, где обитал ее беспутный муж. Вовка, кстати, стал сначала захаживать, а потом все чаще оставаться у бывшей жены. В общем, личная жизнь Жози тоже наладилась, и приходящий Вовка устраивал ее даже больше, чем постоянно проживающий.

Удивительно, как легко и быстро Жози вписалась в трудный коллектив газеты. Ее сразу и безоговорочно полюбили как ровесники, так и молодые сотрудники редакции. Ну а в моем доме она давно стала членом семьи, и это не красивые слова — мама, во всяком случае, относится к ней совершенно по-матерински.

Вот вопрос — хорошо или плохо работать в одном коллективе с близкой подругой — подругой детства? Это что — та самая песочница, которую так гневно я обличала чуть раньше? Но за всю долгую журналистскую, а особенно редакторскую жизнь, это, пожалуй, единственный случай моего «кумовства». Жози, кстати, работала в хорошей газете и на хорошей зарплате, когда я перетянула ее к себе. Она и пошла-то неохотно, не могла просто мне отказать. Но я знала тогда — никто лучше не справится с письмами — этой священной коровой «Вич-инфо». А если еще вспомнить, сколько подруг я потеряла только потому, что не взяла их к себе на работу — и обида эта оказалась непрощаемой, то станет понятно, что перед вами очередная сумасшедшая, которая считает дело, которому служит, превыше всего на свете. Это я теперь понимаю — неправильно нас воспитывали, не те книжки давали читать, не тех кумиров пихали в наше сознание. Даже сейчас, когда я уже устроилась на работу и

рассказываю о ней своим близким, те смотрят на меня с жалостью и просят об одном: не напрягайся! Что еще должно произойти, чтобы до меня дошло: надо уметь просто зарабатывать деньги. Без порывов и напрягов, без комсомольского задора и пресловутой искры в глазах. Сидеть и тихо отрабатывать тебе положенную зарплату. Потому что ни за порывы, ни за идеи, ни за инициативу никто никогда ничего не платит. В такой уж стране мы живем.

Третий зам

А третьего заместителя мне сосватал мой бывший главный редактор — именно от него я ушла в «В-И». Тот самый Александр Иванович, который в гневе налетел на моего нынешнего Хозяина и страшным голосом отчитал его за переманивание ценных сотрудников. Я на него не сердилась, — наоборот, он страшно поднял мой рейтинг в глазах Хозяина, и все эти его песни про «талантливую-расталантливую» шли, скорее всего, именно оттуда. После «Экспресс газеты», в которой мы счастливо вместе с ним работали, Александр Иванович недолго поработал в «Известиях», а потом, переругавшись со всеми, ушел в свободное плавание. Он — абсолютный лидер по характеру и работать в подчинении не мог. Вскоре он возглавил ежедневную газету, деньги на которую давал сам Чубайс, и эта газета очень многообещающе стартанула. Но у Чубайса, видно, не хватило средств или терпения, денежные мешки всегда хотят, чтобы вложенные средства окупились мгновенно, а газетный процесс — дело долгое и вдумчивое, не скоро приносит дивиденды — и газету закрыли. И вот через много лет после нашей размолвки он вдруг мне позвонил. Я даже поперхнулась — очень уважаю этого человека, и наша размолвка была для меня мучительной. Поверьте мне на слово, в журналистике, этой социальной проститутке, очень мало порядочных людей. Хватит пальцев одной руки, чтобы перечислить личностей с большой буквы, которые встретились мне в этой профессии. Так вот Александр Иванович Куприянов — один из них.

Хотя все наши взаимоотношения окрашены в курьезные краски. Познакомились мы в Англии, куда я приехала в командировку, а он тогда был собственным корреспондентом «Комсомолки» в Лондоне. Его милая жена Люся — ее я узнала гораздо позже — тогда уехала в Россию готовиться к свадьбе сына, и Саша — он тогда еще не был Ивановичем — скучал в своем туманном Альбионе один-оденешенек. «Ты представляешь, — первое, что сообщил он мне по телефону, — здесь совершенно не с кем выпить». Это был впечатляющий довод, и мы тут же решили встретиться. Я знала его заочно — мне, в то время сотруднику одного из приложений «Комсомолки», по долгу службы надлежало встретиться с собкором страны, в которую я приехала. Он знал меня по публикациям еще в «МК» и страшно обрадовался, что хоть кто-то прерывает его вынужденное одиночество на чужбине.

К тому времени Саша осваивал два труднейших дела — учил

английский язык и учился водить праворульную машину. И то, и другое давалось ему тяжело — все стены в квартире были оклеены разноцветными листочками с английскими словами. Передвигался на машине он с такой скоростью, что его часто останавливал констебль и участливо спрашивал — ни случилось ли чего с господином водителем и не нужна ли его срочная медицинская помощь? Дело в том, что в Англии, как и везде в Европе, дороги позволяют ездить на огромных скоростях, и если водитель едет медленно, то для констебля это сигнал: за рулем либо больной, либо нетрезвый. Но Александр Иванович всегда оставался настоящим мужчиной — он мужественно боролся и с языком, и с машиной, и, в конце концов, их победил.

Конечно, нам было о чем поговорить! Но первым делом Саша распахнул бар в своей квартире в Найбридже и шикарным жестом вопросил: что будем пить? Ну, я-то принимаю алкоголь в очень ограниченном количестве, а Саша вспомнил детство золотое. Всю ночь мы выпивали, рано утром я с трудом уложила его спать, и хотя мне было постелено в соседней комнате, тихо вышла на улицу. В предрассветном тумане Лондон безлюден и очарователен, я до сих пор помню запах свежескошенной травки в Сант-Джеймс парке, который причудливым образом смешался со вкусом только что выпеченных булочек — их как раз в это время начинали вытаскивать из печек всех кондитерских города…

Кстати, Саша в Лондоне времени зря не терял. Когда он освоил язык уже настолько, что мог без труда читать «Дейли Миррор» и «Сан» — ему в голову пришла гениальная идея создать в российской журналистике желтую газету. И вернувшись из заграничной командировки, он создал первый в нашей стране таблоид «Экспресс-газету», которая успешно выходит до сих пор. Нужна или нет желтая пресса обществу, полезна она или вредна — это вопросы скорее риторические — бороться с тем, что уже существует и приносит немалые прибыли, бессмысленно.

Так вот позвонил Александр Иванович и попросил устроить на работу своего бывшего зама со странной двойной фамилией (потом мы его прозвали Корваланом). Мать Корвалана родом из Южной Америки, отец — русский. Таких браков случилось в Москве немало с появлением Университета дружбы народов.

Александр Иванович позвонил вовремя: мне как раз нужен был зам. И, как мне напевал в уши Костылин, хорошо бы не из рядов издательского дома Вич-инфо. Этот серый кардинал продолжал как бы незаметно курировать газету и меня лично — то ли по просьбе Хозяина, то ли по собственной инициативе. Он часто поднимался ко мне в кабинет, сидел, пил кофе, курил одну за другой, рассказывал про охоту и рыбалку и так, между прочим,

давал мне советы: «Коллектив надо менять. Ищи людей». И что-то еще в том же роде. Я, послушная дурочка, звонила журналистам разных изданий, которых читала сама и чьему творчеству симпатизировала. Первой была Ира Зайчик из «Каравана историй». Она мне назвала зарплату, которую ей платили в журнале — и больше вопросов я ей даже не задавала, она получала примерно столько, сколько и я, главный редактор. Другие, уже с гораздо меньшими зарплатами, про «Вич-инфо» и слышать не хотели: им казалось унизительным и беспринципным идти в такую неприличную газету. Но лично я ничего унизительного в этом не видела — я уже была сильно привязана к «В-И», отдала ему много сил, и, что скрывать, здесь платили достойные зарплаты. Потом Стас Садальский долго мне этим колол глаза, и, выпив рюмку, любил произнести в компании тост: «Вот она, — актерский жест в мою сторону, — классный журналист, но продалась богатенькой желтой газете за большие деньги». Как будто он никогда не продавался и не снимался в дерьмовых фильмах.

Ну, это тема отдельного и длинного разговора. А пока пришел Корвалан и сразу же подключился к поиску новых людей. Ему было проще — только что закрылась газета Чубайса, и сотня журналистов бегала по Москве в поисках работы. Троих из них Корвалан привел к нам, и так мы смогли сразу же создать отдел информации — ведь до моего прихода никаких отделов в газете не было вообще.

Леша, Коля и Нина взялись за дело. Конечно, им тяжело в нашей тематике, про сиськи-письки не каждый журналист с ходу начнет писать, но эти — молодые, борзые, честолюбивые обучились довольно быстро. Поскольку свободных кабинетов на нашем этаже уже не было, новый отдел информации разместился в свободной комнате этажом выше. И сразу же новички затеяли в редакции революцию — то, чего больше всего не любит начальство.

Скандал начался с того, что Коля — самый талантливый из тройки пришедших и самый продвинутый в компьютерных технологиях — страшно удивился, что на компьютерах в редакции не было «аськи» и доступа в личную почту (только корпоративная). Он пришел ко мне, долго и эмоционально объяснял, что без этих программ сегодня никак не может работать редакция вообще, а отдел информации в частности. Его активно поддержал Корвалан. Пафос и возмущение молодежи я разделяла — если уж мир придумал высокие технологии, то почему же от них отказываться газете? Но, с другой стороны я уже хорошо уяснила, что в издательском доме каждый отвечает за

свой участок работы, а служба компьютерного обеспечения — это особый мирок, который зорко охранял цепной пес по фамилии Акимов. Ко всем бестолковым пользователям, коим, безусловно, являлась и я, Акимов и его сотрудники относились с глубоким презрением и свои функции рассматривали исключительно как охранные: информация со всех компов собиралась и хранилась у Акимова — кто что написал в почте, в какие игрушки играют в обеденный перерыв и вообще кто и чем занят в течение рабочего дня. При этом любая новая программа, которая появлялась, в том числе, чтобы улучшить и облегчить редакционную жизнь, установке в нашем издательстве не подлежала. Ну, к примеру, мы все хотели бы иметь такую программу, чтобы на экране компьютера видеть не только газетную страницу, но и разворот целиком, чтобы не пересекались заголовки, фотографии не повторялись и рубрики отслеживались. Такие программы установлены во всех нормальных редакциях. Конечно, облегчила бы жизнь корреспонденту и «аська», и доступ к домашней почте, как справедливо требовал мой прогрессивный новый сотрудник Коля. Но Акимов на все наши просьбы отвечал: в целях защиты от вирусов все эти установки запрещены. Зато лично у него на компе и «аська», и почтовый ящик, и даже скайп прекрасно уживались с этой самой безопасностью.

Но Коля был молод и горяч, Корвалан еще не освоился в новой должности, они требовали нововведений. Я, понимая, что ничем хорошим этим не закончится, все же посоветовала написать служебную записку на имя генерального директора. Уткин вообще ничего не смыслил в компьютерах, но хотя бы расскажет об этой «служебке» Хозяину, и тот — а вдруг в Америке он проникся новыми компьютерными технологиями и понимает их значение для прогресса? — и сделает необходимые распоряжения. Я хоть и проработала в издательском доме уже много лет, все еще не переболела наивными детскими болезнями «вот приедет барин, барин нас рассудит».

Реакция на записку последовали незамедлительно. Но совсем не та, какую мы наивно ждали. Акимов расценил наше письмо как посягательство на свою вотчину и кляузу на себя лично. Он прибежал ко мне и громко проорал: «Ты вот не знаешь, чем они занимаются, ты не понимаешь ни хрена в компьютерах, ну я тебе покажу!» — что-то в этом роде. Я не сильно испугалась, но ор Акимова мне не понравился. Такие люди, как правило, слов на ветер не бросают, значит, надо ждать большой беды.

Но Акимов превзошел все ожидания. Коля скрыл от меня, что он легко взломал все защиты Акимова, которые его служба установила в целях безопасности, поставил себе и всему своему

отделу «аську». А хитрый Акимов не стал сразу докладывать об этом злостном нарушении руководству — и тем более мне, а затаился и стал ждать, когда ребята напишут на самих себя компромат. И дети попались, как кролики в силки.

Красавица Нина была молода и еще училась в институте. Мне она показалась девочкой скромной и вполне приличной. Писала слабо и безграмотно, зато быстрее остальных поняла нашу тематику и таскала хорошие и неожиданные темы. А научиться писать — дело наживное. Нина заходила ко мне в кабинет, непременно краснея и опуская глаза, на редакционных тусовках помалкивала и забивалась в угол, поэтому, когда мне передали толстый пакет со второго этажа от генерального директора, я и предположить не могла, что его содержимое хоть как-то может коснуться этой милой девочки. В пакете лежали распечатки разговоров по «аське» моих новых сотрудников — Леши и Нины. Леша тот еще тоже скромник… Эти двое в течение всего рабочего дня писали друг другу письма, вспоминая свой ослепительный секс — то на природе, то у кого-то на квартире, то прямо здесь, в кабинете издательского дома «Вич-инфо»! Видимо, в присутствии Коли им казалось особым кайфом смаковать подробности своих же сексуальных утех. Месть Акимова оказалась изощренной и жестокой.

Я вызвала Корвалана, показала ему распечатки. На конверте рукой Уткина поставлена резолюция: «разобраться и принять меры». Корвалан посмотрел распечатки и даже покраснел.

— Вот ты их привел, — устало сказала я ему, — ты и принимай меры.

Мне было жалко ребят. Я понимала, что если их и не уволят — они уйдут сами. Так и случилось. Уж не знаю, какие беседы вел с ними Корвалан, но Леша и Коля написали заявления об уходе. Осталась только Нина. Но она сделала вид, что вся эта история не имеет к ней никакого отношения.

Недобежкин атакует

Народ неодобрительно ворчал, что на каждого рядового корреспондента приходится слишком много начальников. Это была истинная правда. Я, три моих зама, которые по очереди курировали выход номеров, да еще Недобежкин. Он сам придумал себе должность шеф-редактора и категорически отказался дежурить на выпуске номера. Любой здравомыслящий человек спросит — (и будет прав!): «Что же ты, начальник, не могла заставить его работать так как надо тебе?!» А вот не могла! Потому что Недобежкин — из старого состава Вича и, если помните, был в том самом списке неприкасаемых, который продиктовал мне Хозяин. И кто знал — до какой степени распространялась эта его неприкасаемость?

Что касается Юли Ясной — тут было все понятно. Налицо явная личная симпатия Хозяина к миловидной молодой женщине. С первого же месяца своей работы даже я, бестолковая в таких вопросах, поняла, что не только трогать — но и прикасаться к Ясной не стоит. Юля отвечала в «Виче» за самую любимую и, с точки зрения Хозяина, популярную рубрику про интимную жизнь. С нее когда-то и пошла слава газеты. Она занимала добрую половину места в издании и практически вся от первой до последней строчки делалась Юлей. За это она получала гонорар, несравнимый с другими сотрудниками. А гонорар выдавался раз в месяц: это как раз и был день встречи с генеральным директором Уткиным. Он передавал деньги в пакете, а потом в редакции я раскладывала их по конвертам и раздавала народу. Гонорары, как правило, составляли большую часть заработка журналистов, а у Ясной и вовсе львиную долю.

Я как-то заикнулась при Юле, что считаю несправедливым: треть гонорара всего номера уходит ей одной, две трети делятся между десятью как минимум журналистами. Ясная подняла на меня удивленные глаза и ничего не сказала, гордо удалившись. Зато ровно через пять минут раздался звонок от Хозяина — он звонил лично и в неурочный для Америки час! Голос его показался мне даже незнакомым — такие ледяные нотки сквозили в нем. Он объяснил:

— Разве я вас не предупреждал о том, что Юля Ясная — лучший сотрудник редакции, и платить ей мы должны столько, сколько она заслуживает??? Таких людей надо беречь, а то их куда-нибудь переманят.

Да кому она нужна, подумала я про себя, но ледяные нотки в голосе Хозяина заставили меня трусливо проблеять что-то

подобострастное типа «Да-да, будет исполнено».

На самом деле в первые же дни работы мне стало ясно, что Юля никакой не лучший работник, что пишет она слабо и неграмотно. Врач по образованию, она, конечно, умела увидеть нужную газете тему, но идеи для этих тем ей подсказывал целый штат: два сотрудника библиотеки, специально нанятый для этих целей переводчик — ему из Америки присылали кипы специальных изданий каждый месяц, он их переводил и самые интересные темы предлагал Ясной. Ясная пыталась из них написать заметку, которую потом несла профессионалу Недобежкину, и тот уже делал из него конфетку. Поэтому, когда я спросила Недобежкина, чем он будет заниматься, если не собирается вести номера газеты, он мне ответил: «Курировать интимную рубрику Ясной». У меня в ушах сразу зазвенели ледяные нотки хозяйского голоса. И что я могла ему возразить?

Но кроме кураторства, Недобежкин занимался слежкой за мной. Он ведь так хотел стать главным редактором, бедный! Он уже видел себя в моем кресле, и в уютном салоне АУДИ, которая положена по должности, он уже выработал командный голос долгими тренировками и неспешную походку, которой, по его мнению, передвигаются большие начальники, и купил по случаю костюм с блестками, чтобы ходить на приемы к Хозяину… Я, конечно, была ему поперек горла. Он бы от обиды даже уволился — но за долгие годы работы в «диванной» журналистике растерял все свои газетные связи, да и не предлагали больше нигде такой зарплаты, которой столько лет баловал его Хозяин. Слежка за мной выглядела так: он засекал время, когда я приходила на работу, и тут же пытался дозвониться до Америки. Когда ему это не удавалось — писал пространные факсы с указанием грубых нарушений трудовой дисциплины новым главным редактором. Так же факсами он отправлял ксерокопии с моей правкой газетных страниц — неправильной, как он считал. Мне потом рассказала об этом секретарша Хозяина, которая, собственно, все эти факсы и отправляла.

Целый год боролся со мной Недобежкин. Я с ним не ссорилась, не выясняла отношений. Наоборот, всячески подчеркивала перед коллективом свое к нему уважение как высокому профессионалу, коим он, безусловно, являлся.

Через год Недобежкин сдался. Понял, что борьба бессмысленна. Мы стали даже по-дружески беседовать — нас объединила любовь к собакам. Но я не чувствовала себя победителем…

Греческая смоковница

Весной по редакции пронесся слух — Ясная едет в отпуск в Италию на целый месяц! И вскоре после ее отъезда ко мне прискакал Костылин. Он, как всегда, принес на хвосте новость — Хозяин собирается запускать еще одно издание — глянцевый журнал. На какую тему? — хотела спросить я, но вопрос был совершенно лишний — ничего, кроме сисек-писек делать здесь не умеют. Но Костылин забеспокоился — нет-нет, они хотят глянцевый светский журнал, такой как Космополитен или Оффисиел. Костылин прямо винтом крутился на стуле от догадок — кто возглавит новый журнал? «Как кто, — удивилась я, — неужели ты не понимаешь, что все это создается для одного-единственного человека — Юли Ясной?» Костылин даже оцепенел:

— Да что ты! Да никогда в жизни Хозяин не сделает такого — она же не журналист!

Ему казалось, что это достаточно весомый аргумент. Мне стало смешно. А он вытаращил глаза:

— Ты думаешь, между ними ЭТО?

— Заметь, не я произнесла эту чудовищную ложь! — расхохоталась я.

— Да что он в ней нашел? — начал размышлять понимающий толк в женщинах Костылин. — Ни кожи, ни рожи…

Я этот разговор поддерживать не хотела. Хотя иногда на планерках, разглядывая Ясную, тоже размышляла над этим вопросом — что он в ней нашел? Дело даже не во внешности, хороший секс не зависит от размеров частей тела — мы столько раз писали на эту тему в газете! Но ведь между сексом люди обычно разговаривают, шутят, общаются — и именно это делает секс и отношения вообще человеческими и трепетными. А ведь с Ясной совершенно не о чем поговорить! Книжек она не читает, фильмов не смотрит, спортом не увлекается — одни «бабки» на уме. Кто-то из сотрудников предложил скидываться на подарки ко дню рождения не по 50 рублей, как это было в старом «Виче», а хотя бы по сто. Согласились все, кроме Ясной, которая еще и возмутилась, что «цену» подняли сразу в два раза! Куда она деньги девает при таких доходах? И одевается так себе — словно на Черкизовском рынке, и машину не водит, и по ресторанам не ходит, а вот поди ж ты. Я однажды не выдержала — язык мой проклятый, спросила как бы в шутку: «На что деньги копишь, Юль?» А она очень серьезно и даже жалостливо начала рассказывать мне, что живет в квартире сестры, а сестра, пока у

нее ребенок маленький — с мамой, а у нее самой сын подрастает, и квартира ох как нужна. Но к этому времени мне уже донесли, что живет Ясная с сыном в престижном районе и в шикарном доме. И никого из коллектива она туда никогда не приглашала, хотя кто-то из наших даже подвозил ее до самого подъезда и намекал на чашку чая.

Да Бог с ней. Неблагодарное дело считать деньги в чужом кармане. Костылин тем временем стал приводить мне аргументы, по которым Ясная никак не могла стать главным редактором. А я и возражать не стала. Предложила только поспорить — жалко, что не на деньги. Костылин легко согласился: «На что?» «На поход в дорогой рыбный ресторан» — я не сомневалась, что выиграю спор, поэтому сразу же заказала рыбу.

— Не, ну я всегда ценил твою интуицию, мать, — пожимая мне руку, почему-то радовался Костылин, — но сейчас ты стопроцентно ошибаешься. Я, конечно, рыбу тоже люблю, и пойдем к Новикову — потянешь?

Он имел в виду новомодный тогда ресторан Аркадия Новикова «Сирена», где только чаевые насчитывают от 5 до 10 тысяч рублей. Кстати, этот спор я выиграла, а вот к Новикову меня Костылин так и не сводил.

Месяц пролетел незаметно. Ясная вернулась загорелая, веселая. Зашла ко мне в кабинет и вместе со скромным сувениром — набором греческих специй — огорошила меня новостью:

— Я привезла интересные статьи из Греции.

— А разве ты была в Греции?

— Мои итальянские друзья на яхте возили меня по побережью Греции. Там мне удалось познакомиться с русскими содержанками очень богатых греков. Они мне рассказали массу интересного.

— Конечно, пиши. В следующий номер и поставим.

— Там материала не на один номер, — скромно потупила глаза Ясная. — Наверное, придется давать главы с продолжением.

Я удивилась. Не было в истории газеты случая, чтобы здесь печатались материалы с продолжением — да это и правильно, ведь газета выходит два раза в месяц, читатель уже забудет, что было в предыдущем номере. Но я промолчала.

Свой очерк она принесла через неделю — он действительно был огромным. Я по редакторской привычке почиркала все лишнее — тема-то, в общем, была не нова, еще Даша Асламова лет этак пять назад писала про таких же русских девчонок-содержанок богатеньких набобов из Турции. Девочки находят богатых иностранцев, желая обеспечить свое будущее, ложатся с

ними в постель, некоторым из них «везет» — их берут замуж, но пятой или десятой женой в гарем богатые «заморские принцы». Об этом же повествовал и материал Ясной, изобилуя по вичевской традиции интимными подробностями и смакованием их. Юля пришла за своими заметками, взяла их в руки, увидела мои «чиканья» — и надо отдать должное ее выдержке, ничего не сказала, тихо удалившись. И ровно — тут уже я время засекала — через десять минут звонок из Америки от Хозяина. Он даже поздоровался ледяным голосом. И дальше поехало:

— Будем печатать Ясную с продолжением — я планирую в одиннадцати выпусках газеты. То, что она написала, это настоящая литература, это новая Оксана Робски (кто не знает, была такая дамочка новомодная писательница — из Рублевских женушек, как раз вышел ее первый роман и ударно раскручивался по каналам ТВ), мы потом еще и книгу издадим, такого еще не было! — и так далее в таком духе.

Поскольку я молчала и никак не поддерживала восхищений Хозяина новой Оксаной Робски, голос его леденел и леденел. И тут я смалодушничала. Вместо того чтобы уже тогда сказать все, что я думала по этому поводу, я начала льстиво предлагать варианты, как можно повыгоднее напечатать греческую эпопею Ясной. Если бы сказала правду, то немедленно была бы уволена. Это понятно. Зато не была бы в том дерьме, в котором оказалась сейчас. Но… история не знает сослагательных наклонений. А я проблеяла:

— Давайте начнем печатать эту историю с начала номера, со второй полосы с отсылом на основной кусок. Тогда и сокращать меньше придется, и значимость материала поднимем.

Вот пишу эти слова — и даже сейчас стыдно за них… Значит, я все-таки получила по заслугам…

Зато голос Хозяина сразу смягчился, он высоко оценил мое лицемерие!

И начались мучения! Уже через три абзаца в очерке Ясной читатель запутывался, кто есть кто и кто с кем спит. Править и редактировать это гениальное творение было запрещено даже Недобежкину, который, кстати, первым начал возмущаться «Зачем мы печатаем такое дерьмо!» В обязанности Недобежкина входило прочитывать все материалы перед отправкой их в типографию. Прокричал все это он в моем кабинете, слава Богу, и тут же я ему все объяснила. Он покачал лохматой головой и удалился. «Надо как-то сказать коллективу, а то еще начнут критиковать на планерке» — озабоченно подумала я тогда. Каждую среду мы собирались в большой комнате нашей редакции и обсуждали текущий и вышедший номера газеты. Я считала

такие летучки чрезвычайно полезными и всегда просила высказываться всех без исключения. Товарищеская критика хоть и бывает иногда обидной, но она — лучший стимул к совершенствованию.

Однако коллективу ничего объяснять не пришлось — они у меня умненькие, золотые головы! Они сдержанно похвалили первый вышедший греческий кусок — без надрыва, но и без злорадства. А у меня на столе лежал уже следующий шедевр. Я подписала его, не читая — а какой смысл читать, если править и рецензировать все равно нельзя? — и отправила на верстку. Но тут позвонили верстальщики и сообщили, что материал не умещается на полосе, и из него вылез так называемый хвост. В любой другой ситуации я бы сократила его без сожалений — нет таких материалов, которые нельзя было бы не сократить. Этому меня еще Александр Иванович учил. Но тут особый случай, ярмарка лицемерия продолжала работать!

Я вызвала Ясную.

— Юля, — вкрадчиво сообщила я ей, — из твоего материала вылез хвост. Я предлагаю кусочек, который не вмещается на полосу, напечатать в следующем номере — мы с него начнем твою третью главу.

Ясная поджала губы и вышла из кабинета. Та-а-ак, смиренно подумала я. Сейчас проснется Америка в неурочный час. И я не ошиблась. Ледяной голос в трубке сообщил:

— Мне кажется, вы что-то не понимаете. Очерк должен быть напечатан в полном объеме. А если он не умещается — снимите рекламу.

Вот это да! Любой газетчик вам скажет, что реклама — это святая корова любого издания. Это — живые деньги, на которые живет редакция, это бизнес, в конце концов. Можно сократить любой материал, уменьшить до спичечного коробка любую картинку — но не рекламу!

У меня до сих пор этот ледяной голос стоит в ушах: «Мне кажется, вы что-то не понимаете!»

Я ничего не имею против служебных романов. Наоборот, считаю их даже полезными — как для отдельного сотрудника, так и для всего коллектива в целом. Влюбленность в собственном офисе заставляет человека с удовольствием и радостью торопиться на работу каждый день — а ведь это так хорошо, когда сотрудник идет на службу, как на праздник! Коллектив, наблюдая за развитием романа коллег, сплачивается и проникается разными противоречивыми чувствами — то сопереживает, то завидует, то злобствует. И это все же лучше, чем подсиживать друг друга или бездельничать. Любовь вообще

хороший стимул в работе, она вдохновляет на подвиги, которые при умелом руководстве можно использовать для общего дела. Я сама была свидетелем, как результатом влюбленности сотрудников становились отличные статьи, интересные командировки, всплески бешеной работоспособности и вдохновения. Даже когда парочки занимаются любовью на столах в кабинетах — как это случилось с Лешей и Ниной — это в принципе делу никак не вредит.

Плохой эта ситуация может оказаться только в одном случае: когда один из влюбленных начинает двигать карьеру своего фаворита. Что может ждать газету при таком раскладе, даже представить страшно. Юля — девушка амбициозная, жадная, строптивая. Куда приведут всех нас ее аппетиты — тогда можно было только догадываться…

Новый журнал

Слухи о новом издании, которое задумал выпускать Хозяин, курсировали по издательскому дому все больше и больше. Об этой новости заходил разговор всякий раз, когда в одном месте собирались больше двух человек. Ясная появлялась в офисе все реже и реже — и это тоже был довод в пользу моей гипотезы о ее будущем повышении. С Недобежкиным мы все чаще вели задушевные разговоры — его кабинет располагался в самом конце длинного коридора, там было удобно и уютно покурить, поболтать и при этом остаться совершенно незамеченной. В этот раз Слава почему-то нервничал, краснел, ерзал на стуле и нервно курил. Он даже не мог поговорить о чем-то другом для отвода глаза и выпалил сразу, как только я опустилась на стул:

— Ты серьезно полагаешь, что Ясная станет главным редактором нового журнала?

— У меня в этом нет никаких сомнений, — кивнула я. И черт опять потянул меня за мой длинный язык! Мне показалось мало этой достаточно опасной фразы, и я брякнула:

— А тебя, Слава, она возьмет к себе заместителем.

Недобежкин вспыхнул, как от удара.

— Что ты такое говоришь! Никогда такого не будет! — он минуту соображал, потом снова с пафосом заверил: — Даже если представить невозможное, и твой прогноз сбудется — я ни за что не буду с ней работать! Я лучше уволюсь! Я лучше застрелюсь!

На сей раз я свой язык прикусила, хотя меня так и подмывало сказать: «Да куда ты денешься!» Я прекрасно понимала, что такому редактору, как Юля, неопытному и абсолютно непрофессиональному, непременно понадобится профессиональный человек с опытом — для подстраховки, для помощи, для того, чтобы журнал вышел, в конце концов! И лучшей кандидатуры, чем Недобежкин, представить было невозможно — он абсолютно карманный для Хозяина подчиненный, Ясная уже сработалась с ним, она привыкла к тому, как Слава легко и изящно правит ее опусы, да и вообще не конченная же она дура, понимает, насколько нужен рядом такой профессиональный человек.

На самом деле эта мысль родилась у меня в процессе нашего разговора. Она казалась мне понятной и логичной. Главный редактор вообще такая странная должность, которая не может быть обусловлена ни образованием, ни умом, ни даже талантом. Здесь все решает опыт — как профессиональный, так и жизненный. Это как режиссер в кино — им никогда не может

быть выпускник каких угодно режиссерских курсов и институтов. Только человек, поработавший в кино десять, а лучше двадцать лет, может стать Феллини или Тарковским. А может и не стать! Вот Федя Бондарчук, бедный, пыжится-пыжится… Или Егор Кончаловский. Но начинали они правильно — с режиссирования клипов и рекламных роликов. Другое дело, что сытая жизнь за спиной знаменитых родителей не дала им возможности набить шишек, получить душевные травмы, набраться ОПЫТА БОЛИ, без которых невозможно стать ни Феллини, ни тем более Тарковским.

Поэтому, размышляла я, пока Недобежкин нервно курил и судорожно бегал по кабинету, Юлечка будет исполнять исключительно представительские функции, а пахать будет Слава. Ну, если я и ошибаюсь насчет его кандидатуры, найдут другую шею, которая легко впряжется в хомут и будет его безмолвно волочь.

— Ты слышишь меня или нет? — Позвал меня Слава. — Я не буду у нее заместителем! Ни за что!

Я промолчала. Уже наступил сентябрь и начался грибной сезон. Какое мне дело до нового журнала, когда в лесу под елочками подрастают шляпки моих маслят и боровичков? И все помыслы мои уже в любимой деревне Соболево, в трех километрах от которой разбросаны удивительные по красоте леса и перелески, и завтра, в субботу, я уже буду топтать ногами мягкий ковер изо мха и лишайника, в которых, как дети, прячутся мои любимые боровички.

Но рано уехать из редакции мне не довелось — в кабинет прискакал Костылин. Он редко засиживался в редакции по пятницам — его тоже зычно звал лес с охотой и рыбалкой. Но новость, с которой он прибежал ко мне, была сильнее даже охотничьего азарта.

— Пришел признаться, что проиграл. — Костылину нелегко дались эти слова. — Ясная с понедельника начинает работу в должности главного редактора. Хотят к новому году запустить проект.

— Он про что хоть будет, журнал? Как называться? Для какой аудитории?

— В том-то и дело, что неизвестно.

— Но вообще-то все делается наоборот. Ты сам меня учил, что сначала придумывается концепция журнала, просчитывается читательская аудитория, потом…

— Это по правилам, а здесь все делается по понятиям.

— Это как?

Костылин задумался. Я не дала ему опомниться и спросила:

— Когда поведешь меня в ресторан?

— Дождемся приказа.

Он опять завел свою волынку:

— И что он в ней нашел?

Я разозлилась:

— Ты столько лет работаешь в такой газете, уже пора знать, что дороги любви неисповедимы и замысловаты, что они не поддаются ни законам, ни логике. Ты сам-то…

Я вовремя спохватилась. Все в редакции знали, что помимо мелких любовных интрижек и, само собой, жены Ляльки, у Костылина была давняя, душевная и телесная привязанность — секретарша Женечка. Это прелестное дитя пришло в редакцию «Успеха» на Поликарпова. На работу ее принимал Костылин. Легко могу представить, как он сверкал глазами, шевелил усами и раздувал щеки, чтобы произвести впечатление на прелестную девочку. Девочка влюбилась до беспамятства, Костылин стал ее первой любовью и, наверное, первым мужчиной. Юрка тоже к ней привязался, что было странным, учитывая его предательскую натуру. Более того, он обучил ее всем премудростям рекламного бизнеса, создал для нее отдельное предприятие, купил ей квартиру прямо напротив офиса, машину и даже начал строить дачку в каком-то коттеджном поселке. Костылин эту связь не скрывал — вместе с Женькой приезжал утром на работу, демонстративно под ручку уезжал с ней в ресторан на обед, и в разговоре даже с чужими людьми называл ее «Моя Женька». Поэтому хоть я и не договорила фразу — он меня понял. Удивился:

— А что я? Я бы никогда не стал двигать Женьку в ущерб бизнесу.

— Хозяин тоже так думает, — успокоила я его. — Он же ее идеализирует, и не только как женщину — как журналиста, как руководителя. Ну что я тебе такие банальные истины объясняю?

Мне стало скучно. И грибы. Они сидят там под елками и ждут меня с моей корзинкой, а я сижу здесь и произношу банальности, хотя меня все это совершенно не касается! Помечтать о грибах помешал звонок от Уткина. Впервые он обратился ко мне с просьбой придумать название для нового журнала. Я даже удивилась. Но надо же, черт возьми, знать, о чем будет журнал, какова его тематика и на какую аудиторию он рассчитан. Сказала об этом Уткину. Лучше бы промолчала, потому что своим вопросом поставила его бедного в такой тупик, что даже по телефону почувствовала, как он там вспотел на другом конце провода. Но задание надо выполнять. Собрала своих самых креативных сотрудников, посидели за чашкой чая. Самое

приемлемое, что придумалось — «Арбуз». Вроде и запоминается легко, и любую тематику можно впихнуть. Прекрасно понимая, что мои варианты — даже если они будут супергениальными, ни за что не пройдут, я все же отправила «служебку» на имя Уткина. Я же хорошо понимала, что ему она нужна не для дела — а для ВИДИМОСТИ ДЕЛА, он сегодня же вечером при вечерней связи с Америкой отчитается Хозяину о проделанной работе!

Журнал, в конце концов, назвали ВИМ, что расшифровывалось как «Vich-info Magazin». Кому пришла в голову эта богатая идея — не ведаю.

Слава Богу, что меня это не касалось. Слава Богу, что Ясная ушла из коллектива, и прекратились ужасные греческие материалы. Пришла осень — пора ехать в отпуск. В Кисловодск, по купленным еще по весне путевкам.

«Добей, чтобы не мучились»

Никонова в редакцию привела я.

Мы с ним пересекались в «Собеседнике», но постольку поскольку. Саша дружил с Быковым. Дима, как человек увлекающийся, очень любил талантливых людей.

Они с Никоновым прославились в середине 90-х. Первого апреля — в день дурака в качестве эксперимента в «Собеседнике» приложением выпустили газету «Мать». Подоплека понятна: русский язык без мата не может существовать, мат — неотъемлемая часть нашей речи. Газетка была забавной, думали, что первого апреля все сойдет за шутку. Но скандал получился огромный. Блюстители нравственности набросились на авторов — и на «Собеседник» в том числе — со всем своим праведным гневом — дело дошло до суда. Вынесли тогда какое-то общественное порицание…

Потом я Никонова только читала. Писал он всегда хлестко, провокационно и с огромным чувством юмора. За чувство юмора я многое могу простить автору… Интервью с Лаховой в «Огоньке» — это был реальный шедевр. Я так мало когда смеялась — чтобы с первой до последней строчки. Подобные интервью он делал блистательно — выбирал жертву понелепей, приставал с такими заковыристыми вопросами, что жертва падала в изнеможении после первых двух. Вопросы, кстати, были порой смешнее и интереснее, чем ответы.

Конечно, в «Виче» я не могла не вспомнить про Никонова. Нужны были свежие авторы, незамыленные темы, неожиданные повороты — все это появилось в газете благодаря колонкам Никонова.

Тогда его любимой темой были сорокалетние женщины. Как только он не издевался над нами, как не глумился! Пафос был такой: сорокалетки — и все кто старше — больше не могут возбуждать и интересовать мужчин, главную детородную функцию тоже уже выполнили, а, значит, их нужно сослать в какое-нибудь гетто, чтобы они там жили вместе и не болтались под ногами у настоящих мужиков. Добивать их, чтобы не мучились, он, конечно, не призывал, но план расправы с ними тоже был довольно жесткий.

Никонов часто продумывал главные мысли своих колонок — и предлагал их редактору. Но и дежурный по номеру редактор нередко подбрасывал или советовал Никонову ту или иную тему — чтобы наш любимый автор не зацикливался так сильно на сорокалетках. Однако даже заданную и обговоренную идею

неиссякаемый Никонов мог вывернуть так, что она мало походила на первоначальное задание.

Цель этих колонок была проста: спровоцировать читателей на возмущение, а значит, на горячие отклики. Читатель провоцировался — да что читатель, планерки часто превращались в обсуждение одного-единственного материала — колонки Никонова. Я была довольна: раз сотрудники так горячо спорят над его часто нелепыми идеями, значит, и читатель не останется равнодушным.

Скандал, который разразился не так давно по поводу идеи Никонова (он по традиции высказал ее в своей колонке) убивать детей-инвалидов, вышел за рамки читательской аудитории. Я уверена, в самой редакции ликовали: наконец-то газету рекламируют совершенно бесплатно по центральным телевизионным каналам: ведь Никонов буквально неделю не сходил с экранов разных каналов ТВ! Но реклама эта… как-то дурно пахнет.

Я написала в своем жж-блоге, что Никоновым двигало вовсе не желание обратить внимание на проблемы детей-инвалидов (хорошенькое решение проблемы — убивать их при рождении!) Подоплекой всех этих провокационных выступлений было желание прославиться — и встать вровень с Быковым. А Дима сейчас — известный писатель и публицист, получил за свою книгу престижную литературную премию, и к тому же не вылезает с телеэкрана — и как ведущий, и как гость разных программ. Мне все казалось, что Никонов втайне завидует своему более успешному другу (Быков резко не согласился со мной и отписал мне в ЖЖ гневную отповедь). Но позвольте и мне остаться при своем мнении.

Зато теперь и Никонов знаменит. Так же, как и Быков, возлюблен всеми телекомпаниями, мелькает на голубом экране. Даже программа «Время» в течение пяти минут показывала симпатичное лицо Никонова, с пеной у рта доказывающего, что детей-инвалидов надо-таки убивать.

Мне другое было непонятно. Когда газета печатала этот материал, никто из редакторов не подумал о матерях, которые воспитывают таких детей, — эти мамочки и их дети нечто неконкретное, виртуальное. Но рядом в кабинете за соседним столом сидит молодая журналистка — их коллега, которая день и ночь молотит заметки в газету, чтобы оплатить лечение своего сына, больного церебральным параличом. Ей-то как коллеги-редакторы в глаза смотрят?

Самая большая сложность работы в желтой прессе —

чувствовать вот ту самую грань, где кончается желтизна и начинается пошлость, воинствующее хамство да и просто уголовно наказуемое действо: публичные призывы к насилию пока еще являются таковыми.

В отпуске

Кисловодск — прелестный город не только для лечения и отдыха. Здесь совершенно великолепно думается. Каждое утро я вставала около шести утра, надевала треники и бежала на гору Красное Солнышко — а это километров восемь довольно крутого подъема. Гора неспроста так называется — отсюда открывается волшебный вид на Эльбрус, и поверьте мне, такой красоты восход солнца, который наблюдаешь отсюда, стоит раннего утреннего подъема и нелегкой пробежки в гору!

Ах, если бы наши мозги тоже уходили в отпуск! Если бы они с отъездом физического тела переключались на другой вид деятельности, на иной ритм, на иные мысли. Ан нет, бедный мозг не знает покоя ни на работе, ни в отпуске. И два часа, что я поднималась и спускалась с горы, и все долгие часы процедур и приятного расслабления в ваннах мозг работал и работал, я думала. Все об одном — о газете, о том, куда и как ее развивать дальше, о сотрудниках, которые остались без присмотра и обязательно кто-нибудь да переругается, о Гоблине, который не умеет рулить ситуацией в коллективе, а я вынуждена оставлять его за себя, потому как по статусу именно он мой первый зам.

Конечно, не только сплетнями и интригами занимались мы на работе. Я никогда не поверю, что есть на белом свете коллективы или организации, которые не обсуждают руководство, не интересуются личной жизнью начальства, не сплетничают, одним словом. Бороться с этим совершенно бессмысленно, хотя и поддерживать и разжигать такие разговоры тоже неразумно. И, конечно же, когда мы собирались всем нашим небольшим коллективом даже не на официальное мероприятие типа дня рождения, а просто попить кофе, мы все равно больше всего говорили о работе и о новых темах, которые продвинут наше издание еще дальше на рынок.

Тем более, в журналистике уже наступала ситуация, когда буквально в затылок печатным СМИ дышал мощный атакующий конкурент ИНТЕРНЕТ. Я в первый же год своего редакторства предприняла робкие попытки убедить руководство сделать хороший рабочий сайт газете ВИЧ-инфо. Тем более, тематика газеты более чем благоприятствовала — одни только медицинские консультации могли собрать на сайте неплохую аудиторию. Плюс всякие эротические фотографии и картинки — по опыту знаю, как читатели любят фотографировать себя и друг друга.

Еще в «Декамероне» мы запустили фотоконкурс «Муж и

жена — одна сатана» и получали письма со снимками буквально мешками. В Интернете затевать такие конкурсы проще и легче — фотографии отправляются одним щелчком «мыши». От меня тогда отмахнулись как от назойливой мухи — ну, Уткин, понятно, кто же еще! Зато Костылин мигом прокрутил мозгами возможную прибыль от сайта и быстренько прибрал его к своим рукам, даже денег не пожалел — вложил собственные средства в его создание и продвижение. Но сайт служил исключительно нуждам рекламного агентства. Он все хитренько продумал, Костылин! Допустим, рекламодатель официально платит за рекламное место со спичечный коробок, а Костылин размещает рекламу размером с тетрадь, только это уже не прямая реклама, а статья или заметка на ту же тему, как бы непроизвольно побуждающая читателя пробежать и рекламу тоже. Ну, например, нужно разместить про какой-нибудь возбуждающий гель рекламу объемом с большую марку, а Юра заказывает материал на половину газетной страницы про импотенцию, излечить которую можно только с помощью каких-нибудь мазей или кремов. Эти поддерживающие статьи Костылин требовал печатать и в газете, говорил, что иначе рекламодатель не согласится, а «с рекламой проблемы, ты же понимаешь!». Я, привыкшая слушаться Костылина, как жучка хозяина, конечно, беспрекословно выполняла его требования. Это теперь я понимаю, что Костылин, скорее всего, брал деньги за большой объем, а в контору переводил — за маленький, и разницу клал себе в карман.

Самое обидное, что мы в результате потеряли сайт, потеряли время, когда нужно было бы над ним работать, делать его активным и посещаемым. А между тем у наших конкурентов — газет и журналов — сайты развивались параллельно газете — МК, КП, «Жизнь», «Экспресс-газета», не говоря уж о замечательном сайте радиостанции «Эхо Москвы». Но наше руководство предпочло вместо вполне реального бюджета для создания и продвижения нормального рабочего сайта с раскрученным брендом «Вич-инфо» вбухивать немеряные средства в создание нового глянцевого журнала, тематику которого никто не мог назвать даже в день выхода первого номера.

Вторая проблема, которая меня занимала, — расширение тематических рамок газеты. Лично мне было совершенно ясно, что тема голимого секса и эротики уже не может быть центральной, с первого номера прошло 20 лет, и новое поколения изучает проблемы секса по совершенно другим источникам. Поэтому было бы правильно, считала я, развернуть газету в сторону семейных отношений, семейного чтения, сделать ее более развлекательной, полезной и разноплановой. На это

наталкивала и другая причина: времена оголтелой демократии, когда все пишут, о чем хотят, ушли в прошлое, новая власть, если и не вводит официальную цензуру, неспроста создает фискальные органы, в том числе и по надзору за средствами массовой информации. И кто даст гарантию, что этот надзор не коснется морали и нравственности — любимой темы всех «органов» во все времена?

Вот обо всем этом думалось мне под голубыми елочками знаменитого терренкура в Кисловодске, по которому мы бродили с мужем под ручку. И он, вглядываясь в мои отсутствующие глаза, периодически обиженно восклицал: «Да ты не слушаешь меня!» Я быстренько вела его в магазинчик рядом с санаторием «Жемчужина Кавказа», где с советских времен сохранился винный отдел, в котором продают спиртные напитки на розлив. Мы выпивали по 50 грамм хорошего местного коньячка, муж переставал обижаться, а я могла снова спокойно предаваться своим мыслям.

Звонок раздался в тот момент, когда я расслабленно лежала в ванне с живительными минеральными водами. Надо было вытереть руку полотенцем, но я схватилась за трубку мокрыми пальцами. И чуть не выронила его прямо в ванную! Звонил Уткин — это был первый и чуть ли не единственный раз, когда он звонил мне на мобильный.

— Вы не будете возражать, — спросил он после дежурных приветствий, — если Вячеслав Недобежкин перейдет на работу в новый журнал?

Этот вопрос нужно было решать во время моего отпуска? Никак нельзя подождать еще — через пару дней я вернусь в Москву! Я вежливо ответила:

— Раз это необходимо издательскому дому, я, конечно, возражать не буду, — а про себя подивилась своей прозорливости. Из ванны я вылезла досрочно, потому что понимала — сейчас раздастся еще один звонок, Недобежкин должен непременно позвонить сам. И он, конечно, позвонил.

— Оль, ну представляешь? Что мне делать, — заныл Вячеслав Анатольевич, — как я могу отказаться, если это воля самого Хозяина?

— А что я тебе говорила, Слава? — ответила я ему, натягивая халат. Только одного я так и не поняла — почему они решают эти вопросы без меня? Потому что трусы! В конце концов, должность Недобежкина была какой-то вымученной, искусственной. Пусть идет и помогает Юлечке осуществить ее амбициозные мечты.

Семейные хроники

Эта рубрика появилась в «Вич-инфо» в том первом номере, который я вела в качестве ведущего редактора, еще работая в «Декамероне». Журналистские расследования — самый трудный и неблагодарный жанр в нашей профессии. А уж проводить расследования частной жизни людей — тем более знаменитых — это не просто адский труд, на это нужны еще и особые способности — и такт, и нюх, и смелость, и — главное — желание. В нашей редакции всеми этими качествами обладал только один человек — Сайкина. Конечно, ее надо было настроить на эту работу, пожалеть, похвалить, подставить жилетку для жалоб и слез — и тогда она шла, как танк, и остановить ее было практически невозможно.

Историю про Шпаликовых она мне рассказала давно — когда мы еще работали в докризисном «Успехе». Откуда она ее приволокла — не знаю. Помню только, что Певец долго спорил со мной, что Шпаликов — не наш герой, что его никто не помнит, и в доказательство даже позвонил друзьям в газету «Щит и меч». Потом долго тряс перед моим лицом телефонной трубкой:

— Вот, слышала! Никто не знает фамилии Шпаликова, никто!

— Ничего, — спокойно отвечала я ему, — пусть узнают!

А самой было стыдно за тех журналистов в неведомой мне газете «Щит и меч». Бедные, они не знают прекрасного поэта, сценариста — кто не помнит «Я шагаю по Москве?» — режиссера, который так понадеялся на хрущевскую оттепель, только приподнял голову, чтобы жить и творить, но тут же получил по башке — его не печатали, резали сценарии, не давали снимать кино… Он пил — ну что еще делает русский человек в таких случаях, а потом ужасно покончил с жизнью, накинув на шею удавку. Жена его тоже была звездой — Инна Гулая, удивительная красавица, если кто помнит фильм «Когда деревья были большими». И у нее не сложилась жизнь — сначала из-за мужа-алкоголика, а потом из-за невостребованности и забвения. Она тоже пила — и умерла, не дожив до сорока лет. Так вот, моя Сайкина раскопала где-то мать Инны Гулая, которая воспитала рано оставшуюся сиротой внучку, дочь великих родителей. Но будущая статья никак не втискивалась в рамки простого интервью. Вот тогда мы и придумали новую рубрику «Семейные хроники». Честно говоря, передавая материалы Хозяину для окончательного приговора, я думала, что Шпаликова он тоже не знает и наше расследование нам завернет. Но, к моему удивлению, оно ему понравилось. Видимо, независимо от

известности самого героя расследования, судьба его цепляла своим трагизмом и страшной обыденностью.

Естественно, когда меня назначили главным редактором, эта рубрика стала постоянной — настолько, конечно, насколько это было возможно. Но пока работала Сайкина, мы все же старались, чтобы она появлялась более или менее регулярно.

Моя подруга Татьяна Егорова — актриса театра Сатиры, которую прославила отнюдь не театральная сцена, а писательство (после выхода книги «Андрей Миронов и я» она, как говорится, проснулась знаменитой), однажды в разговоре со мной проговорилась, что хорошо знает настоящего отца Маши Голубкиной — дочери актрисы Ларисы Голубкиной, падчерицы Андрея Миронова. Я сама много лет назад брала интервью у Ларисы Ивановны, и она назвала Машу родной дочерью Миронова. Я тогда на этом внимание не заострила. А вот Тане Егоровой, которая любила Миронова всю свою жизнь и для которой он был не иконой-артистом, а вполне земным любимым мужчиной, очень не нравилось, что Лариса Ивановна при каждом удобном случае пыталась подчеркнуть именно биологическое родство своей дочери и своего мужа.

Егорова знала, кому сказать про знакомство с настоящим отцом Маши. Я завелась не на шутку и спать спокойно уже не могла. Но как на него выйти? Как заставить его рассказать правду да еще для такой сомнительной газеты, как «Вич-инфо»? Я снова позвонила Егоровой и обратилась к ней с совершенно наглой просьбой: чтобы она сама уговорила настоящего папеньку дать нам интервью. Таня блестяще справилась с моим заданием: Николай Георгиевич Щербинский-Арсеньев сам приехал в редакцию да еще привез бесценный документ: копию свидетельства о рождении дочери Марии, где будущая актриса была записана как Мария Николаевна Щербинская. Просьба у него была только одна — ни под каким предлогом не раскрывать тайну, как эта копия попала к нам. И еще фотография — маленькая Маша на руках своего настоящего отца.

Сам Щербинский — интересный мужчина даже в своем весьма преклонном возрасте — был когда-то дипломатом, писателем и сценаристом. Ничего удивительного, что красавица Лариса Голубкина, увидев его в какой-то киношной компании, по уши в него втрескалась. Роман был бурным, родилась Маша, которая при рождении была записана на фамилию отца. Пять лет Щербинский и Лариса прожили вместе, а потом в ее жизни появился Миронов. Вернее, появился он давно, и давно просил ее руки и сердца, но тогда он был никому не известный начинающий артист, а теперь это была звезда, любимец экрана и женщин. Они

поженились. И потом Голубкина, уж не знаю зачем, уговорила Миронова удочерить уже подросшую к тому времени дочку Машу. Но этого нельзя было сделать без согласия родного отца. По словам Щербинского Лариса шантажировала его тем, что если он не откажется от дочери, никогда ее больше не увидит. Кто сейчас разберет, где правда, где ложь? В таких тонких вопросах, как семейные отношения, у каждого своя правда…

А в это время верная исследовательница чужой приватной жизни Сайкина поехала в Питер в командировку к сводному — по отцу — брату Миронова балетмейстеру Кириллу Ласкари. Который, между прочим, в свое время был мужем известной артистки Нины Ургант. Ничего не зная о готовящейся у нас публикации, Ласкари рассказал много интересных подробностей про личную жизнь своего брата и его многочисленных женщин… В общем, бомба была заложена и скоро взорвалась на страницах газеты.

Кстати, сам Щербинский рассмешил меня одной фразой:

— Хорошая вы женщина, — сказал он мне, — жаль, что не медицинский работник.

— Почему? — изумилась я.

— Я тогда бы на вас женился. Видите ли, к старости надо поближе к врачам прибиваться.

Он, правда, был очень больной — ходил с палочкой, тяжело поднимался и трудно дышал.

Из Питера Сайкина привезла еще одну тему для «Семейных хроник» — ей удалось встретиться с сестрой Георгия Товстоногова, вдовой знаменитого артиста Евгения Лебедева. Такие имена, как Миронов и Товстоногов, конечно, поднимала газету на более высокий уровень — так считала я и даже гордилась этим. Но вот, например, Костылину это не очень нравилось:

— Зачем ты тащишь в газету это старье? — ворчал он на меня. Но я ничего другого от него и не ждала — недалекий человек! Для его порнографической рекламы нужна была совсем другая газета — с неприкрытым сексом и «порнушкой». А чтиво — то есть то, что читатель может с удовольствием почитать в метро или в поезде — это моя прихоть, считал он. Атавизм. Отживший и никому не нужный элемент.

Второе пришествие Садальского

Таких людей, как Стас Садальский, в киношном мире нет совсем — или их очень мало. Впервые мы встретились в Ярославле на кинофестивале «Созвездие» — тогда Гильдией актеров кино руководил Женя Жариков, и потому фестивали проходили шумно, ярко — являли собой действительно настоящий праздник отечественного кино. Именно Жариков придумал проводить актерские фестивали в провинциальных российских городах. В этом была сермяжная правда: провинция редко видела артистов «вживую», а какая публика не любит пообщаться со звездами накоротке — на улицах своего города, в кинотеатрах после показа фильма, на специальных встречах в клубах и летних парковых площадках. Я побывала на многих фестивалях в Твери и Ярославле — самых любимых городах Жарикова, где актеров принимали с особенной любовью и комфортом благодаря заинтересованному участию в них местных руководителей-губернаторов. Жариков своим обаянием, своей популярностью мог совершенно непринужденно завоевать симпатии вечно занятых начальников — и те бросали свои государственной важности дела и кидались помогать артистам. После ухода Жарикова из гильдии — история была некрасивая и для него очень обидная, как всякий насильственный захват пусть и маленькой власти, — пришедший на смену Жигунов не смог даже мало-мальски следовать прежнему курсу — и кинофестивали сошли на нет. Не смог гардемарин организовать дело, и сейчас я даже не знаю, жива ли Гильдия актеров российского кино вообще, что-то о ней давно ничего не слышно…

Но именно актерским фестивалям я обязана знакомством с Садальским. Я приехала в Ярославль с опозданием дня на два — мы с актрисой Любовью Соколовой тряслись в автобусе, специально предназначенном для опоздавших. Тетя Люба успела рассказать мне свою жизнь — безумно интересную и сложную, я потом напишу об этом в «Собеседнике», и эта газета окажется первой, кто напечатал непростую историю взаимоотношений актрисы Соколовой и режиссера Данелия. Приехали уставшие, тетя Люба стразу пошла отдыхать. Администратор гостиницы, в которой мы поселились, протянул мне ключи от комнаты и предупредил:

— Вас просил зайти Стас Садальский — он остановился в таком-то номере. Увидел вас в журналистских списках и попросил вам передать приглашение.

Я удивилась и, не заходя к себе в номер, постучала к Стасу.

Он открыл мне дверь — лучезарный большой человек в белоснежных шортах и с полотенцем на шее. Я на всякий случай представилась и назвала свою фамилию. Стас благодушно улыбнулся:

— Да я тебя знаю!

— Откуда, интересно? — поинтересовалась я, — в кино я вроде не снимаюсь и в киношных тусовках не участвую.

— А мне про тебя Джуна рассказывала, — не церемонясь, ответил Стас, — и фотографии твои я видел, когда ты была у нее в гостях.

А дальше мы уже сидели на балконе у него в номере — напротив играл золотом куполов ярославский Кремль, — и пили коньяк. Причем еще до первого глотка я поняла, что Стас — совсем не тот человек, к образу которого мы привыкли на экране, этакий придурок и балагур. Он оказался человеком очень глубоким, философски хорошо образованным, тонко чувствующим и переживающим и, главное, готовым в любимую минуту прийти на помощь тому, кто в ней нуждается — иногда даже совсем малознакомому человеку. Мы проговорили с ним очень долго, потом практически не расставались еще три дня — он отрывался от моей компании только на какие-то фестивальные мероприятия. Его суждения об увиденных фильмах были точны и остроумны, его пародии на друзей-артистов похожи и дружелюбны, и вообще, с ним всегда весело и комфортно. Конечно, он мог бы сыграть в кино не только упырей, по его собственному выражению, но оказался заложником образа Кости Сапрыкина — знаменитого Кирпича из фильма «Место встречи изменить нельзя». Он мог бы сыграть Рогожина в «Идиоте», Стиву Облонского в «Анне Карениной», из него получился бы шикарный Обломов или граф Нулин, не говоря уже о целой веренице современных героев типа Афони. Но история, как известно, не имеет сослагательного наклонения, а артисты не любят говорить о несыгранных ролях, и Стас ужасно рассердился бы на все эти мои перечисления…

В 90-е годы кино почти совсем не снималось, и у Стаса, как и у большинства других актеров, ролей не было вообще. Но он, склонный к писательству, не растерялся и пошел покорять вторую древнейшую профессию. Где-то пересеклись пути Садальского и Куприянова — редактора «Экспресс-газеты», и Стас начал вести свою собственную рубрику в скандальном тогда первом российском таблоиде.

А там настал момент, когда мне стало безумно скучно в еженедельнике «Собеседник». Я написала заявление об уходе, его безмолвно подписал редактор — нет, чтобы начал уговаривать

остаться, как же мы любим чувствовать себя незаменимыми! Но редактор подписал заявление, я грустно вышла на Новослободскую, совершенно не понимая, куда идти дальше — и в прямом, и в переносном смысле. На дворе стоял промозглый январь, в городе было серо, грустно и отвратительно — равно как и на душе. Чудо явилось передо мной в образе Стаса Садальского — в расстегнутой дубленке и без шапки на голове. Стас обрадовался встрече, начал теребить меня, спрашивать, как дела — я мямлила что-то невразумительное. Тогда он предложил:

— Слушай, мы же недавно всей редакцией переехали на Вадковский — это здесь рядом. Пойдем, мне выделили отдельный кабинет — хочу похвастаться.

Кто не знает, отдельных кабинетов в редакции удостаивались только большие начальники и особо выдающие сотрудники, коим, я нисколько не сомневаюсь, являлся Стас Садальский. Настроение было жуткое, любоваться кабинетом совершенно не хотелось, но отказать Стасу я никак не могла. И побрела за ним, понурив голову, а он что-то рассказывал, размахивая руками, и со стороны мы были похожи на веселого и грустного клоунов, сошедшихся на одной арене в безумном скетче.

В кабинете — и вправду роскошном — я отогрелась. Стас налил коньяк, сообщив при этом, что ему знакомые грузины рассказали о совершенно потрясающем рецепте, от которого назавтра не болит голова: надо коньяк разводить пополам с лимонным соком — и получится настоящий напиток богов. Мы сидели и болтали, и вдруг Стас без предупреждения схватил телефонную трубку и набрал короткий номер:

— Александр Иванович, — весело заорал он, а я похолодела, — у меня вот тут гостья сидит, очень хочет с вами поздороваться. Да-да, мы сейчас зайдем.

Я стала махать руками и кричать, что не хочу здороваться, и вообще уже выпила напитка богов и у меня заплетается язык. Но Стас не слушал:

— Неудобно получится — я же ему сказал, что мы сейчас зайдем. Не могу обманывать своего главного редактора.

Он схватил меня за руку и поволок по коридору, а когда мы вошли в кабинет, Садальский сразу без предисловий брякнул:

— Вот, Александр Иванович, она очень хочет у нас работать.

И дальше в течение минут пяти страстно, по-актерски, рассказывал о моих талантах. Я сама рот открыла — таким впечатляющим был этот монолог. Александр Иванович разве что не прослезился — и тут же предложил мне работать в «Экспресс-газете». А дальше мы пили напиток богов (С КЕМ?), вспоминали «детство золотое» на Найтбридж в Лондоне, где мы вместе

провели незабываемую ночь!

Вот так я оказалась в «Экспресс-газете», и с Садальским мы общались уже каждый день. После серьезной журналистики работать в желтой прессе оказалось гораздо проще, чем я думала. Стас таскал нас на премьеры в Дом кино и по милым ресторанчикам, которые повсеместно открывались в Москве, но его любимым местом «отдыха» оставался «ларик» — ларек с алкогольной продукцией недалеко от Вадковского, где мы пили пиво, заедая солеными орешками, и покатывались со смеху от рассказов Стаса. Хорошая была жизнь, веселая. А потом на моем горизонте появились Жилин и Костылин.

Стас как умел дружить, так умел и обижаться, разругиваясь с бывшими друзьями в доску и «навсегда». Он обиделся, что я не позвала его в «Успех» — тогда как раз его отношения с главным редактором несколько обострились. Обиделся насмерть, и слышать мое имя не хотел в течение почти двух лет. Но я набралась терпения, переждала все его ураганы с бросанием телефонной трубки и криками «не хочу даже твой голос слышать!» И только когда мы отмечали два года «Успеху» и решили устроить «пир во время чумы», я пригласила Стаса на вечеринку. Он долго ломался, прикрывался занятостью, обзывал меня дурой и предательницей, по-актерски выдерживал паузы в телефонных разговорах. До самой вечеринки я так и не знала, будет у нас в гостях Стас или нет. И когда увидела его в сумерках декабрьского вечера под ручку с Тиной Канделаки входящего в ресторанчик, где наша «свадьба» уже вовсю пела и плясала, я заплакала. Он, конечно, пришел с намерением сказать мне какую-нибудь очередную гадость типа «О, как ты растолстела!», или еще хуже «Ну что твой „Успех“ — провалился, наконец?» Причем эта гадость должна быть произнесена громко — во всеуслышание, да еще с театральными жестами. Я думаю, он даже репетировал свой монолог перед зеркалом. Но, увидев мои слезы, позабыл свои коварные планы, бросил красавицу Тину Канделаки и принялся меня утешать, неловко поглаживая по голове.

Стас тогда увлекся другим средством массовой информации — радио. Вел свое «дебил-шоу» на «Серебряном дожде», выступал в отдельных передачах еще на каких-то каналах. Там-то он случайно подцепил говорливую Тину, смекнул, что женщина-партнер ему вовсе не повредит, и с энергией, только одному ему свойственной, принялся обучать тогда никому не известную грузинскую девушку азам ораторского искусства. Зерна упали на благодатную почву — Тина в болтовне даже превзошла своего учителя. Но Стас, кроме всего прочего, вывел ее в люди — таскал по светским и киношным тусовкам

(там он всегда — желанный гость), знакомил с нужными людьми, и даже с будущим мужем Тину тоже познакомил Стас. Став суперзвездой на телевидении, Тина не забывает, кто дал ей такую мощную путевку в жизнь, — всегда забегает поздравить Стаса с днем рождения и при всяком удобном случае вспоминает его добрым словом, раздавая направо-налево многочисленные интервью.

Так мы со Стасом снова начали дружить. Вскоре он охладел и к своим радийным «дебил-шоу», у него началась новая эра — театральная. Стас никогда до этого не играл на сцене. Был у него короткий опыт службы в театре «Современник», но там его почему-то не полюбила главный режиссер Галина Волчек. По словам актера, Галина Борисовна любила повторять «Кто-то должен играть бифштексик, а кто-то — гарнирчик» Стасу почему-то всегда доставался «гарнирчик», он обижался, тем более что зритель после его громких киноролей стал узнавать его и долго аплодировать, когда он только появлялся на сцене.

В общем, Стас со скандалом ушел из театра и больше туда не возвращался. Пока, уже в начале нового века, не возродилась на российской сцене антреприза, и вместе с ней — комедия, а в этом жанре Садальский вообще царь и бог. Он стал надолго пропадать из Москвы, мотаясь со спектаклями по всей стране, но зато его голос по телефону был абсолютно счастливым. Однажды на три дня я оказалась в Екатеринбурге, на своей родине. Была дикая холодная зима, когда даже нос на улицу не высунешь — сразу отмерзнет. Но я его все-таки высунула и увидела афишу — спектакль с участием Стаса и Ларисы Удовиченко. Мне захотелось сделать сюрприз любимому другу, я купила билет и пришла в театр. Несмотря на мороз, зрителей собралось столько, что они буквально гроздьями висели на балконе и амфитеатре. Пьеска, прямо скажем, была так себе, но как там блистали Садальский и Удовиченко! Я сама, обычно сдержанный человек, подпрыгивала на сиденье, хлопала до одури в ладоши и орала «Бис». Садальский обалдел, когда увидел меня за кулисами. Даже спросил: «А в каком мы городе?» Шутка. Он прекрасно знал, где он находится, потому что в каждом городе он вставлял в текст какую-то фразу про местную жизнь — и зал вообще умирал от восторга.

Мне много раз хотелось сделать со Стасом интервью. Он важно выпучивал глаза: «Ты че, не знаешь разве, что я даю интервью только за деньги?» Пока мы с ним вот так прикалывались — Лариса Кислинская опубликовала в «Совершенно секретно» прекрасное с ним интервью. Я на него налетела с претензиями, но он отмахнулся: «Лариска что-то за

мной все время записывала, а потом опубликовала без моего разрешения. Я на нее еще в суд подам!» Потом на какой-то тусовке, организованной Стасом, я спросила ее об этом интервью. Конечно, оно было написано и опубликовано по обоюдному согласию.

Но в год 55-летия Стаса я уже вцепилась в него мертвой хваткой. «Ну ладно, — милостливо согласился он, — только сделай это не в форме ответов-вопросов, а в виде моих монологов». Материал ему понравился. Он даже заказал нашему фотографу фотосессию, один кадр из которой мы использовали на обложке. Ну, а заголовок я придумала тоже с подковыркой «Стас Садальский никогда не врет!»

Про Стаса я могу рассказывать бесконечно долго. Но одну историю не вспомнить не могу. Стас любит устраивать вечеринки без всякого повода. Позвонит всем своим бывшим коллегам-журналистам, и мы, кинув все дела, сломя голову мчимся в любимые им грузинские рестораны на Остоженке. Вот так однажды мы сидели очень хорошо и долго в «Багратиони», где щедрые грузины дали актеру нереальную пятидесятипроцентную скидку за то, что он, их любимец, попросил грузинского гражданства как раз в тот момент, когда Россия от Грузии отвернулась. Стас пил коньяк, пил как-то особенно много, с аппетитом. И вдруг около девяти вечера вспомнил:

— О! У меня еще сегодня съемка на телевидении!

Мы ахнули. Оказалось, что Садальского пригласили в передачу «Рожденные в СССР» на НТВ плюс.

— Стасик, — завопила я, — это же прямой эфир! Он начинается в ровно в 12 ночи, а уже 9! Ты не успеешь привести себя в порядок!

— Спокойно, женщина, — поморщился совершенно пьяный Стас. — Я сейчас заеду домой, приму душ и буду, как огурец.

Это была катастрофа! Мы начали выяснять, можно ли отменить эфир, как дозвониться Глазунову — ведущему программы, и вообще — суетиться. Стас смотрел на нас свысока:

— Никогда еще Стас Садальский не отменял съемки! Слышите — никогда!

Кое-как засунули его в мою машину, я довезла его домой, велела немедленно лезть под душ и выпить несладкий крепкий чай.

…С ужасом села в полночь перед телевизором. И ужас случился. Стас буквально не вязал лыко и отвечал на вопросы бедного ведущего совершенно невпопад. А передачу эту смотрят в том числе и наши бывшие граждане, проживающие в США, Израиле и разных других странах. Они в основном и звонили в

прямой эфир. И вот какая-то Ляля из Бостона дозвонилась и резко спросила ведущего:

— Вы что, не видите, что ваш гость совершено пьяный?

Глазунов, как зайчик-попугайчик, покорно повторил вопрос Стасу:

— Стас, правда, что вы сейчас пьяны?

И вот что такое настоящий артист! Пьяный-непьяный Садальский вдруг поднял на ведущего полные трагизма глаза и произнес:

— Да, я сегодня выпил. Выпил, потому что мы сегодня поминали великую артистку Наталию Гундареву, которой не стало девять дней назад. — И дальше удивительный монолог об ушедшей так рано актрисе, с которой Стас снимался в фильме «О бедном гусаре замолвите слово». Ляля из Бостона была повержена!

Кстати, Стас заставил и меня позвонить — боялся, что звонков не будет. Я задала какой-то дежурный вопрос, на что Стас возопил:

— А, эта та самая моя подруга — талантливая журналистка, которая продалась одной желтой газете за большие деньги!

Господи, зачем я позвонила!

Мой любимый Стас Садальский. Если бы ты знал, каким украшением моей жизни являешься! Несмотря на то, что все время ругал меня за то что «продалась желтой прессе и загубила свой талант». И ты ведь не раз предупреждал меня, что за всякую продажу бывает расплата…

Пьяный Гоблин

А между тем жизнь в редакции налаживалась. После первого года потрясений и судорог в коллективе наступило спокойствие — ушли Недобежкин и Ясная, пришли молодые и дерзкие новички, из которых сформировался отдел информации — моя давняя мечта. В принципе, газета, выходящая всего два раза в месяц, могла обойтись и без такого отдела — ну какие новости могут быть дважды в месяц! Но все же хотелось, чтобы новости в открытии номера на второй странице все-таки присутствовали и был бы отдел, который за это отвечает. И на наших редакционных посиделках мы обсуждали именно эту злосчастную вторую полосу.

Я вообще всегда любила эти вечеринки и всегда считала их гораздо полезнее и продуктивнее, чем даже редакционные планерки. Потому что на планерках и летучках надо обсуждать газету как бы по обязанности, а на вечеринках по поводу какого-нибудь дня рождения — по душе. И я не то что не запрещала проводить так называемые пьянки в редакции — я их всячески поощряла!

Алкоголь слегка развязывал всем языки, и можно было услышать какую-нибудь интересную подробность из прошлой жизни сотрудника — ту, о которой он никогда не расскажет в другое время. Опять же под воздействием малых доз алкоголя фантазия и творческий полет коллектива необычайно разгуливался — и большинство наших новых рубрик и тем были придуманы именно тогда. При этом я всегда требовала, чтобы столы были накрыты красиво — со скатертью, пусть хоть и одноразовой, но чистой посудой, чтобы вилочка, как положено, лежала слева, а нож — справа. Особенно за порядком за столом любил следить всеобщий любимец Юрик — студент и заведующий отделом информации. Он приехал покорять Москву откуда-то из крохотной станицы на Кубани, причем его первые опусы были настолько безграмотны и беспомощны, что я даже сомневалась — получится ли из него что-нибудь. Но Юрик оказался парнем цепким и способным — очень быстро он сориентировался в нашей тематике, научился грамотно писать — не без помощи своей подруги Жози, которую трепетно и нежно любил. Любил совершенно по-дружески, бескорыстно и платонически, рассказывал ей свою жизнь, а она ненавязчиво учила его правильной речи и подсовывала правильные книжки. Юрик поступил на сценарный факультет ВГИКа, чем гордился он и особенно я, потому что буквально за год из деревенского,

неотесанного мальчишки он превратился в грамотного умного журналиста, без участия которого не выходил ни один номер газеты.

Но мы любили Юрика еще и за то, что он волшебным образом умел превратить казенную комнату офиса в уютную кафешку, а на вечеринке всем наливал и предлагал как заправский метрдотель.

Но в тот день, когда Гоблин решил отметить в редакции свой сорокалетний юбилей, Юрика как раз не было — то ли он сессию сдавал, то ли умчался на какую-то киношную тусовку. Хорошо помню, что была среда — день подписания номера, когда готовые страницы газеты отправляются в типографию. И дежурным по номеру был именно Гоблин. Он накрыл «поляну», и уже несколько раз жалостливо заглядывал мне в глаза, безмолвно вопрошая: не пора ли наливать? Я строго наказала ему, что пока мы не подпишем газету, и речи быть не может ни про какой «наливать». Но сама слышала, что в приемной уже толпятся люди, и у всех на устах все тот же один-единственный вопрос. В конце концов, доброе мое сердце не выдержало — вынуждена констатировать, что к сожалению. Я разрешила начать наливание, отпустила Гоблина принимать поздравления, а сама осталась подписать последние две полосы. До этого, конечно, я зашла в нашу залу, поздравила именинника, пригубила стакан с апельсиновым соком, и удалилась в свой кабинет. Вскоре номер был подписан, я вызвала машину и уехала домой. Последнее, что я видела — развеселого Гоблина со стаканом красного вина в руке.

Мне долгое время не давала покоя история про выпавшую из окна проститутку — если помните, именно она обратила мое внимание на Гоблина, которого я раньше и в глаза не видела. «МК» написал скупо и кратко — ну выпала и выпала. А когда мы стали вместе работать, я нередко приставала к Гоблину с расспросами, но он от них дипломатично уходил. С нами тогда еще работал Татарин, и я уговорила его как-нибудь выпить вместе с Гоблином — может быть, алкоголь развяжет ему язык, и он поведает нам подробности произошедшего? Бутылочка виски для этого случая припасена в сейфе, и вот однажды, когда после рабочего дня все уже разошлись, мы втроем вытащили ее на свет Божий. Гоблин махнул пару рюмок, Татарин вовремя вставил нужное слово — и полились откровения.

Я тогда как раз собрался жениться. Уже заявка была в загсе и назначен день. Женился я поздно — почти в 37 лет, поэтому подошел к делу основательно — невесту отправил домой в родной город на девичник, а сам решил устроить мальчишник,

все как положено. Мы с мужиками зажигали в ночном клубе, сняли каких-то девок, плохо помню, потому как был нетрезв. Ну и одну из них, видимо, забрал к себе домой. Приехали — и я сразу рухнул на диван, сил уже не было, выпил многовато. А она, наверное, углядела в моем кармане толстый бумажник — как раз был день зарплаты — и решила его свистнуть. Кошелек взяла, но дверь входную открыть не сумела. Выглянула в окно — там козырек соседнего балкона, решила перейти по нему в подъезд — ну и рухнула. 11-й этаж все-таки. Я проснулся от назойливого звонка в дверь — а это уже милиция приехала. От нее все и узнал. У девки нашли мой бумажник — и с меня все подозрения сняли. Но случай попал в милицейскую сводку, а потом в «МК». А уж они никак не могли не подковырнуть конкурентов — вечные соперники.

В общем, понятно, что Гоблин мог позволить себе выпить лишнего.

Но в ночь после его дня рождения я спала спокойно — ничто не предвещало беды, никакого предчувствия! А утром еще в машине водитель сообщил — в редакции скандал, Уткин рвет и мечет.

Оказалось, что Гоблин допраздновался до такого состояния, что потерял контроль над собой, проще говоря, напился до чертиков, и хуже всего — везде оставил следы своего необузданного пьянства. Ему стало плохо, он облевал туалет, коридор и даже залу — и уехал в ночь, не убрав за собой. Утром пришли уборщицы, увидели все это свинство и тут же накатали служебную записку генеральному директору. Уткин, наконец, почувствовал себя начальником. Он вызвал сначала меня, потом Гоблина. Отчитал, как положено, и велел прислать объяснительную — а что же еще? Но ничего более дурацкого, чем писать на полном серьезе: «Сотрудник редакции такой-то отмечал свой день рождения, не рассчитал сил, выпил лишнего, и ему стало плохо». Я была уверена, что ситуация хоть и неприятная, но не смертельная, и служебную записку писала со смехом. Однако Уткин считал по-другому, и через пару дней на доске висел приказ: мне и Гоблину — по выговору с лишением месячной премии. А премия, между прочим, составляла то у нас больше половины зарплаты!

Я считала, что пострадала вообще ни за что. Ну, ладно Гоблин, он хоть удовольствие получил, напившись и наблевавшись. А я — даже не пригубила, ушла сразу же после подписания номера в свет! Согласна, я как начальник за все в ответе. Но почему нас с Гоблином наказали одинаково — разве соразмерны наши с ним проступки? Да и народ в редакции

подначивал — «Хоть бы ты уже выпила тогда. А то просто обидно».

Обидно ужасно — и я решила позвонить Хозяину. Номер его телефона был забит в мой мобильник, поэтому я не стала соединяться через секретаря, как обычно. Это первый и единственный раз, когда я нарушила субординацию и позвонила напрямик в Америку. Он выслушал меня молча. Мрачно сказал:

— Ну, ситуация, действительно, безобразная.

— Да, — пробормотала я, — безобразная. Но, согласитесь, одного выговора было бы вполне достаточно. А он (имея в виде Уткина) тем самым поставил меня с ним (имея в виду Гоблина) на одну ступень!

— Я бы его (имея в виду Гоблина!) сразу уволил, — так же мрачно произнес Хозяин, — а Уткин его пожалел. Потому что вы за него заступались.

— Ну, как я могу не заступаться за своего сотрудника, да еще собственного заместителя! Ну не рассчитал силы, ну виноват, — опять запричитала я.

Это же самое я тоскливо повторяла вчера в кабинете у Уткина, который тоже грозился уволить Гоблина к чертовой матери! Как жалко, что оба они его не уволили! Это мне был знак — я его не услышала!

А Хозяин между тем смягчился:

— Ну, допустим, на мой взгляд, вы наказаны слишком сурово. Ну что же делать — Уткин как генеральный директор вправе принимать подобные решения, а я отменить их не могу. — И после паузы добавил. — Когда я приеду, мы вернемся к этому разговору.

Опять приходится отдать ему должное: когда он перед самым новым годом приехал в Москву, то вызвал меня, вытащил из сейфа деньги — сумму, которой лишил меня Уткин, — и вручил мне. Было, было в нем все-таки что-то человеческое!

Голубые не только ели…

Хозяин не очень любил тему гомосексуализма. То есть он ее очень не любил. Об этом в свое время мне говорил еще Вася. Всякие свингеры, мазохисты и даже зоофилы вполне спокойно уживались на страницах газеты. Но вот «гомосятину» тут не приветствовали. По наследству эта традиция продолжилась и при мне.

Но в отличие от Хозяина, я гомосексуалов любила. Ну, не то что любила, это сильно сказано, но уважала их отдельную жизнь, не такую, как у всех. Она меня ИНТЕРЕСОВАЛА. Во-первых, среди них были люди, которых нельзя было не уважать несмотря ни на что. А во-вторых, драм, трагедий и сложных хитросплетений судеб у них хоть отбавляй. И потом кино — лучшие фильмы Альмадовара, «Горбатая гора»…

Поэтому мы потихоньку писали про жизнь «не таких». Хозяин уже давно не читал газету, все проскакивало без последствий.

Одним из сильнейших материалов на эту тему была статья Юрика про Льва Новикова. Через год эту статью слямзило телевидение и показало документальный фильм о судьбе великого стилиста — текст шел практически слово в слово.

А судьба эта интересна совсем не тем, что Лева был гомосексуалистом и умер от СПИДа. В его жизни было предательство, которое любому человеку трудно, невозможно пережить. И связано оно с именем другого знаменитого стилиста — кремлевского модельера Игоря Чепурина.

Пользуясь связями, Новиков ввел молодого друга в богемную московскую тусовку. Вместе они создавали образы в спектакле «Горе от ума», вместе работали в телепрограмме «Подиум д'Арт». Из Парижа Лев постоянно привозил эксклюзивные модные каталоги, в них-то и черпал вдохновение Чепурин. Его смелые коллекции воспринимались на «ура». В 95-м появился Дом моды «Igor Chapurin» — не только тешившая самолюбие собственная марка, но и крепкий бизнес. По большому счету, дом основали двое, но, как мы уже знаем, Новиков был бессребреником.

А потом грянул гром. Лева слег. Затянувшаяся простуда, тяжелейшее воспаление легких, температура под сорок. Он умирал. Кто-то из врачей спросил невзначай: «Вы давно проверялись на СПИД?» Когда Лева в очередной раз очнулся, дом был пуст. Любимый человек собрал все ценное, надел пальто Готье за три тысячи долларов, недавний подарок Левы, — и ушел. Навсегда! Новиков остался один. Спасительные инъекции стоили

всего 900 рублей в день. Всего девятьсот… Но даже их не было…

…Он перебивался случайными заработками, иногда преподавал, но все чаще уединялся, довольствуясь хлебом и водой. Достучаться до него могли только самые близкие. Впрочем, и их остались единицы. Хватит пальцев на руках — Демидова, Виктюк, Меньшиков, Литвинова, Лина Арифулина, режиссер Рустам Хамдамов, художник Алла Коженкова. После того как по Москве прошел слух о Левиной болезни, вчерашние друзья пропали без объяснений. Даже сейчас, после смерти, дипломатично молчат те, кого он создал в прямом смысле слова.

В 93-м году Леонид Парфенов впервые был назван самым элегантным телеведущим года. Его фирменную брутальность и манеру поведения придумал именно Лев Новиков, личный стилист ведущего программы «Намедни». Знаменитые очки ведущего «Музобоза» Ивана Демидова — тоже заслуга Левы. Однако многие поспешили откреститься. «Кто? ВИЧ-инфицированный гомосексуалист? Причем здесь мы? Упаси Боже!»

Удивительно, но при наличии таких громких имен реакции на статью не последовало. Ее просто «не заметили». Ну что ж — такое тоже бывает. Но высокой ноты материала это нисколько не умаляет…

Теория и практика

Редакционный организм — субстанция странная и непостоянная. Я много лет проработала в журналистике, всякого повидала — но так и не поняла самого главного: в чем секрет удачи медийного проекта на постсоветском пространстве. В советское время все было ясно: пресса — рупор, или как тогда говорили, орган руководящей политической силы. Коммунистическая партия не жалела денег и любых средств, чтобы этот рупор работал как отлично отлаженный механизм. Да, партия через свой, прости Господи, орган влияла на мозги и могла говорить все, что хотела. Но уж если газете позволяли что-то критиковать — по этой критике немедленно принимались самые крутые решения. После публикации статьи людей исключали из партии, сажали в тюрьму, у меня была публикация, по которой, наоборот — невинного человека из тюрьмы освободили. В общем, как выражались сами партийцы, меры принимались. Поэтому было понятно, зачем работаешь, — ощущение абсолютной нужности своей профессии.

Перестройка понятия гласности и дозволенности перепутала, перемешала, газетные публикации уже ни на что и ни на кого не влияли — хоть обкричись. Тогда зачем нужна пресса? Сообщать новости? Все равно не угнаться за радио-телевидением, а с наступлением Интернета — и вовсе. Конечно, остались еще мастодонты, которые начинают утро с чашки кофе и газеты — но они постепенно умирают, а на смену им идет поколение, которое узнает новости исключительно из мобильного телефона с подключением к нему GPRS или WAP. Значит, задачи бумажных изданий изменились. Они стали развлекать — в этом успех огромного количества глянцевых журналов. Но там хоть можно рассматривать красивые картинки да загорелых женщин. А что остается газетам, которые печатаются по-прежнему на бумаге и живут всего один день или максимум — неделю? Боюсь, что они обречены — и многие из них это хорошо понимают. «КП» или «Экспресска» создали отлично работающие сайты, похуже у МК, но денег и сил они все вкладывают в развитие своих электронных версий немало. «Вич», как обычно, спит, но все же мне казались, что пока газета выходит, надо хоть как-то удержать ее оставшихся читателей. И путь тут только один — хорошая журналистика, или, как говорят молодые мои коллеги, — контент, а мои старшие товарищи называют это литературой. Громко, конечно, но смысл понятен — информацией и сенсациями сейчас никого не увидишь, а вот хорошее чтиво, по крайней мере, можно взять с

собой в дорогу.

Костылин только морщился, когда я пыталась эти мысли вложить в его голову. Он доказывал, что секс и порнография народ по-прежнему горячо интересует. В глубине души я его понимала — для Костылина главными читателями были рекламодатели. Искать новых ему не хотелось — это дело хлопотное, а старым и проверенным клиентам нужна была именно эта тематика — сиськи-письки. «Да брось ты заморачиваться, — уговаривал он меня, — на хер тебе все эти придумки-выдумки? Сиди и пиши про секс и кекс».

Он часто являлся ко мне в кабинет — я почему-то наивно считала, что он скучает по мне, что ему не хватает общения со мной, — ведь мы с ним так много вместе пережили! А он приходил только для одного — узнать новости, чтобы всегда быть в курсе происходящего в редакции. Да еще пообщаться с Гоблином. Связывала их какая-то странная дружба. Хотя почему странная? Они оба любили девок и вместе таскались по проституткам. И дружба их началась, кстати, с того, что Гоблину понравилась новая костылинская секретарша осьмнадцати лет — хлипкая девочка на ножках-прутиках. Гоблин сам ростом не вышел, потому и девчонок любил тощих и маленьких, на которых без слез не взглянешь. Костылин сначала подтрунивал над ним, похихикивал, а потом они начали вместе выпивать — оба любили пиво, а алкоголь всегда дает волшебную иллюзию того, что рядом с тобой не собутыльник, а единомышленник.

Я помню одну странную встречу в аэропорту, когда воистину убеждаешься, что мир тесен. Я летела в Германию, со мной на этот же рейс регистрировал билеты Костылин — он направлялся в Дюссельдорф, где лечилась его жена Лялька, — я думаю, от депрессии. И в одно и то же время с нами в аэропорту оказался Гоблин с женой — они летели в Париж. (Это я устроила ему поездку. У нас проводился фотоконкурс, Костылин, конечно, не мог или не хотел найти нам спонсора этого конкурса. Пришлось мне просить своего состоятельного соседа, который согласился по бартеру проспонсировать нас, а заодно отправить кого-то из редакции в Париж. Я решила отдать путевку Гоблину — он, в отличие от остальных сотрудников, меньше всех выезжал за рубеж, да к тому же его жена, способная молодая журналистка, иногда писала для нас неплохие статейки.) И вот мы встретились так странно в аэропорту и сидели в кафешке на втором этаже. В восемь утра я могла пить только кофе, зато Костылин и Гоблин с удовольствием вливали в себя виски. Оба быстро налились яркой бордовой краской, и стали похожи на тяжелобольных сердечников. Уж не ведаю, как долетел до Парижа Гоблин, а

Костылин в самолете уснул.

Что случилось с его женой Лялькой и почему она лечилась в Дюссельдорфе, я могла только догадываться. Мы встретились с ней в тот же день в ресторане, где Костылин заказал типично бюргерский обед — с рулькой и острой красной капустой. Лялька похудела и совсем не походила на себя — была какой-то прибитой, молчаливой и уже не командовала мужем, как раньше.

Ляльке кто-то сообщил про бесконечные измены Юрки, и, самое главное, про его зазнобу Женечку. Дочка Костылиных к этому времени уже поступила в институт — тут опять я влезла со своей помощью, устроила девочку на бесплатное отделение в Университет дружбы народов. Лялька особенно остро почувствовала свое одиночество и ненужность. А я всегда ей говорила, что женщина должна работать, иметь свою хоть маленькую, но отдельную жизнь!

Лялька закатила мужу грандиозный скандал, в результате которого он запил на долгую неделю, а Лялька сделала вид, что ушла к маме. Юрка протрезвел, пометался между двумя женщинами и приземлился в квартире своей любовницы, которую сам же для нее и покупал. Но Женечка к тому времени уже и сама была вполне самостоятельной, богатой, независимой. Она ему так и сказала: «Наши прежние отношения меня вполне устраивают». Потрясенный Костылин пожил два дня в одиночестве, а потом пошел мириться к Ляльке. Видно, тогда у нее случился нервный срыв, и сердобольный Костылин отправил ее в Германию. А сам мотался туда наездами, играя роль заботливого и любящего супруга. Я-то хотела в самолете поговорить с ним про газету — куда там, он уже спал богатырским сном.

Честно говоря, я иногда не знала, что делать с газетой. Сидела в кресле главного редактора, тупо пялилась в компьютер и ничего нового придумать не могла. Особенно тяжело было под новый год — Хозяин всегда требовал новых рубрик именно с нового года. В конце концов, мы их всегда придумывали, меняли какие-то полосы, но с каждым годом работать становилось все скучнее. Прежде всего, конечно, из-за слишком узких тематических рамок — ну, сколько можно читать и писать про секс? Но каждый раз, когда я намыливала лыжи куда-нибудь уйти — и были неплохие предложения! — высокая зарплата Хозяина, как на поводке, держала меня в «Вич-инфо».

Лариска

Весной я, наконец, исполнила заветную мечту своего мужа — мы собрались в Рим. Он у меня помешан на римской истории, закупил толстенные фолианты на эту тему, и что самое удивительное — все их прочитал. Я-то уже не раз путешествовала по Италии, безмерно люблю эту страну, к тому же у меня там живет подружка Лариска — мы с ней вместе работали еще в «Собеседнике».

Так удачно сложилось, что у нас с мужем стояла в паспортах шенгенская виза, поэтому мы сами бронировали отель в Риме, заказали билеты на самолет и выбрали не самое жаркое время — конец февраля.

Каждый свой отпуск я разбивала на четыре части — по неделе — и старалась проводить эти недели в путешествиях. В глубине души я хорошо понимала, что эта высокая зарплата когда-нибудь кончится, что наступят другие — экономичные времена, и ездить в путешествия станет весьма затруднительно. Об этом мне все время напоминала моя подруга Жози, которая вообще воспринимает жизнь куда более прагматично и трезво, чем я. «Оля, — жалобно говорила она мне каждый раз, собираясь в очередное путешествие, — ты понимаешь, что все это скоро кончится и нас ждет нищая старость?» Я беспечно махала рукой — мне казалось, что это будет так нескоро!

Перед поездкой я позвонила подружке Лариске. Смешно, но мы с ней много лет проработали в одной редакции, а подружками стали после ее отъезда в Италию. История эта сколь драматичная, столь и счастливая, поэтому я отвлекусь ненадолго от газеты «Вич-инфо».

Лариса очень красива. Таких красивых женщин мне нечасто приходилось встречать в жизни. Причем эта красота не была холодной и отстраненной, как это повсеместно встречается. Она была живой, трепетной, одухотворенной и от этого еще более прелестной. В редакции «Собеседника» мы с ней жили параллельными жизнями, но однажды на какой-то редакционной пьянке оказались рядом за столом. Я в тот момент переживала дикий душевный разлад от неразделенной любви — и у Ларисы была похожая ситуация. За столом и встретились два одиночества. Оказалось, что она давно и безнадежно влюблена в художника (ну разве можно влюбляться в художников!!!) А тот, как водится, был влюблен только в себя и в свое гениальное творчество. Моя красивая Лариса бегала за ним, как собачонка, по любому его свистку срывалась и летела через мглу и ночь, а

потом заставала крепко запертую дверь… Одно время она хотела просто родить от него ребенка — без всяких притязаний на замужество, но забеременеть не получалось, причем художник обвинял в этом Ларису, а она еще больше тосковала и уходила в депресняк. В один из таких особенно мрачных приступов ее послали писать репортаж с соревнований на кубок Кремля по теннису. И там она познакомилась с итальянцем — представителем спортивной фирмы. Тот не на шутку влюбился в русскую журналистку. Развелся с женой, окружил Ларису любовью и заботой, и ей ничего не оставалось, как выйти замуж — и забыться в объятиях жгучего итальянца. В начале 90-х, в это самое смутное время, уехать в Италию было не просто выходом из положения — это было счастьем. И его Лариса, слава Богу, не упустила. Там, на своей новой родине, она родила двух очаровательных дочек, окончательно успокоившись и по поводу своего женского здоровья.

Через пару лет после ее отъезда мы с подружкой решили совершить вояж на автомобиле по Италии. И я вспомнила про Лариску, нашла ее телефон и позвонила ей уже из Милана. Я опасалась, что она не вспомнит меня — а она не только вспомнила, но так обрадовалась, будто эти два года только и мечтала о нашей встрече. Мы с подружкой держали путь на Флоренцию, все отели по пути следования у нас были забронированы и оплачены заранее, и Перуджио — городок, где поселилась моя синьора, в наш маршрут не входил. Но Лариса примчалась на поезде во Флоренцию, и мы покорно последовали к ней в гости, и даже остались ночевать, пропустив одну ночь в Риме, — в пятизвездочном, между прочим, отеле.

Лариса хоть и была счастлива в своем новом доме с мужем-итальянцем, но все же ужасно скучала… даже не по России, а по общению — журнализм из души вытравить невозможно! Мы проговорили с ней два дня без остановки, и дальше бы говорили, но надо было ехать в Рим — на вечный город нам и так оставалась очень мало времени.

Вот с тех пор мы особенно и подружились. Кстати, чтобы вы окончательно поверили в красоту моей «русской итальянки», расскажу такой случай. По приезде в Италию Лариса поступила в Римский университет. От нечего делать приняла участие в конкурсе на самую красивую девушку вуза — и стала его победительницей! А ведь ей к тому времени было 30 лет — намного больше, чем всем другим участницам.

Великий Тонино

Я хоть и собралась в отпуск, но наметила себе дело. Проблему, как сказал бы мой муж. Он почему-то считает, что я люблю создавать себе проблемы. Из каждого отпуска я стремилась привезти хоть маленькую, но заметку в свою газету — и практически всегда мне это удавалось. А теперь мы летим в Рим — и мне захотелось познакомиться с самим Тонино Гуэрра — великим художником, писателем, философом. Именно он написал сценарии к лучшим фильмам Федерико Феллини, Микеланджело Антониони и многим другим, неоднократно номинированным на «Оскар». Я знала, что Тонино живет высоко в горах — в деревушке Пенобилли региона Кастильо-Романо, где когда-то, 88 лет назад, он родился. И я дала Ларисе поручение — дозвониться маэстро и договориться об интервью. Потрясенная Лариска перезвонила мне на следующий же день — она дозвонилась с первого раза и разговаривала с женой Тонино. Лора — личность фантастическая, не странно, что много лет назад они с великим Гуэрра нашли друг друга в заснеженной Москве. Лора легко согласилась принять русских журналистов, попросила только «не сильно утомлять маэстро, который незадолго до этого перенес операцию и пока еще несколько слаб».

И вот мы едем в Пенобилли — Лариса везет нас на своей машине, от Рима это далеко, от Перуджио — гораздо ближе, поэтому мы встретились по пути, в прелестном городке Ареццо, куда мы с мужем добрались на поезде. Дорога петляет по горам все выше и выше, покрытие становится все хуже и хуже, Лариса несколько раз останавливается и спрашивает дорогу, и колоритные итальянцы — вот откуда Феллини черпал образы для своих фильмов! — неспешно-подробно объясняют, как проехать в дом маэстро Гуэрра.

Он живет на самой вершине горы — дом скорее похож на саклю, прикрепленную к горе, чем на дом итальянского классика. В доме все предельно скромно, а самая большая ценность — картины самого мастера да его друзей — Сергея Параджанова, Рустама Хамдамова, Федерико Феллини… Позолоченные статуэтки «Оскаров», полученные маэстро в разное время за разные фильмы, свалены в кучу под этажеркой — Тонино к ним равнодушен и держит исключительно для того, чтобы демонстрировать гостям.

Что такое великий человек — я поняла именно здесь. Ему, казалось, абсолютно безразлично внешнее благополучие — удобства его дома, комфортность и вообще всякие блага. Он

хотел жить на родине — и забрался высоко в горы, в места, где родился и которые обессмертил в своих фильмах. В этой маленькой деревушке все было пронизано духом маэстро — он смастерил милые скульптурки, украсил ими фонтаны и улицы, он создал целый сад, в котором нашлось место памяти всем ушедшим великим друзьям — и наш Андрей Тарковский среди них. Он все создал бескорыстно, без денег — откуда у маленькой деревеньки средства рассчитаться с великим художником?

Его дом знает каждый житель Пенобилли. И нам его указала кривая старуха с клюкой, и даже просилась в провожатые — но мы пожалели ее больные ноги. Дом легко найти — перед входом в него громоздятся какие-то аллегорические скульптуры, калитка в сад распахнута и вся земля засыпана опавшим с деревьев миндалем — не зря маэстро назвал свои владения «Садом миндаля». Сад и дом раскрыты нараспашку — и нигде никого. Мы стоим в изумлении и восхищении, потому что все это так похоже на декорации к фильмам итальянского неореализма! По двору ходят кошки — их десять-пятнадцать, они лениво потягиваются и трутся о наши ноги.

В верхней части сада я замечаю Лору — она сидит на лавочке и как будто загорает на солнце. Я кричу ей снизу «Мы приехали, мы ждем!», а Лора отвечает, что сейчас занята, что у нее общение с солнечными лучами и просит нас погулять в одиночестве по саду. В этот момент в калитку вкатывается целая компания колоритных синьоров. — все в одинаковых серых кепках и все без исключения что-то одновременно говорят друг другу. Среди них, естественно, я сразу узнала Тонино, но одет он был, как все, — и жестикулировал тоже, как все. Наконец, синьоры заметили нас и все одновременно замолчали. Тонино попросил подождать — пока он с синьорами не закончит обсуждать очень важное дело.

А обсуждали он, как потом нам рассказала Лора, возможность восстановить в деревне театр — да-да, был здесь когда-то именно театр! Но с тех пор деревня опустела, молодежь уехала — спустилась с горы, как тут говорят, — и в театр некому стало ходить. Но сейчас жизнь налаживается, люди стали возвращаться в свои дома, и теперь позарез надо восстановить театр. А кто как не Тонино, должен поучаствовать в этом светском мероприятии, несмотря на свои 88 лет! (В 2010 году Тонино исполняется 90).

Целый день, что мы гостили у маэстро, меня не покидало ощущение, что идут съемки фильма, а я случайно оказалась на площадке.

…Наконец, спустилась с верхней галереи Лора — в лакированных поношенных сапогах и в той же самой юбке, в

которой я видела ее на свадебной фотографии тридцатипятилетней давности. Она схватила меня за руку, как старую знакомую, и потащила показывать дом.

Я слушала ее, раскрыв рот, но мне не давала покоя эта юбка. Юбка была запоминающаяся — из черного бархата, по подолу — широкая полоса какого-то восточного орнамента. В конце концов, мне надоело мучиться, и я прямо спросила:

— Лора, я видела эту юбку на вашей с Тонино свадебной фотографии. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Эту юбку мне подарил друг нашей семьи Рустам Хамдамов. Я берегу ее как зеницу ока, она мой талисман. Ведь Рустам сам придумал этот рисунок! Удивительно талантливый, гениальный человек! Тонино обожает его, — Лора опять схватила меня за руку и потащила к очередной картине:

— Вот его работа. И вот эта. Прекрасно, правда?

Слово «прекрасно» лишь в малой степени могло передать то, что она мне показала. Я, раскрыв рот, застыла в изумлении. Я ничего не знала про Рустама Хамдамова! Слышала, конечно, это имя — в связи с тем, что когда-то он пытался снять фильм «Анна Карамазофф», но ему не повезло то ли с финансированием, то ли с прокатом. По своей «вичевской» многолетней привычке я знала кое-что и про его личную жизнь — у него был головокружительный роман с красавицей Еленой Соловей, но та, в отличие от своих романтических героинь, в жизни оказалась человеком прагматичным и предпочла неземной любви вполне земные радости и заботы. И осудить ее не поднимается рука!

Лора пригорюнилась:

— Ты знаешь, Рустам — патологически невезучий человек. Это, конечно, идет от характера, от его замкнутости, нелюдимости, затворничества. Он безумно талантлив, за что бы ни брался — будь это картины или кино — все у него получается гениально, но… на родине его никто не знает. Художник при жизни должен заботиться о том, чтобы его наследие достойно сохранилось!

Эту фразу я потом часто вспоминала — она показалась мне ключевой к творческой жизни самого Тонино Гуэрра. Как человек не только всесторонне одаренный, но и умный, он понимал: чтобы после смерти его творчеством распорядились так, как бы он этого хотел, он сам — и никто другой — должен об этом побеспокоиться еще при жизни. Поэтому Тонино создал свой музей в этом самом городке Пентобилли, и в нем — галерею своих работ, и сад со своими скульптурами, и свой дом, уже сейчас похожий на музей, — столько уникальных произведений

искусства в нем хранится.

Так же он ведет себя с журналистами — несмотря на кажущуюся спонтанность и эмоциональность, каждое слово в его интервью четко выверено и продумано с точки зрения того, как его воспримут потомки. Я не знаю, хорошо это или плохо, но думаю, жизнь Тонино была гораздо более насыщена, более конфликтна и многогранна, чем покажется тем, кто потом будет изучать творчество великого итальянца.

Мы говорили с ним через переводчика, — эту роль уже 30 лет исполняет его жена Лора. Тонино четко отвечал на мои вопросы, он сразу понял, из какой я газеты и что мне от него надо — рассказывал о любви, о том, как ее понимает. Но если мне удавалось вставить вопрос о Феллини или Тарковском — двух великих режиссерах, которые шли по жизни рядом с ним, он остроумно уходил от ответа.

— У художника должна быть муза, — ответил он мне на вопрос о личной жизни Андрея Арсеньевича. — И должна быть жена, которая подаст ему тапки и сварит обед. И не всегда эти две фигуры совпадают.

Мы проговорили долго — гораздо дольше оговоренного маэстро времени. Мне даже показалось, что ему жалко с нами расставаться. Он несколько раз пригласил нас приезжать «на подольше» — остановиться можно в отреставрированной им церквушке недалеко от дома.

— Именно тут жил Тарковский, когда приехал в Италию и у него еще и не было своего жилья.

— А его жена Лариса тоже здесь останавливалась? — пыталась подъехать я с другой стороны.

— Нет, ее здесь не было, — зашептала мне на ухо Лора. Потом добавила: — Знаешь, Тонино ведь ее не очень жаловал. Она была… мм-м — Лора подыскивала слово, — ну такая хабалистая, как это русские говорят.

— А как же тапочки? И обед? — не унималась я.

Но Лора отвлеклась: подошел Баба, старый сенбернар, который все время терся о ноги хозяйки.

Уже темнело, солнце медленно падало куда-то за гору… Пора уезжать. Тонино устал — только помахал нам рукой из своего глубокого кресла. А Лора с Бабой пошли провожать.

А в машине моя притихшая подруга Лариска вдруг призналась:

— Знаешь, что он мне сказал, когда мы после интервью пошли осматривать дом?

Она улыбнулась и стала похожа на ботичеллевскую Венеру.

— Он сказал, что все время хотел меня поцеловать. И эта

мысль мешала ему серьезно отвечать на твои вопросы.

Я же говорила, что жизнь Тонино гораздо насыщеннее, чем кажется на первый взгляд!

Чистая арифметика

В редакции газеты «Вич-инфо» работали 17 человек — включая двух архивариусов-библиотекарей. 20 сотрудников насчитывала служба Главного Художника — включая корректуру, бильдредакторов, сканерщиков и пр. Всего — 37 человек. А вот в издательском доме «В-И», согласно списку, более 600! Пока у нас выходили многочисленные газеты, включая мой родной «Декамерон», я даже не задавалась вопросом — кто эти 600? Ну, пусть 500 — минус сто, работающих в разных наших изданиях. Издательство по-прежнему казалось мне богатым и неиссякаемым, как Тихий океан.

Я никогда не ходила на корпоративные новогодние вечерки. Когда в одном, как правило, тесном месте собираются несколько сотен человек — ни выпить, ни закусить, ни поговорить не удается. От своих сотрудников я слышала далеко не лестные отзывы об этих мероприятиях — тесно, скучно и голодно. Причем средства затрачивались на это немалые.

И даже в кризис — когда уже задерживались зарплаты, сокращались оклады, и было понятно, что без серьезных потерь не обойтись, — вечеринку все равно не отменили. Упрямство, с которым Хозяин тратил деньги на это бессмысленное мероприятие, было мне непонятно. За 12 лет я не посетила ни один корпоратив — о чем вот именно сейчас жалею, могла бы живописать это событие. Тогда бы я, может, могла бы понять, кто эти многочисленные гости, которые вели себя вполне как хозяева, — ну они и были хозяевами, раз здесь работали. Вот только где? Кем? Мои ребята тоже недоумевали: чем эти люди занимаются в издательском доме?

Весной Костылин стал посещать меня со странной песней — тиражи малых изданий стремительно падают, они уже не окупают себя. Самое плачевное состояние — у глянцевого журнала, которым руководили Ясная и Недобежкин. Затраты на него уже зашкаливали за пару миллионов долларов, а тираж не только не подрастал, но, как выражался тот же Костылин, имел тенденцию к сокращению. Я знала об особом отношении Костылина к Ясной: с первого номера журнала Юлечка ясно дала понять рекламному отделу, что собирается создать отдельную собственную службу и допускать к финансовым делам журнала Костылина совсем не собирается. Он рвал и метал, негодовал и буйствовал, но перечить Ясной, конечно, не мог.

А между тем журнал создавался в обстановке строжайшей секретности. Сотрудникам было запрещено не только общение, но

и мимолетные разговоры в столовой с коллегами из «Вич-инфо». Боялись, видимо, утечки информации — чтобы мои ребята — не дай Бог! — не украли темы. Но пока наблюдалось воровство только в другую сторону — наши публикации нещадно эксплуатировались журналом. Правда, я смотрела на это спокойно — цифры наших тиражей были несопоставимы.

Запретить общение сотрудников оказалось делом нереальным — к нам все равно поступала регулярная информация о том, что творилось на 6 этаже. А там наметился конфликт между Ясной и ее первым заместителем Недобежкиным, причем конфликт этот только углублялся, что-то они там никак не могли поделить. Власть, скорее всего. В редакции курсировали слухи о том, что Ясная пользуется неограниченным доверием Хозяина, может взять любую сумму и даже не отчитаться за нее к великому ужасу педантичных бухгалтеров. Говорили и о том, что Ясная прикупила домик в Испании и уже перевезла туда родителей и сына, а сама активно учит испанский язык.

Меня все это волновало очень мало — раз это не касается газеты, редакции, коллектива, значит, и меня не касается. Мы жили параллельными жизнями — и меня это устраивало. Огорчал «Декамерон». Поникшая Павленкова, которая теперь возглавляла газету и была, собственно, единственным ее сотрудником, держала нос по ветру, и этот нос подсказывал ей, что малые издания скоро закроют из-за их финансовой несостоятельности. Дело в том, что оставшиеся три газеты — в том числе и дорогой моему сердцу «Декамерон», объединили в одну редакцию, и главным над всем этим поставили Костылина, который и предложил эту схему объединения якобы для экономии денежных средств.

Но тираж «Декамерона» оставался стабильно высоким — даже после всех экспериментов с редакцией, когда там работал фактически один человек. Тираж более ста тысяч экземпляров в месяц — это хороший тираж. Газета, которую никто не продвигал на рынке, не рекламировал, не развивал — оказалась очень живучей. Я была уверена, что при столь высоком тираже ей не грозит закрытие — не надо обладать математическими способностями, чтобы посчитать расходы на одного сотрудника и типографию — и прибыль от ста двадцати тысяч тиража. Но Павленкова что-то чувствовала своим чутким носом и выглядела растерянной.

Я пыталась приставать с расспросами к Костылину — судьба «Декамерона» волновала меня чрезвычайно. Тот пожимал плечами и делал вид, что он не в курсе, что решает Хозяин, как

уж он посчитает свои убытки — так и будет. При этом у него как-то странно бегали глаза…

Как-то утром ко мне в кабинет неожиданно пришел Недобежкин. Слава походил на побитую собаку. Сел на кресло и вздохнул:

— Возьми меня обратно…

Я представляю, как он готовил себя к этой фразе. С его-то амбициями! Конечно, язык чесался сказать «А я тебе говорила…», но я пересилила себя. Даже не спросила, что у них там с Ясной произошло. Я ответила просто: должна посоветоваться со своими замами. Это была чистая правда — практически ни одного решения я не принимала без них. Даже если мое мнение не совпадало с мнением моих замов, и я принимала собственное решение — я все равно выслушивала их.

Слава погрустнел. Он понимал, что, по крайней мере, двое — Эльсоголь и Корвалан не захотят его возвращения, припомнят ему его же высокомерие. Как поступит Гоблин, было непонятно, ведь когда-то они вместе работали в «Комсомолке», и именно Недобежкин привел его в редакцию, но Гоблин — скользкий типчик, никогда не знаешь, что он выкинет. Слава ушел с понурой головой, а я вызвала своих замов.

— Я так и знал, — всплеснул руками эмоциональный Корвалан. — Конечно, вы его возьмете обратно — ваша доброта просто убивает наповал! Только интересно, чем он будет заниматься?

— И зарплата у него выше, чем у нас, — пробормотал прагматичный Эльсоголь.

— Нет-нет, никогда, только через мой труп! — заорал Гоблин — тот еще гаденыш.

Я понимала, что они правы в одном — Славе не было места в нашей редакции. Причем в прямом смысле — прошло много времени, мои замы научились сами прекрасно справляться с номерами и ладить с сотрудниками. Посадить его как свадебного генерала — пусть будет памятником сам себе за все его заслуги перед Хозяином? Наверное, это слишком жирно даже для такой богатой редакции, как наша. И я решила поступить дипломатично и сделать то, чего никогда не делала — посоветоваться с Уткиным. В конце концов, он генеральный директор и пусть сам принимает решения.

Уткин аж надулся от удовольствия, когда я пришла к нему за советом. Я театрально потупила глаза и произнесла:

— Слава — гордость издательского дома, мы же не можем выставить его на улицу. Но в нашу редакцию он, к сожалению, внесет только смуту.

В общем, я оставила Уткина в тяжелых раздумьях. А на следующий день мы узнали, что Недобежкина поставили руководить всеми малыми изданиями — шеф-редактором, кем он всегда любил быть. И так мне жалко его стало — ведь каждая газета имела своего редактора, и Славина должность опять оказалась надуманной. Он вернулся в свой кабинет на 8-й этаж, и я сразу же поднялась к нему. Не помню, о чем мы говорили. Скорее всего, о собачках. Но мне очень хотелось, чтобы в этом большом пустом кабинете он не чувствовал себя одиноким и униженным. Чтобы его хоть как-то утешить, я произнесла фразу, которую не надо было произносить:

— Здесь с любым могут так поступить, ты же знаешь. Ничего удивительного, если скоро на твоем месте окажусь я.

Я сказала, совершенно не веря в то, что говорила. Но какими пророческими оказались мои слова!

Закрытие «Декамерона»

Они его все-таки закрыли! Недолго Слава поруководил изданиями — месяца три. Бедная Павленкова недоуменно разводила руками: «Ну как может быть не прибыльной газета тиражом в 120 тысяч?» Она сидела у нас в редакции, видно, ей стало совсем невыносимо находиться в своем кабинете, который, впрочем, у нее быстренько забрали. Во всех изданиях к этому времени осталось уже человек семь. Или восемь.

— Их будут увольнять по закону или как обычно? — спросил кто-то из моих новеньких сотрудников.

— Конечно, как обычно, — чуть не всхлипывая, отвечала Павленкова.

Это означало, что каждый, кто пострадал от закрытия газет, должен написать заявление по собственному желанию — все по схеме закрытия «Успеха». Никаких выплат, которые обязано делать предприятие при закрытии своих подразделений, никаких отпускных или положенных за два месяцев окладов.

— Хоть бы гонорары заплатили, — мечтала Павленкова. — Нам уже месяца четыре их не дают…

Потом мы с ней еще долго обсуждали наш славный проект, который так бездарно зарыли в землю в издательском доме. Ведь неплохая идея — «Декамерон»! Я когда-то предлагала Хозяину превратить газету в журнал — сделать из нее глянцевое красивое издание про личную жизнь звезд, тогда это поле пахал только «Караван историй». Мы с Длинноволосым художником выпустили пробный номер — Длинноволосый расстарался и сделал классный, очень стильный дизайн. Но Хозяин не пожелал тогда вкладывать деньги в долгоиграющий проект, ведь глянцевый журнал начал бы приносить прибыль, по нашим расчетам, только через год-полтора.

При этом в издательстве работал — и до сих пор работает! — отдел маркетинга. Где, как не там, должны были просчитать и будущую прибыль, и перспективы развития, и тематику — и все, что связано с появлением нового продукта. Однако отдел маркетинга занимал в издательстве какую-то странную наблюдающую позицию. Наверное, маркетологи были тоже из чьей-то песочницы, ничем другим их безмолвное пребывание в издательстве было не объяснить.

Через несколько дней Павленкова, которая пыталась бороться за свою газету, и даже нашла какого-то спонсора, готового платить деньги за то, чтобы «Декамерон» выходил, пришла ко мне и буквально рухнула на стул.

— Они НИЧЕГО не хотят, — устало произнесла Ленка. — Ни спонсора, ни уменьшения тиража, ничего! Зато знаешь, почему «Декамерон» оказался нерентабельным? В штате газеты числились какие-то люди, в том числе и маркетинг — ну, ты представляешь? Конечно, разве одна маленькая газетка может прокормить такую ораву людей?

Я уже просто молчала. Ленку было жалко, надо куда-то ее устраивать на работу — увы, в свою газету я не могла ее взять, не было для нее свободной ставки. Пришлось звонить Костылину — он тогда как раз занялся интернет-сайтом. Юрка знал цену высокопрофессиональной Павленковой и обещал подумать.

Настроение все равно было паршивым. Так жаль было «Декамерон» — ведь он спас нас всех буквально от голодной смерти! Он и Костылину помог залезть на вершины рекламного бизнеса, и Хозяину принес немалую прибыль. А теперь его закрывают — без жалости и сожаления, не предприняв ни малейшей попытки хоть как-то спасти.

Костылин забрал Павленкову к себе. Пришел ко мне радостный и сообщил эту весть. Потом помялся немного и добавил:

— Я тут с Хозяином разговаривал… предлагал ему продать мне «Декамерон» — все равно он уже никому не нужен. Так вот… Хозяин отдал мне его просто так. Бери, сказал, и пользуйся.

— И что? — выпучила я глаза, — ты будешь его выпускать на свои деньги?

— Ну… — замялся Юра, — не совсем выпускать… Это будет рекламный буклет для нашей продукции. А что, неплохо?

Лучше бы он его совсем убил, чем сделать прилавком фаллоимитаторов и виагры!

Большая политика

Единственное табу, которое с самого начала наложил Хозяин на тематику газеты, — это политика и церковь. Ни под каким видом и никогда не касаться этих тем — установка с первых дней выхода газеты в свет. Никто не знал истинной причины. Даже Костылин, сильно приближенный Хозяином в последнее время, если и знал, то молчал.

А жизнь иногда подкидывала сюжетцы, связанные с сексуальными скандалами на самых верхах власти — ну тоже ведь люди! — и мы только облизывались, но печатать не могли. Больше всего буйствовал по этому поводу Гоблин и несколько раз пытался подбить меня напечатать что-то неразрешенное. И пару раз ему это удалось.

Нежные отношения связывали певицу Наталью Штурм и моего первого зама. С чего началась эта дружба — уж не знаю. Но сама Наталья не первый раз становилась скандальной героиней «Вич-инфо». Сначала — еще до моего прихода в редакцию. Тогда Штурм выпускала первый сольный альбом со своим хитом про школу, а продюсировал ее мой земляк — певец шансона Александр Новиков. Как мне Саша позже сам рассказывал, именно он придумал сюжет фотографии и статьи в «В-И», будто бы Новиков выиграл Штурм в карточной игре в казино. Обложка была эффектной: на переднем плане сидела абсолютно голая — тогда еще юная — Наташа, а за ее спиной стоял одетый во фрак Новиков. История выглядела настолько правдоподобной, что обмана не заподозрила даже я, к тому времени уже прожженный журналист желтой прессы. Прошло десять или пятнадцать лет. Новиков и Штурм давно разбежались, разругавшись в хлам, как это часто бывает в шоу-бизнесе. Александр занялся другими делами у себя в Екатеринбурге, Штурм нашла себе олигарха и родила от него ребенка. А потом — тоже ничего необычного — олигарх побил немного свою красотку-жену и выгнал из дома, и Наталья решила снова запеть. А раз запеть — значит, снова нужен пиар, публикации, надо, чтобы о ней заговорили, а что лучше всего рождает разговоры? Правильно — скандал!

Кто-то подсказал ей написать книгу — после пресловутой Оксаны Робски всем стало казаться, что написать книгу — плевое дело. Но Наташе было что рассказать — в ее воздыхателях ходили не только славные представители шоу-бизнеса, но и высокопоставленные государственные чиновники. Об одном из них она довольно складно и иронично и написала в своей книге (думаю, что ей помогал профессиональный литератор, хотя сама

Наташа это категорически отрицает). И кусок из своей книги она принесла Гоблину — для публикации в «В-И». Отрывок был интересный — мы все по очереди прочитали его буквально залпом. В нем шла речь о том, как певицу долго домогался высокопоставленный и очень именитый поклонник. Причем чиновник этот был настолько богат, что подарил ей какое-то немыслимое колье «за двадцать пять кусков». Штурм решила, что речь идет о 25 тысячах долларов. Но потом выяснилось, что поклонник имел в виду 250 тысяч долларов, а куском называл 100 тысяч. В общем, там было много таких моментов, правда, не называлась фамилия нашего славного слуги народа. Но Гоблин предложил напечатать фотографии пяти возможных политиков, кто мог подходить под созданный Натальей образ. В том числе и могущественного государственного чиновника Владислава Суркова.

Первым забил тревогу наш всегда осторожный Главный художник. Завидев галерею политиков на страницах еще не вышедшего номера, он влетел ко мне в кабинет и начал меня пугать — газету закроют! Хозяин нам этого не простит! Мы с Гоблином потратили немало сил, чтобы успокоить этого паникера — ну мало ли кого имела в виду Штурм. Да еще в книжке, которая вот-вот появится на прилавках.

Сама Штурм рвалась на обложку, но к этому времени она уже весьма поистрепалась, постарела и потеряла товарный вид. Однако отдавала нам главу из своей книги певица только при этом условии — она должна быть на обложке. Пришлось уж тут постараться нашим графикам и визажистам, чтобы сделать тело Натальи хотя бы без целлюлита.

Второй раз мы «влезли» в политику, напечатав интервью с Юлией Латыниной — известным политологом достаточно радикальных взглядов. Интервью сделала жена Гоблина — как я говорила, неплохая журналистка из журнала «Медведь», которая иногда пописывала для нас заметки. Латынина, конечно, говорила о политике, причем о российской политике на Кавказе, в Грузии, а это не совсем вичевский материал. Вернее, совсем не вичевский, но мне всегда было лестно, когда такие люди, как Латынина, соглашались на интервью в «В-И». Первым панику забил опять наш Главный художник. Правда, на этот раз он прочитал интервью в уже вышедшем номере, и менять что-либо было поздно. Он сидел в кресле у меня в кабинете и, раскачиваясь из стороны в сторону, приговаривал: «Все пропало, все пропало! Нас закроют, нас уволят». Я открыла газету и перечитала интервью еще раз. Ничего такого нового, чего бы Латынина не говорила раньше, она не сказала. Она очень

последовательно отстаивает свою позицию, да, главным образом антиправительственную, но кто-то должен в этой стране противостоять глупости власти? Хотя бы эта хрупкая женщина. Ну, еще «Новая газета» да радио «Эхо Москвы».

Но Главный художник зародил в моей душе сомнения, я почувствовала внутри предательский страх и села думать — что делать. В случаях, когда возможно или даже неотвратимо наказание, надо действовать. Надо предупредить удар. Но как? Звонить Хозяину в Америку? Он этот номера газеты и увидит еще нескоро. Последнее время я стала отмечать, что он вообще «В-И» не читает, даже когда ненадолго приезжает в Москву и иногда приходит в редакцию на планерки. Перед самой планеркой он, возможно, просмотрит номер, задержится на каких-то картинках-заголовках — но в текст не вникает. Некогда ему, да и неинтересно уже. Поэтому и обзоры его всегда обтекаемы, одни общие слова. А ведь когда-то он мог поразительно метко и точно проанализировать любую заметку — я всегда восхищалась этим его умением.

Что делать? И я решилась на нестандартный ход. Позвонила Уткину и напросилась на встречу. Повод придумала какой-то ничтожный — типа хочу посоветоваться, как лучше рассадить людей в кабинетах. Уткин сразу воспрянул — он любил, когда у него просили совета. В разговоре с ним я между делом посетовала: «Вот опубликовали Латынину. Женщина-политик, это так интересно, но не знаю, что теперь будет» «А что будет?» — встрепенулся Уткин. «Да интервью очень острое, а мы в политику вмешиваться не должны». Уткин газеты, конечно, не читал, но обещал «посмотреть».

Пока он смотрел, ко мне в кабинет прибежали еще два паникера — Корвалан и Эльсотоль. Эльсотоль горячо зашептал прямо с порога:

— Это Гоблин тебя подставить хочет, это он специально делает. Ты что не понимаешь, что он метит на твое место?

— Глупости какие! — я была абсолютно уверена, что это действительно глупости.

После того как Гоблин так позорно напился в офисе да еще и облевал его, у него нет ни малейших шансов стать главным редактором нигде! Это я озвучила своим замам. Довод показался им убедительным, но их тревогу по поводу Латыниной мне погасить не удалось.

В тот же день мы встретились с Уткиным в столовой. Попивая компот, он вдруг сказал:

— А интервью с Латыниной мне понравилось. По-моему, очень здорово.

Я чуть котлетой не подавилась от удивления.

Теперь он должен донести эту мысль до Хозяина.

Каждый день Уткин говорил с Хозяином по телефону — иногда по несколько часов. Около семнадцати по московскому времени — в Америке было раннее утро — Хозяин руководил своим издательским бизнесом в России. Связывался через секретаря со всеми менеджерами, с которыми хотел пообщаться, но с генеральным директором — в обязательном порядке. Уткин, по моим представлениям, должен был сказать Хозяину следующее: «Главный редактор волнуется по поводу слишком острого интервью, а мне оно понравилось». Из этого Хозяин сделает сразу несколько выводов: газета публикует спорные и острые материалы — это хорошо. Генеральный директор в курсе того, что происходит в редакции, — это тоже очень хорошо.

Я думаю, так оно примерно и было — никаких страшных последствий этого интервью не вызвало.

Очень большая политика

Но были ситуации, когда я сама с тяжелым скрипом в сердце отказывалась печатать материалы, которые шли в руки и, главное, по тематике представлялись абсолютно нашими, вичевскими.

Звонок был из Сочи. Отчаявшаяся женщина позвонила нашей журналистке Нине, которая к этому времени стала уже неплохим репортером. Эта женщина, кажется, ее звали Оля, рассказала, что у нее отнимают грудного младенца, отнимает этого ребенка его отец, который давно и счастливо женат на другой женщине. Оля просила помощи, потому что ребенок еще на грудном вскармливании, для него просто смертельна разлука матерью. Нина прибежала ко мне спрашивать совета.

— Ну что тут еще можно делать? — пожала я плечами. — Оформляй командировку в Сочи и привози хороший материал.

— Да, но вы не знаете, кто отец.

— А кто отец?

— Анатолий Кучерена, а он, между прочим, член Общественной палаты. Эта Оля звонила уже и в МК, и в Комсомолку. Ей везде вежливо отказали — Кучерену все боятся или ссориться не хотят.

— Как же так, — задала я наивный вопрос, — он же борется за права человека: защищает женщин, которые по глупости вышли замуж за рубеж, родили детей, развелись, а теперь не могут детей отсудить себе!

— Так что, оформлять командировку? — Нина от нетерпения даже подпрыгивала на месте.

— Ты сегодня должна улететь!

Нина улетела в тот же день, но на следующий уже звонила из Сочи.

— За мной следят! Мне по телефону угрожают и требуют немедленно уехать и ничего не писать! Я боюсь!

— Кто тебе угрожает? Кто звонит? Обратись в милицию!

— Так милиция и угрожает! Понимаете, у этой Оли брат работает милиционером, вернее, работал. Оля потому и приехала в Сочи, что у нее здесь семья — и родители, и брат в милиции. Она думала, что они ее защитят, но брата из милиции выгнали. И дверь в квартиру родителей взломали — а Оля с ребенком у друзей прячется.

— Вот что — собирай манатки и немедленно оттуда уезжай! — приказала я.

Конечно, журналиста они не тронут. Но и напечатать эту

статью нам никто не даст!

Нина приехала с горящими глазами: такой материал собрала! Ей удалось поговорить с тем самым братом, он, собственно, и сумел безопасно вывезти журналистку из города — ему помогли старые друзья — милиционеры.

Оля работала в Москве инструктором по фитнесу. Где-то на вечеринке познакомилась со знаменитым адвокатом, приглянулась ему — начался роман. Когда забеременела, решила оставить ребенка без всякой надежды на брак с ее отцом. Уехала к родителям, чтобы помогли защититься от притязаний бывшего любовника. А у него, к несчастью, в браке не было детей, и он решил таким образом восполнить пустоту и отобрать малышку у Оли. В ход пошли все мыслимые и немыслимые средства вплоть до взлома двери, до обвинений Ольги во всех смертных грехах и попытки лишить ее материнства — и это ему, в конце концов, удалось!

Но пока я читала Нинину статью — отличный, между прочим, материал собрала девочка! — раздался звонок. Прямо на мобильный. Это был знаменитый адвокат Кучерена. Говорил вежливо и медленно: очень вас прошу… Не печатать ничего… Вы всего не знаете… Ребенку будет лучше у меня… Ну и так далее. Я пыталась объяснить, что малышка-то еще грудная, ее мать молоком своим кормит. Но разве это довод для столь могущественной фигуры?

В принципе, можно было бы Хозяину и не звонить — и так было понятно, что с Кучереной лучше не ссориться — нам это ни к чему. Но я для очистки совести позвонила. Хозяин помрачнел — он ведь тоже когда-то был журналистом и понимал, какой хороший материал мы нарыли.

— С Кучереной хорошо бы подружиться, — невесело сказал Хозяин, — когда будет очередной наезд на газету — его помощь была бы кстати. Может, вы к нему съездите в офис, пообщаетесь, так сказать, лично?

Но сначала мне предстояло поговорить с Ниной. Она совсем еще девочка, только начинает жить в журналистике и пока не представляет всю ее продажность и весь ее сволочизм:

— Нина, ты написала прекрасный материал. Иногда бывают такие ситуации, когда ненапечатанная статья делает тебя настоящим журналистом в большей степени, чем напечатанная. А гонорар я тебе выплачу — ты его заслужила.

Она все поняла, и чуть не плакала. И слова о гонораре ее не успокоили — она ведь собирала факты, рискуя жизнью! И мне пришла в голову мысль:

— Слушай, а давай позвоним в «Экспресс-газету» — эти

ничего не боятся! Предложим им твою статью, а вдруг напечатают?

И я тут же набрала телефон редактора «Экспресс газеты». Мы когда-то сидели с ним в одном кабинете и были хорошими приятелями. Сергей велел срочно прислать заметку, и окрыленная Нина побежала к своему компьютеру.

«Экспресска» материал опубликовала. Правда, на это время редактор уехал из страны на всякий случай, и взбешенный адвокат звонил генеральному директору издательства. Больше ни в одном издании об этом грандиозном семейном скандале написано не было. Зато совсем недавно глянцевый журнал опубликовал фото Кучерены на каком-то пафосном светском мероприятии «с женой и дочкой». Бедному ребенку уже лет пять… А ее папочка снова борется за права матерей, чьи мужья отбирают у них детей — вон история Ирины Беленькой, рядом с ней все тот же Кучерена. Молодец!

К Кучерене я съездила — в невероятно пафосный офис на Остоженку, больше похожий на дорогой публичный дом, по которому ходят длинноногие красавицы практически без юбок — то ли секретарши, то ли помощницы, пахнет свежезаваренным кофе и дорогими сигарами, окна прячутся в бархатных ламбрекенах и люрексных шторах. Кучерена долго рассказывал про свою трудную жизнь и надарил кучу книжек, дал визитку и предлагал обращаться «если что». Но когда это «если что» случилось — над газетой нависла угроза закрытия — его телефон так ни разу и не ответил.

Другой материал пришел к нам из «МК». Позвонила журналистка и предложила скандальную статью с фотографиями: за высокими рублевскими заборами тайно проживает незаконнорожденный сын министра Шойгу со своей молодой мамой — красавицей. Я даже в Америку звонить не стала — после визита в публичный дом адвоката мне совета спрашивать не понадобилось. Журналистке посоветовала обратиться в «Экспресс-газету» Дала телефон. И через неделю уже с завистью читала в конкурирующем издании статью о внебрачном сыне нашего сверхположительного чрезвычайного министра… А ведь статья могла бы появиться у нас…

Личная жизнь

А теперь я попробую ответить на самый больной вопрос, который обязательно возникнет у читателя после прочтения последней главы и который мне всегда задают на публичных встречах — с читателями, студентами, подписчиками. Зачем мы пишем про личную жизнь известных людей — политиков, артистов, писателей? Зачем журналисты лезут в чужой дом и даже в чужую постель? Помню, покойный Абдулов приходил бить морду редактору «Собеседника» за то, что тот опубликовал в своей газете откровения никому тогда еще не известной Даши Асламовой. Она довольно живенько описала, как не очень трезвый народный артист приставал к ней то ли в общественном туалете, то ли в гримерке — ну, и всякие другие подробности. Потом Александр Гаврилович создал целое общественное движение против журналюг в поддержку бедных несчастных артистов, в чью жизнь грубо и бесцеремонно они влезают.

Но как справедливо, хотя и грубо, любит повторять мой друг Стас Садальский, «с журналистами судиться — что в крапиву срать садиться». Репортеры ведь не для удовлетворения собственного любопытства лезут под одеяло к знаменитостям. Есть спрос — значит, есть предложение. На этом держится вся желтая пресса — то есть, те газеты и журналы, которые живут на заработанные средства, не имеют государственных дотаций и просто вынуждены удовлетворять интересы — в том числе и низменные — своих читателей.

А читателя интересует что?

Незабвенный главный редактор «Экспресс-газеты» Александр Иванович, изучавший в Англии технологию желтой прессы, учил: читателя интересуют три главные темы — чужой секс, чужие деньги и чужая смерть. Это закон — и что за смысл с законом воевать? Другое дело, что многие так называемые общественные люди, в первую очередь, конечно, звезды и звездочки разной величины, должны понимать: публичность — часть их профессии, хочешь быть знаменитым — будь готов к пристальному интересу прессы к твоей персоне. Будущий журналист, выбирая профессию, хорошо понимает, что его ждут бесконечные командировки, бессонные ночи и частая работа по выходным дням. Врачу придется сталкиваться не только с постоянной человеческой болью, но и со смертью. Летчику — с ежеминутной опасностью и ответственностью — ну и так далее. Специфика актерской профессии — популярность и все сопутствующие ей издержки. Нет, актеры с удовольствием будут позировать фотографам, если

они во фраке и в гриме, с удовольствием расскажут в интервью, как трудно давалась та или иная роль, и даже привруг, если это требуется для собственной раскрутки. Но вот журналист накопал какой-то некрасивый факт, фотограф снял в не очень трезвом виде — и, пожалуйста, скандал! А теперь еще взяли моду чуть что — в суд подавать, мол, в их личную жизнь грубо вмешался поганец-журналист. У него профессия такая! А ты, если не хочешь, чтобы про тебя гадости писали — веди себя прилично, помни, что за тобой постоянно следит острый глаз папарацци.

Я всегда в этой связи вспоминаю Агутина и Варум. Я не их поклонница — Боже, упаси! Но на моей памяти не было ни одного скандала, ни одной сплетни, ни одного скабрезного кадра этой замечательной пары. При том, что в этой семье — сразу две звезды, есть где разгуляться журналистам. Просачивались в прессу сведения, что Леня пьет безбожно — но, как говорится, никто не видел, фотографий не снимали, певец в суд на журналистов не подавал — то ли на самом деле сей факт существует, то ли нет.

Или Дима Маликов, при своей харизматичной внешности вполне мог бы позволить себе разные вольности. Но имидж образцового семьянина почему-то не вредит ни его карьере, ни его музыке. Саша Филиппенко как-то мне признался, что решил сам рассказать журналистам про свои две семьи — его бывшая и настоящая жены мирно сосуществуют и даже общаются между собой. «Лучше я сам все расскажу, — сказал актер, — чем вы наврете, а потом мне оправдываться». Очень грамотная позиция! Многие мои интервью получились только потому, что я долго убеждала героя рассказать все, как говорится, добровольно-все равно журналист докопается, но может и напутать что-то безбожно или выдумать для красного словца.

Долгие круги описывала я вокруг Галины Борисовны Волчек. Очень мне хотелось поговорить с ней не про последние, громкие премьеры ее театра «Современник», а про ее личную бабскую жизнь. Волчек, прикуривая одну сигарету за другой, ехидно на меня прищурилась: «Тебе это зачем? Дела давно минувших дней, как говорится. И потом не баба я давно, а главный режиссер». Но я твердо решила, что буду сидеть у нее на кухне до тех пор, пока не услышу именно исповедь. Алкоголь здесь не проходил — Галина Борисовна сидела на строгой диете и не то что не пила — даже не ела. Хотя меня угощала вкусными горячими хачапури, купленными на Арбате в грузинском магазине «Мзиури», которого давно уже нет и в помине. И поскольку я приняла решение сидеть здесь и не сдаваться, я начала рассказывать ей про свою личную жизнь. Поедая

вкуснейшие хачапури, жаловалась на то, что никак не удается похудеть, что мужчины не любят толстых женщин и вообще жизнь летит под откос. Она меня перебила:

— Что значит, не любят полных? Да знаешь ли ты, что мужики — 70 процентов — любят толстых женщин! — и через паузу торжествующе добавила, — а остальные тридцать процентов — любят очень толстых женщин!

И дальше я услышала историю про ее жизнь — про женские комплексы, про измену мужа, про комплексы уже другого мужа, у которого жена — главный режиссер… Мы сидели на кухне чуть не до утра. Я на всю жизнь полюбила эту замечательную женщину.

Или Шалевич. Можно было подозревать, конечно, у актера с такой яркой мужской внешностью и обволакивающим голосом бурная личная жизнь. Но история его любви к одной из самых красивых актрис советского кино Валентине Титовой — это просто подарок судьбы для журналиста.

Вячеслав Шалевич увидел артистку Титову в спектакле ленинградского БДТ «Горе от ума». Тонкий ценитель женской красоты главный режиссер этого театра Георгий Товстоногов не мог не использовать удивительную внешность юной актрисы — и ввел ее в спектакль на роль девушки на балу — роль без слов. Она выходила на авансцену, луч софита высвечивал ее лицо — и зал просто ахал в восторге. Ахнул и Шалевич. Он влюбился с первого взгляда. Жизнь его теперь замкнулась между Питером и Москвой.

— Я мог вечером отыграть спектакль на сцене Вахтангова, успеть на ночной поезд в Питер. Утром я приносил Вале цветы и успевал только поцеловать ее — меня ждала дневная репетиция в своем театре. На самолете летел в Москву и буквально вбегал в репетиционный зал. Это было сумасшествие, конечно, но я не поменял бы его ни на какое другое состояние.

Однажды режиссер Басов пригласил Шалевича на пробы на главную роль в фильм «Метель», который собирался снимать по повести Пушкина. Шалевич пробы прошел. А Басов посетовал, что никак не может найти достойную Марию Ивановну. Вячеслав посоветовал обратить внимание на молодую актрису БДТ, и даже взялся познакомить с ней режиссера. Так Шалевич потерял роль, а Басов нашел героиню для фильма и очередную жену.

А моя любимая писательница Виктория Токарева — она не только блестящий автор замечательных книжек, но и такой же блестящий собеседник.

Зная от «тети Любы», популярнейшей актрисы Соколовой, о ее романе с режиссером Данелия, я все тянула из нее откровения

на эту тему. Но она обошлась общими словами: влюбленность, измена — как букет цветов. Сначала красивый и хорошо пахнет, а когда завянет — некрасивый и пахнет противно. Но потом, когда я пришла визировать интервью, и мы пили чай на кухне, она вдруг вспомнила свою большую любовь к Данелии и разоткровенничалась. Рассказала, как отдыхала с ним в Сочи в санатории «Актер». Однажды Данелия перебрал алкоголя, и его вырвало прямо на парадную лестницу центрального корпуса. И она ночью мыла эту лестницу в наклон тряпкой, чтобы утром ее любимый — великий режиссер! — не был опозорен.

Почему нас так интересует жизнь других — знаменитых, конечно, людей? Это сложный вопрос, думаю, у каждого, кто им задается, есть свой ответ на это. Любому человеку просто хочется сравнить свою личную жизнь с личной жизнью звезды. И порадоваться — у него еще хуже, чем у меня (в случае скандала, громкого развода или дележки детей), успокоиться — да у него все так, как у меня! Личная жизнь, что бы ни говорил Толстой, все же развивается у всех по одинаковой схеме. Да, счастливые семьи похожи друг на друга, но и несчастливые тоже не отличаются разнообразием сюжетов.

Сайкина

Не верьте словам «Незаменимых нет»! Большой самообман считать, что на место одного выбывшего бойца тут же встанет другой, и будет так же бодро нести оружие и так же героически воевать. В армии, может, оно и так — хотя лично я сомневаюсь, но вот в журналистике или какой-то другой творческой работе один человек никогда не может заменить другого, даже если он будет в тысячу раз талантливее — это все равно будет другой талант и другой разговор. Таня Сайкина больше всех радовалась моему возвращению в издательство и назначению главным редактором. Конечно, работать с Васей, которому нужно было долго объяснять, кто такой артист А., и что сыграл артист Б., ей было и скучно, и трудно. С моим приходом в газету у Татьяны открылось второе дыхание, и она выдавала сенсации за сенсациями, буквально фонтанировала идеями. Это Сайкина первая узнала о том, что Оля Шукшина служит в церкви и отдала туда же своего сына. В отличие от публичной Маши, именно Ольга имела актерское образование и, по мнению режиссеров, работавших с ней, была очень талантлива. Но, то ли ее актерская, то ли личная жизнь не задалась — а то и обе сразу — но она порвала с мирской суетой и ушла в храм. Ее мать Лидия Николаевна поступок дочери не осудила, наоборот, приняла — и сама зачастила в церковь, стала ей помогать. Потом эта тема прозвучала в телепередаче Малахова и была растиражирована другими СМИ. Кстати, Малахов, вернее, редакторы его передачи, с удовольствием пользовались нашими темами. Но если они хотя бы искали какой-то свой поворот, то другие — особенно «максималисты» на НТВ, даже не брезговали зачитывать наши тексты, как они есть. Наложат какую-нибудь бегущую картинку, зачитают сайкинскую статью — и вот, пожалуйста, готов очередной сюжет скандальной передачи с обязательным враньем «Только у нас!»

Даже такой мэтр, как автор и ведущий популярной телепередачи «Мой серебряный век» Виталий Яковлевич Вульф, был однажды уличен мною в плагиате.

Мы с Сайкиной долго охотились за замечательной актрисой Ниной Дорошиной. Она всю жизнь служит в «Современнике», но зритель ее любит за роль Нади в фильме «Любовь и голуби» — безусловном шедевре режиссера Владимира Меньшова. Так вот, мы знали, что актриса в молодости недолго состояла в законном браке с Олегом Далем — это уже достаточный повод для интервью. Но мы с Сайкиной знали и другой факт: выдающийся

режиссер и актер советской эпохи Олег Николаевич Ефремов, большой любитель и любимец женщин, перед самой смертью звал только одну из них — Нину Дорошину. Об этом рассказала дочь Ефремова, с которой Сайкина дружила давно и довольно крепко: ради Насти Ефремовой Сайкина нарушала свой личный антиалкогольный закон и выпивала, причем иногда тоже довольно крепко.

Что за манкость, есть в этой актрисе с довольно простодушной внешностью и далеко не безупречной фигурой? Или талант делает таких женщин соблазнительными даже в преклонном возрасте? Я видела спектакль «Зайцы. Love story» по искрометной пьесе моего земляка Коли Коляды — Дорошина блистала там так, что напрочь затмевала своего не менее талантливого партнера Валентина Гафта.

В общем, мы очень долго нарезали всякие дипломатические круги вокруг нее, я даже обращалась к Галине Борисовне Волчек за помощью, но Дорошина была непреклонной, потом долго болела — после смерти Ефремова прошло еще совсем мало времени. Но надо знать Сайкину — она уже превратилась в танк. И уговорила Настю Ефремову пригласить актрису в гости к себе на дачу в Валентиновку — знаменитый дом своего отца. Дорошина согласилась, Сайкина «случайно» оказалась в доме, дальше последовало грубое нарушение антиалкогольного закона, а у нас в руках уникальная исповедь любимой актрисы. Причем, надо отдать должное Насте: ей удалось и на следующий день, когда многое предстает в другом свете, убедить Дорошину не отказываться от своих вчерашних слов и согласиться на публикацию. Дорошина не без колебаний согласилась, правда, при условии, что все слова будут сказаны от третьего лица — то есть от лица автора.

Это была удача! История брака с Далем прозвучала у нас впервые. Театр «Современник» был на гастролях где-то в курортном городе на море, немножко выпившая молодая актриса Нина Дорошина пошла вечером плавать. А в это время на пляже отдыхала компания друзей, в которой находился Олег Даль. На юге темнеет быстро, Нина заплыла далеко, испугалась и закричала. Друзья бросились на помощь, дав перед этим слово: кто спасает девушку тот на ней женится. Олег вытащил Нину на песок, узнал ее и был потрясен мистическим совпадением, ведь он давно был влюблен в нее. Помог ей добраться до номера в гостинице — да и остался на всю ночь. А утром, как честный человек, предложил ей поход в ЗАГС. Нина в тот момент переживала очередную ссору с другим Олегом — Ефремовым, своей самой большой любовью. Назло ему она вышла замуж за

Даля и даже прожила с ним несколько лет. Но Ефремов, несмотря на свои многочисленные браки, всегда возвращался к Нине. Она рассталась с Далем, но с и Ефремовым жизнь не сложилась. Она вышла замуж за другого человека. А Ефремов перед смертью признался дочери, что больше всех женщин он любил ее, Нину…

В общем, сайкинскую статью потом много цитировали другие издания, а уважаемый мною Виталий Яковлевич Вульф в передаче, посвященной Дорошиной, рассказал историю про море с точностью до запятой…

Хлеб у Сайкиной был несладкий — мало того, что следовало найти незамыленный, свежий факт. Самое трудное — уговорить героя рассказать об этом. У Сайкиной были свои информаторы, и она их тщательно скрывала. Я подозреваю, что среди них числились старые работники киностудии Мосфильм, пенсионеры-гримеры и костюмеры, всякие второстепенные работники невидимого кинематографического фронта. Особенно ей помогал один помощник режиссера, ныне глубокий пенсионер и пьяница, для которого она все время клянчила у меня деньги — иначе он не соглашался делиться ценной информацией. Я выдавала ей небольшие суммы из гонораров — тысячу или две рублей — и мы получали новые киношные сплетни. Чтобы их проверить, Сайкина прикидывалась по телефону корреспондентом газеты «Труд» или на крайний случай — «Российской газеты», где она когда-то работала, и топала брать интервью. (О том, чтобы назваться корреспондентом «Вич-инфо», и речи быть не могло — на другом конце провода сразу же вешали трубку!) За этот обман ее могли в лучшем случае побить, а то и вовсе убить, но она как-то умело выкручивалась изо всех конфликтов, не создавая при этом проблем для редакции и для меня. При этом внешность Сайкиной, конечно, всех ее интервьюированных сбивала с толку: приходит к вам тетенька весьма средних лет, да еще в накинутом на плечи платке — теплом или легком в зависимости от времени года, простоволосая, с ясным проникновенным взглядом очень честных глаз — ну кто же заподозрит в ней акулу желтого пера?

За свои «гвозди» Татьяна, конечно, получала хороший гонорар — некоторые ее статьи стоили больше тысячи долларов. Я сознательно платила такие деньги, понимая, что держат Сайкину на этой небезопасной работе только они. Ее дочери выросли, обе поступили в институт, и их надо было не только кормить, но и прилично одевать. Девочки учились в престижных и дорогих вузах, поэтому Сайкина надрывалась, как могла. Потом вдруг оказалось, что перед своей страшной смертью ее муж Слава вложил деньги в квартиру проектируемого дома. И настала пора

эту квартиру получать. Довольная Сайкина взяла кредит и принялась за ремонт. Пока она им занималась, можно было спать спокойно — газете не грозило остаться без «гвоздей». Каким-то немыслимым образом она устроила старшую дочь на стажировку в Англию, та уехала и уже больше не вернулась — очень удачно вышла замуж. Закончив ремонт, Татьяна с младшей дочерью перебралась в новую квартиру, а старую двушку в центре сдала. Жизнь ее изменилась, уже не надо было надрываться и бегать по интервью. Я с ужасом ждала, что она вот-вот напишет заявление об уходе. И это произошло. После очередной поездки к дочери в Лондон она объявила, что нашла другую — более спокойную — работу и мечтает только о том, чтобы помахать нам всем ручкой. Ушла она, кстати, в газету для пенсионеров, которую выпускает областная администрация — вот уж правда, нашла себе работу поспокойнее!

Вот и пришлось мне на собственной шкуре испытать, что такое, когда «незаменимых нет». Они есть, они всегда будут! Сайкина при своем довольно непростом, часто капризном и непредсказуемом характере оказалась из этого числа. Она помахала нам ручкой, и вот мы сидим с замами в моем кабинете и ломаем голову, что теперь делать, кто будет поставлять нам «гвозди», кто будет продолжать рубрику «Семейные хроники», кто сумеет влезать в души артистам и вытряхивать эти души наизнанку, при этом избегая крупных скандалов и судебных процессов. И все четверо соглашаемся: нет больше такого журналиста. Нет.

Один только Гоблин беспечно махнул рукой:

— Да ладно вам париться! Подумаешь, «Семейные хроники»! Обойдемся и без них. Юрик вон уже набил руку и приносит в каждый номер какие скандалы!

Юрик продолжал успешно учиться во ВГИКе и, действительно, таскал замечательные новости из мира кинематографистов. Он не пропускал ни одного кинофестиваля — как-то умудрялся ездить туда за счет оргкомитета, а уж на таких мероприятиях обязательно кто-нибудь напьется или набьет кому-то морду, кто-то с кем-то приедет, под ручку пройдется, кто-то на кого-то посмотрит — ну а нам больше ничего и не надо. Артисты как-то хотели закрыть доступ журналистам на фестивали — ничего у них не получилось. Все-таки это две взаимозависимые друг от друга профессии, что уж тут. Надо терпеть.

Ведь та, другая, сторона тоже часто ведет себя, прямо скажем, по-свински. Я думаю, пишущие о кино и его героях журналисты могли бы много претензий предъявить артистам. Один будет

кормить «завтраками» в надежде, что от него отстанут. Другой назначит встречу и не придет, а ты будешь, как дурак, ждать на входе в театр — это в лучшем случае, а то и на улице под дождем и снегом.

Маша Мериль

Я очень хотела сделать интервью с французской актрисой Машей Мериль. Ее у нас знают лишь тонкие ценители кино — Маша снималась мало, она в основном артистка театральная. Но известной ее сделал Андрон Кончаловский, который в своей откровенной книге написал о бурном романе с прелестной француженкой.

Сейчас мало кто читает книги, а первое издание «Низких истин» вышло уже много лет назад (последующие редакции автор откорректировал), я позволю себе привести с легкими сокращениями главу «Княжна Гагарина», посвященную Мериль, — тогда будет понятно, почему я так упорно домогалась встречи с самой актрисой.

> «Летом 1967 года, когда уже положили на полку „Асю Клячину“ и „Андрея Рублева“, происходил очередной международный кинофестиваль в Москве.
>
> Приехала большая французская делегация, и в составе ее — молодая девушка, скуластая, с вздернутым носом, с раскосыми татарскими, совершенно голубыми глазами, с темно-русыми волосами, с чудным овалом лица — казалось, что я уже давно ее знаю. Звали ее Маша Мериль. Когда я увидел ее, у меня внутри все остановилось. Остановилось, потому что я был женат, у меня родился ребенок, очень дорогое мне существо. Наташа была с ним на даче…
>
> …Бывают такие отношения с женщиной, когда уже не владеешь собой от невыносимости чувства. Боишься не только прикоснуться — боишься находиться рядом. Когда я узнал, что она — русская дворянка, княжна Гагарина, мое падение в бездну еще более ускорилось. Было ощущение абсолютной обреченности…»
>
> Через некоторое время они встретились в Праге.
>
> «В это время в Прагу отправлялась кинематографическая делегация.
>
> Маша приехала в тот день, когда делегация уезжала. Я попросил Иоселиани сказать ей, что жду ее в машине, — боялся. Такое было время. Все боялись всего. Всюду мерещились агенты КГБ, агенты чешских служб.
>
> Маша была такая же прекрасная, загоревшая, обветренная, солнечная… Меня опять трясло, я ничего не соображал. Я чувствовал, что она так далека от меня!

Мы так не подходим друг другу! Что я делаю здесь? От этих мыслей тянуло пить…

Многое она говорила по-французски. Я не все понимал, но кивал головой. Мне было грустно. Я чувствовал рядом с ней свою несостоятельность. Мне она казалась настолько недостижимой!

Мы гуляли по Праге. Я купил шесть открыток с репродукциями Ван Гога, дал ей. Сказал:

— Каждый месяц 5-го числа (это было 5 сентября) посылай мне, пожалуйста, одну открытку… Если открытки придут, я буду знать, что ты все еще меня любишь, и я скажу жене о наших отношениях.

Мы разъехались. Первая открытка была как гром среди ясного неба. После нее я уже жил только тем, что ждал следующую.

Вторая открытка. Третья, четвертая…

После четвертой открытки я не выдержал. Наташа возвращалась от родителей из Казахстана, везла с собой моего дорого мальчика. Я встретил ее, мы ехали на машине. На коленях у нее сидел маленький Егор. Я сказал, что люблю другую.

— Лучше бы ты сказал, что у меня умерла мама…

Чувствовал себя ужасно. Но иначе поступить уже не мог.

Через месяц пришла пятая открытка. В ней было написано:

„Дорогой Андрон! У меня все хорошо. Я выхожу замуж. Он итальянский продюсер, чудный человек, очень интересный… Уверена, что он тебе понравиться…“

…Года два спустя, уже женившись на Вивиан, я уехал в Рим, думая только об одном — о том, что встречусь с Машей… Мы с ней стали друзьями.

Прошло еще несколько лет.

…Появилась „Чайка“, где она играла Аркадину. Отношения у нас неизменно оставались чудными, но всегда оставалась тень недоговоренности. Что-то между нами случилось. Что-то драматическое. Что?

…Вспышка раздражения была неожиданной и острой, Маша была зла и резка. Когда мы уходили, я остановил ее на лестнице. Сказал:

— Маша, надо быть добрее. Надо уметь прощать.

Она посмотрела на меня, словно ее ударило током или ошпарило кипятком. Вся побледнела.

— Прощать? И это ты мне говоришь? Какое право ты

имеешь говорить мне это?

И побежала вниз. Я ничего не понял. В первый раз за двадцатилетней давности отношения.

Мы дождались конца репетиции, я пришел к ней в уборную.

— Маша, объясни мне, в чем дело?

— Разве ты не знаешь, что между нами произошло?

— Я точно знаю, что между нами произошло. Ты меня бросила.

— Я тебя бросила? Ты меня бросил, дорогой мой.

У меня все перевернулось внутри.

— Я получил от тебя открытку. Ты вышла замуж за другого. Я развелся из-за тебя с женой. Я ждал твои открытки как манны небесной! У меня все в жизни из-за тебя перемешалось.

— Я же все сказала тебе в Праге.

— Что ты мне сказала?

— Что я беременна… Полтора месяца уже как беременна. От тебя.

У меня все поплыло перед глазами…

— Не может быть!

— Я тебе это сказала. Ты никак не отреагировал. Я ждала от тебя хоть какого-то знака. Думала, ты хочешь ребенка. Что мы его сохраним. Ты ничего не ответил. Ничего не сказал. Просто напился. И никак не отреагировал в течение двух месяцев. Я ждала очень долго. В конце концов, я поняла, что ребенок тебе не нужен. Вот так. Я тебя хотела забыть. Я вышла замуж.

Стефан Цвейг! Все двадцать лет наших отношений, моих представлений об этих отношениях полетели в тартарары. Никакие розы, которые я эти годы слал ей домой и в ее уборную, не могли ни объяснить, ни извинить этого драматического непонимания».

Меня эта история взбудоражила, зацепила, не давала спать по ночам — до смерти хотелось услышать Машину версию этой, действительно, драматической истории. Через французских друзей я нашла телефон пресс-секретаря Маши Мериль. Он долго морочил мне голову — а я на каждый телефонный разговор с ним звала подругу, говорящую по-французски, — то назначал, то отменял дату встречи, и, наконец, сказал, что Мериль согласилась — надо ехать.

Я с огромным трудом выбила командировку в Париж — пришлось принести Уткину даже книгу Кончаловского с

закладкой на нужных страницах. Он читать, конечно, не стал, но сама книга произвела впечатление. Уткин посовещался с Америкой, и мне выдали деньги на поездку.

Я прилетела в этот очаровательный город в обнимку с книжкой Бориса Носика (кто не знает, это лучший автор путеводителя по Парижу, только и путеводителем в полном смысле слова его нельзя назвать — это книга-путешествие!). В назначенный день в ее офисе на Елисейских полях мне сообщили, что Маша Мериль срочно улетела в Америку. Каждый день я звонила ее пресс-секретарю и мучительно долго объяснялась с ним — и он, и я говорили по-английски плохо. При этом я психовала и нервничала, потому что понимала, что моя командировка летит к чертовой матери. Но меня спас все тот же Носик — в его книге я вычитала, что художник Модильяни и поэт Анна Ахматова имели в Париже ослепительный роман — и я решила пройтись по местам этого романа. Кафе «Ротонда», бульвар Сен-Жермен, кафешка в районе Дома инвалидов — мне казалась, что я не просто шла по следам знаменитых любовников, а подглядывала за ними. В результате заметку в газету я все-таки привезла, командировку «закрыла», но в душе был полный раздрай и неудовлетворенность. Маша Мериль оказалась неуловима! А ведь из-за любви к ней Кончаловский бросил жену Наталью Аринбасарову и маленького сына Егорку. Правда, много позже Аринбасарова в интервью отрицала, что когда-либо произносила фразу «Лучше бы умерла моя мама», что никогда она ничего подобного не говорила и произнести такое про свою мать никогда не могла.

Как бы там ни было, но Господь все-таки всем раздает по заслугам. Через несколько месяцев Маша Мериль сама позвонила через своего идиота пресс-секретаря. Она выпустила в Париже книгу прямо-таки с вичевским названием «Биография одной вагины», и ей нужна была раскрутка в России. Она готова ответить на все вопросы. Второй раз в Париж командировку никто бы не дал, но тут подсуетился Татарин и нашел во французской столице своего человека. И этот человек сделал нам фантастическое интервью — и про Андрона, и про русских мужиков, и про мужиков вообще, которые носятся со своими пенисами, как бабы с торбами… Это для Андрона Маша была незабываемой романтической любовью. Для Маши Мериль наш звездный режиссер — не более чем забавный эпизод в длинной веренице ее романов и мужей, и она никак не могла взять в толк, почему журналист так настойчиво спрашивает ее про любовное приключение тридцатилетней давности…

Фатально непонимание между мужчиной и женщиной. Вот

как описывает в своем романе Маша ту же встречу с Андроном Кончаловским.

Итак, Москва, международный кинофестиваль, 1967 год.

«…Молодые русские коллеги быстро нас вычислили. Среди них Отар Иоселиани, Тарковский и два брата, „бедовые дети“ ВГИКа, Андрей Кончаловский и Никита Михалков. Один был режиссером, другой — актером. Тем более что их отец состоял в ЦК, и братья пользовались особым положением…

…Я была очарована не только фильмом („История Аси Клячиной…“), но самим Андроном — типом мужчины, столь отличным от европейских самцов, от моих французских приятелей.

…Андрон естественно брал меня за руку и мужественно увлекал за собой. Мы купили в „Березке“ бутылку водки и по кругу выпили ее из горлышка, распевая песни и провозглашая тосты за дружбу, за женщин и за искусство. Слезы эмоций появлялись иногда в углах его глаз, которым бы доверилась без оговорок.

Вдруг на площади у Большого театра он взял на руки, поднял над собой, как трофей чемпионата мира.

— Я счастлив, — говорил он. — Я люблю тебя.

Вид у него был искренний и потрясенный. Он начал меня кружить, кружить. Он целовал мои руки, мои глаза, мои волосы. У меня самой уже кружилась голова. Алкоголь и любовь врывались в мою плоть как июльский ветер, пахнущий степью и тундрой. Я превратилась в вариацию страсти. Я, быть может, нашла объяснение своего отличия от других. Я была Русской, и только русский был способен разбудить мою истинную сущность…

…Последовала неистовая идиллия. Мы больше не расставались ни на миг, мы занимались любовью, когда другие просматривали фильмы. Мы исчезали через запасной выход, как только в зале гас свет. Мы убегали босиком, чтобы шагов не было слышно. Восемь суток я спала не более получаса в день. Мои лодыжки утроились в объеме, моя печень готова была разорваться из-за водки… Столько алкоголя я не поглотила за всю свою жизнь. Но мы были молоды и способны выдерживать все это…

Но не моя вагина.

Андрон обладал энергией, граничащей с насилием.

Он скакал по узкой кушетке моего номера, краснел и сотрясал меня. Его пенис, размером поболее, чем средний, буквально перепахивал меня. Он делал мне больно. И чем более мой партнер неистовствовал, тем более цепенела моя вагина. Она не любит чрезмерности. Не стоило доводить ее до предела и терять сознание в изнеможении, в объятиях любовника, который скорее противник тебе, чем союзник.

Мой прекрасный Татар любил, как будто сражался. С риском для моей жизни. Я не смела просить о пощаде. „Любовь, — думала я, может, вот именно вот это. До сих пор все было розовой водичкой. Теперь, наконец, я подошла ко взрослым дозам“.

…Сегодня я думаю: этот мальчик, без сомнения крепкий и яростный, подсознательно мстил мне за все то, чего у него не было в его стране. Он наказывал меня за мою свободу, за мое настроение, за мои солнечные очки Ray Ban, за мой паспорт, с которым я беспрепятственно уеду, тогда, как он останется в Москве, замурованный, заключенный. Его ярость невозможно объяснить иначе, поскольку он был искренне влюблен…»

И дальше уже в интервью корреспонденту она продолжает:

«— Андрон — человек великолепный, я его очень люблю, он снял замечательное кино, но он проходимец, шарлатан! Я бежала от него. Это человек, с которым невозможно создать что бы то ни было! Он сам говорит: „Если я люблю одну женщину, это совсем не значит, что я не могу влюбиться в другую женщину“. Это татар! Это монгол!

Надо перенестись в ту эпоху. Россия Брежнева… Андрон задыхался. Даже привилегированным людям, как Михалковы-Кончаловские, приходилось несладко. Я думаю, Андрон мечтал жениться на иностранке, чтобы получить заграничный паспорт. Что он и сделал впоследствии со своей следующей женой, француженкой. Во всем этом читалось что-то не очень чистое…

Хотя, конечно, было немало и того, что нас объединяло. Мы оба только начинали свою карьеру. Я была молодая актриса, я снималась у лучших французских режиссеров. К тому же он — красивый, великолепный…

Но это тот тип мужчины, с которым женщина не может жить. Он разрушил жизни всех женщин, которых

знал! Он не интересуется женщинами! Ему абсолютно наплевать! Он любит только себя. И детей наплодил повсюду! У него теперь еще и новые дети, с новой женой!

Я уже тогда увидела, что это человек, который думает только о своей выгоде, только о себе самом. Он берет и уничтожает людей без малейших угрызений. Он их потребляет. Он заставил страдать всех женщин, которых знал. Все они были счастливы, безумно счастливы в определенный момент. Но если бы они были умней, они бы понимали, что надо брать этот момент и не ждать ничего большего. Это то, что я о нем думаю. И это правда, что со мной, быть может, у него осталось ощущение такое: было что-то, что не состоялось. Мы всегда сожалеем о том, что не удалось.

С французом я могу спать спокойно, я его понимаю, я знаю, что он хочет в жизни, я могу рассчитывать на него. И если он меня бросит, то предупредит, что бросает. Тогда как русский даже забудет мне об этом сказать.

— Вы были беременны от Андрона?

— Да, но он не знал об этом, я ему тогда ничего не сказала. И я думаю, что это из-за истории с Андроном у меня потом не было детей. В то время я была настолько наивна и молода, что сделала аборт слишком поздно. На сроке более трех месяцев. Но Андрон ничего не знал про беременность. Я ему сказала много-много лет спустя. И жалею, что сказала. Никто не виноват. Судьба!

Не то важно, что именно от него я делала аборт. История Андрона для меня — это история открытия России. Русские мужчины невозможны для жизни, но очень соблазнительны. Андрон — один из самых соблазнительных мужчин, что я встречала в своей жизни. Именно это важно — открытие самца в России».

Прекрасное интервью! И все равно: при прочтении его меня не покидала мысль, что я могла бы сделать это лучше…

Но Маша Мериль полностью отработала мою командировку в Париж.

Из жизни олигархов

Среди положенных главному редактору привилегий (секретарша, машина с двумя водителями, поликлиника и проч.) была одна, чрезвычайно мною любимая — бесплатный годовой абонемент в элитарный спортивный клуб. Прелесть среди прочего заключалось в том, что клуб находился напротив моего дома, и перед рабочим днем я могла побегать по дорожке, поплавать в бассейне или, на худой конец, попариться в бане. Первое время я активно ходила на степ-аэробику — как и все женщины на свете я озабочена своим излишним весом. Но групповые занятия слишком привязывают ко времени, а это не всегда удобно. На них я давно не хожу, но вспоминаю их с благодарностью хотя бы за то, что там познакомилась и подружилась с Викой.

Вообще-то у меня подруг очень мало. И все они — из детства-молодости, когда легко заводились знакомые и приобретались друзья. Про Жози я уже упоминала, были еще две стародавние приятельницы, знакомство с которыми исчисляется десятилетиями. А вот Вику я приобрела уже в зрелом возрасте, что удивительно — всегда считала, что после 30 лет друзей завести в принципе невозможно.

Тем более что Вика — жена богатого человека, которого я сразу обозвала Олигархом, хотя, конечно, на олигарха он никак не тянул. Вика наивно уверяла меня, что баснословное богатство приносит мужу маленький цех по производству сладких рулетиков. Правда, цех этот находится на территории и в составе завода Северсталь. По этому поводу ее олигарх постоянно мотался в Череповец, дома почти не бывал. Вика же нигде давно не работала, занималась большим домом и воспитанием уже вполне взрослого шестнадцатилетнего отрока. Причем много денег Олигарх жене не давал, Вика вечно выкраивала на косметику и шпильки какие-то копейки из семейного бюджета. А муж все время жаловался, что денег нет, что все вкладывается в бизнес. Как говорит мой друг Стас Садальский, «пел песню еврейского народа с рефреном „денег нет, денег нет, денег нет“».

Наивная Вика свято верила, что денег, действительно, нет. Хотя я — опыт работы в «Вич-инфо» не пропал даром — объясняла ей, наивной, что в Череповец он ездит не только проверять свои рулетики. Судя по тому, как подолгу и как часто он отсутствовал, у него там давно завелась еще одна семья. Тем более Вика жаловалась, что муж с ней давно не спит, и никакие ее уловки в виде кружевных чулок и умопомрачительного белья не действуют. Муж ссылался на усталость, на занятость и пр. —

типичные отмазки супруга-изменника. Но если Вика заводила разговор о разводе, Олигарх делал большие глаза и начинал уверять жену в своей огромной к ней любви. В общем, мы иногда обсуждали паскудное поведение Олигарха, сидя за чашечкой кофе в спортклубовском кафе, но эти разговоры мы вели нечасто — нам и без того было о чем поговорить.

Вика была в курсе редакционных дел. Она всегда живо интересовалась жизнью газеты, потому что собственно своей жизни у нее не было. И я, конечно, рассказала ей о дневниках, которые доблестный информатор Юрик невесть откуда притащил в редакцию. Такие материалы приходят обычно через знакомых или даже знакомых знакомых — через десятые руки.

Жила-была семья — муж да жена. Очень счастливая семья, крепко любили друг друга, несмотря на отсутствие детей. Он был богат, построил на Пироговке особняк со всеми вытекающими — баней, гаражами, фонтанами, яхтами и байками. Вот этот байк его и сгубил — поехал прокатиться по водной глади, видно, не очень трезвый — и утонул вместе со своим мотоциклом. Жена, похоронив его с почестями, принялась за перестройку дома. А когда залезла в книжный шкаф, — обнаружила дневники утонувшего мужа. Написанные от руки! В наш-то век компьютеров и высоких технологий!

Старательным почерком, шариковой ручкой муж описывал свои сексуальные похождения — и с точностью педанта заносил все в дневник. Где и какую проститутку снял, сколько раз имел с ней сексуальный контакт, сколько денег заплатил. Почему-то особенно он любил снимать грязных дешевых девчонок-малолеток на Казанском вокзале — от подробностей, чем он с ними занимался, рвотные движения испытывали даже видавшие виды корреспонденты «Вич-инфо». Жена практически сошла с ума от всего этого: выкопала труп мужа из дорогой могилы на престижном кладбище и выкинула его на городскую помойку. Наняла каких-то таджиков с «газелью», заплатила им столько, сколько они за всю жизнь не видели, и провернула эту печальную церемонию. А чтобы еще больше утешиться, через каких-то знакомых вышла на нашего Юрика и передала дневники и фотографии. Да, там были еще те картинки — даже не каждый порносайт смог бы их разместить.

Юрик приволок все это добро ко мне в кабинет, после фотографий я брезгливо сбегала помыть руки, и мы задумались — что же с этим добром делать? Печатать — однозначно, но как? Называть ли фамилию? Адрес? Печатать ли фотографии — с закрытыми срамными местами, но все же реальные доказательство того, что не журналистами эта история

придумана.

— И на хрена он все это описывал? — недоумевал Юрик, предвкушая успех своего «гвоздя». — Ну, открыл бы папочку в компьютере, складывал бы все туда тихонечко — и все шито-крыто!

— Он, скорее всего компьютером не очень умел пользоваться, — предположила я. — И потом сам процесс фотографирования — это своеобразный дополнительный сексуальный стимул, мы же писали об этом.

Эльсотоль, толкавшийся тут же, пробормотал:

— Может, у жены на почве потрясения башку снесло?

Так у нас было заведено — если ко мне на стол попадал интересный материал, вся редакция могла его почитать и высказать свое мнение. Если не редакция — то мои замы и редакторы отделов однозначно. Бывали, правда, такие случаи, когда Сайкина притаскивала какую-нибудь сенсацию и просила — нет, требовала никому не показывать и даже не рассказывать — боялась утечки информации. А такое, утверждала она, случалось в старой редакции «В-И» — если в редакции кто-то узнавал, что Сайкина села на хвост эксклюзивной информации, а вскоре эта информация печаталась в какой-нибудь конкурентной газете — все, никто не мог убедить ее, что бывают совпадения, что идеи носятся в воздухе и т. д. — Сайкина была уверена, что ее буквально обворовали.

Но это был другой случай. Прелесть этого материала в том, что он — в реальных дневниках и фотках, а их у нас украсть никто не может. И потом случай выглядел таким вопиющим, что в него просто не верилось, и поэтому сотрудники приходили ко мне в кабинет удостовериться в реальности произошедшего.

Я подробно обсуждала пироговскую историю с Викой, чтобы дать ей понять — в ее жизни могло произойти или происходит то же самое. Вика верила и не верила — в глазах ее поселилось сомнение. Мы даже на полном серьезе обсуждали, как нанять тайного детектива, который бы неотступно следил за Олигархом (а потом, мечтала я, описать бы все это в газете!), но расценки в частных детективных бюро оказались Вике не по карману — я ж говорю, муж совсем не баловал ее ни деньгами, ни какими другими удовольствиями.

А через год моей подруге и вовсе стало не до тайной жизни мужа — у нее обнаружили рак груди, и в течение долгого года она почти не вылезала из больниц. Навещая ее в разных клиниках, я столько узнала об этой заразе — раке молочной железы, что захотела немедленно открыть в газете какую-нибудь «горячую» линию. Но Главный Художник — наш главный цензор и

из всех серых самый серый кардинал — выслушав восторженные планы, охладил мой пыл: наша газета развлекательная, и нечего грузить читателя всякой мрачностью.

К Главному Художнику приходилось прислушиваться: он столько лет — с самого основания газеты! — уцелел на своем посту неспроста. За все эти годы он, конечно, не научился ни писать, ни рисовать, но школу лицемерия прошел выдающуюся. Поэтому я довольно часто остужала свои восторженные эмоции о льдины его непробиваемого спокойствия и опыта.

Вика с трудом, но все, выкарабкалась из своей страшной болезни. Но через год на нее обрушилась другая беда. Ее Олигарх, отдыхая в Черногории (а жене сказал, что поехал по делам в Италию — закупать новое оборудование для рулетиков!), попал в больницу. Он сам позвонил ей и сказал, что потерял сознание и упал в ванной комнате в номере отеля. А на следующий день его телефон уже не отвечал — бедная Вика не знала, что думать, ведь она даже не знала, в каком он городе! Наконец, через наше посольство кое-как выяснилось его местонахождение. Но Олигарх находился в глубокой коме, а еще через день умер. Вика хотела было лететь в Черногорию, но там уже была мать Олигарха и его компаньон, они уговорили вдову поберечь себя и не прилетать, хотя у нее уже был куплет билет на самолет.

А дальше — все, как в нашей статье про пироговскую семью. Вика начала узнавать такие подробности из жизни своего супруга, от которых за неделю поседела в свои неполные сорок лет.

Оказывается, у милого Олигарха давно была другая женщина. Да не просто женщина — проститутка из череповецкого стриптиз-клуба, куда наш герой любил частенько наведываться. Ему так понравилась стриптизерка, что он скопом купил весь этот стриптиз вместе с клубом. Он вообще отличался широкими сексуальными взглядами — одинаково любил проводить интимное время и с мужчинами, и с женщинами, а еще лучше — с теми и другими одновременно. И юная стриптизерка понравилась ему тем, что с удовольствием разделила с ним эти странные сексуальные забавы, — потом моя бедная Вика найдет в мобильном телефоне массу фотографий мощного группового секса с участием Олигарха и его пассии.

Кстати, его тело привезли почему-то в закрытом гробу и не позволили ни жене, ни сыну взглянуть на него — я тут же высказала предположение, что любителя сексуальных игрищ попросту убили, потому и выбрали такую мутную с точки зрения закона страну, как Черногория.

Вот о чем нам бы написать! Но, увы, еще и полгода не

прошло, как появился в газете Юркин замечательный материал с дневниками. Больше того, передавшая их вдовушка положила на нашего главного информатора серьезный глаз и одолевала его звонками, приглашая к себе на Пироговку. Хитрый Юрка нашел выход из положения: он поехал в гости к вдовушке не один, а с целой группой товарищей — выполнять задание Эльсотоля. В светлую голову моего зама пришла идея снять фоторепортаж про настоящих русалок, которые развлекают новых русских. Художники нарезали из картона хвосты, стилисты накрасили моделек зелеными красками, фотографы вооружились вспышками, Юрка все это дело возглавил и повез эту полоумную команду к вдовушке на Пироговку.

Эти фотоочерки про русалок, чертей и всякие непотребства я ненавидела всей душой. Но это случай, когда против меня — вернее моего мнения, выступали все мои замы плюс главный художник. Они уверяли, что яркое пятно в газете обязательно нужно, что голые тела в таком издании, как наше, обязательно должны присутствовать. Я сопротивлялась-сопротивлялась, но потом сдавалась под их дружным мужским натиском. Увидев в газете эти так называемые голые тела, я снова приходила в неописуемый ужас, запрещала надуманные сюжеты и не разрешала вступать со мной в дискуссию. Но через месяц в кабинет прокрадывался на мягких лапках Эльсотоль — и все начиналось сначала.

Эти постановочные фоторепортажи были придуманы еще в старом «Виче». Потом — только уже в телевизионном формате — начали широко тиражироваться по ТВ. Они и сейчас процветают, к величайшему моему сожалению. Принято считать, что у нас народ — «быдло», и все «схавает». Только я с этой точкой зрения категорически несогласна.

Про Секридову и Жареные Гвозди

Я не знаю, что такое — красивый мужчина. По мне, красивый тот, кого я люблю в данный момент. И все — красивей не бывает. Но иногда, на экране кинотеатра или телевизора всплывает какой-нибудь Ален Делон — и я могу полюбоваться им как произведением искусства, как Моной Лизой в Лувре, как ботичеллиевой «Весной» в Уфицци.

Вот Жариковым в «Ивановом детстве» я так и любовалась. Конечно, гениальный Тарковский неспроста взял для своего сугубо строгого военного трагического фильма двух невероятно красивых артистов — Жарикова и Малявину. Их буквально неземная красота должна была подчеркнуть ужас и нелепость войны, ее трагизм, безысходность и мрак.

Наташа Гвоздикова Жарикова в кино не видела, зато ее сестра Люда была очарована юным артистом еще по роли Леля в кинофильме «Снегурочка». Она пропела все уши сестре про небесную красоту нового кинокумира, но Наташа слушала ее снисходительно — она сама была хороша до невозможности, и толпы воздыхателей буквально увивались за ней. И вот надо же такому случиться — они встретились на съемках фильма, который сегодня уже никто не помнит, — что-то там про окна и поезда. Причем Наташа опаздывала на пробы, а Женя ее ждал. Но он считался звездой, а она так, выпускничка неопытная, и он злился, что приходится какую-то фитюльку ждать, а она злилась, что опаздывает…

Эту историю они сто раз рассказывали в интервью — и газетам, и журналам, и ТВ. Оба, кстати, были к тому времени несвободны, ну еще бы, красота такая не залежится! — и оба прошли через непростой развод. А дальше грянула «Рожденная революцией» — один из первых советских очень удачных сериалов-детективов, и их популярность сравнялась. К красоте прибавилась слава, а склонные к шаблонам журналисты назвали их самой Красивой Парой советского кино. Отчасти это было правдой — несущие этот титул Алла Ларионова и Николай Рыбников к тому времени сильно постарели, а остальные — такие, как Абдулов и Алферова, — красивые пары не выдерживали долгих браков.

Надо признать, им не очень повезло с кино — ролей было мало, звездных или заметных не было вообще. Особенно у Наташи — не любят у нас красивых актрис! Та же божественная Ларионова не так уж много сыграла, хотя и приписывали ей романы чуть ли не с самим Брежневым, Элина Быстрицкая — три

роли в кино при ее-то феноменальной внешности! А Ирина Алферова! Она и сейчас по опросам обгоняет всех молодых в номинации. Самая Красивая, а тридцать лет назад поистине русская, невероятная красота просто сражала с ног. Но только не режиссеров: Захаров продержал ее в мимансе пятнадцать лет!

Но Наташа, кстати, не унывала. Для нее центром вселенной была семья — Женя и сын Федька. Она благоустраивала дом, создавала условия своим мужичкам для учебы и работы, а уж когда у них появилась квартира на Юго-Западе (Жариков много снимался в Германии и заработал на кооператив), она вообще свила гнездышко — образец уюта и комфорта.

Я попала к ним на интервью и почему-то задружилась. Жариков пригласил меня на фестиваль «Созвездие», он к тому времени уже возглавлял Гильдию актеров советского кино, фестивальная жизнь всех делает родными и близкими — общая гостиница, поездки, встречи, пьянки по вечерам… Я бывала у них дома, на днях рождениях Жени, которые всегда пышно отмечались в Доме актера. Я таскала их на редакционных встречи. Даже если мы не виделись, то постоянно перезванивались и были, что называется, в курсе жизни друг друга. Так я считала…

А потом случился скандал. Для моих Жареных Гвоздей (???????) — катастрофа, свергнувшая их с постамента самой счастливой пары отечественного кино. Некая журналистка Секридова (вот еще одно доказательство продажности нашей профессии) на весь мир объявила, что у нее с Жариковым семилетний роман и как свидетельство — двое детей, так сказать, плоды этого романа.

Журналистку Секридову, самое смешное, я тоже знала. Я сама позвонила в газету «Совершенно секретно», где появлялись ее неплохие интервью с известными актерами (помню замечательный материал про Людмилу Чурсину), мне нужны были авторы, я пригласила ее в «Декамерон». Она пришла… Помните лыжницу Галину Сметанину? Вылитая Секридова. Она, кстати, тоже лыжным спортом увлекалась, сама мне об этом рассказывала.

Мы с ней поговорили немного, она обещала пописывать для нас — самоуверенно сказала, что достать любого актера для нее не проблема. Я подивилась, а она ответила, что хорошо знает Жарикова и даже дружит с ним. Меня это немного покоробило, но я и представить не могла, что эта дружба зашла так далеко!

Историю своего романа (рука не поднимается назвать это любовью) она легко продала телепрограмме Малахова то ли за три, то ли за пять тысяч долларов. И за такие же деньги дала

интервью богатому журналу «Караван историй», снабдив все это еще и совместными фотографиями — вот они с Жариковым на отдыхе в Испании, вот они же с детьми где-то в Диснейленде… Абсолютно откровенно она рассказала при этом, что мотивом, побудившим ее вывалить все это на страницы масс-медиа, послужил тот факт, что Жариков перестал давать деньги на детей. Вот семь лет давал, а тут перестал.

Я сама — прожженный журналист циничной желтой прессы. Но, прочитав и прослушав все это, буквально впала в ступор. Мне стало физически больно и душевно очень плохо — как будто это мне, а не Гвоздиковой с Жариковым журналистка Секридова так прилично насрала (СИНОНИМ) в карман.

Зная о дружбе с Гвоздями, добрые коллеги подзуживали меня позвонить Наташе и взять у нее интервью, что называется, по горячим следам. Я позвонила ей недели через две только для того, чтобы промямлить что-то невразумительное в смысле: держись, я с тобой. Наташа отвечала настороженно и сухо или как-то подобострастно бормотала «Спасибо. Спасибо…»

Я хорошо представляла, какие громы и молнии летают в их доме и не хотела лезть. Несчастного Женю показали в передаче Малахова на экране в записи — он еле говорил, нес что-то нечленораздельное — наверное, у него уже начинался инсульт, который вскоре уложил его надолго в больницу.

Он хоть и хорохорился всю жизнь, а сам-то давно и тяжело болел. В молодости на съемках неудачно упал с лошади. Сначала вроде встал и пошел, а потом оказалось — смещение позвонков. Лечить не лечил, потому что если и болело, то терпимо. А с годами стало болеть все сильнее, однажды он просто не смог встать… И начались больницы, операции, реабилитационные центры — и вечная палочка у него в руках, без которой он уже не мог ходить. Я так и запомнила его — он поднимается на сцену очередного фестиваля — в смокинге, седой, с лучезарной улыбкой на лице — и с тростью, которая, впрочем, не скрывала его хромоты.

Выскажу крамольную мысль: не обаяние и талант Жарикова привлекли журналистку Секридову, а именно эта лучезарная улыбка, в которой было все: и успех, и победа, и благосостоятельность, которой, казалось, хватит еще на одну семью.

Я до сих пор не знаю тонкостей, при которых его переизбрали с поста президента Гильдии актеров кино. Он говорит: сам попросился из-за ухудшающегося здоровья. Но с такой хорошей сытой должности по собственному желанию так просто не уходят — это я тоже, к сожалению, знаю. Его бывшие коллеги по

Гильдии намекали, что зарвался, что перестал отчитываться за финансы, то да се — этому можно и верить, и не верить. Власть, даже маленькая, меняет человека часто до неузнаваемости. А уж власть в совокупности с деньгами…

В общем, совершенно больной Жариков банально ушел на пенсию. В кино его перестали снимать — не так уж часто встречаются в сценариях хромые герои. Допускаю, что он и вправду стал мало платить Секридовой по элементарной причине: денег не было. Но та прознала, что Наташа с Женей строят дом — и закусила удила. Но дом тот — далеко от Москвы, в Калужской области. Старый дом в маленькой деревеньке, который Жареные гвозди немного перестроили и утеплили.

Наташа больного Жарикова не выгнала. Наоборот, они вместе как-то удачно поменяли старую квартиру на новую — поближе к центру. Но покой и уют, который всегда можно было встретить в их доме, теперь отсюда ушел. Я совсем недавно побывала у них и поразилась запустению, которое царило в новой и недавно отремонтированной квартире, какое-то РАВНОДУШИЕ в семье, где прежде всегда было весело, тепло и счастливо.

Наташи и сына Феди не было дома. А меня встретил глубокий старик, в котором не сразу можно признать былого красавца и любимца женщин. Он еле ходил: сумки, которые поднял из гаража, так и бросил у лифта, зная, что я приду в гости и помогу их донести. Но главное даже не физическая немощь, а именно абсолютная душевная пустота. Я от изумления и жалости к этому больному человеку даже забыла, зачем пришла. Разобрала сумки, которые он принес из магазина, — сосиски, хлеб, бутылка водки…

— Ты хоть на машине ездил в магазин? — спросила я. Хотя и так было понятно, что пешком он да него бы и не дошел.

— На машине, — равнодушно кивнул Жариков. — Но она записана на Федьку. Она вообще все переписала на сына — и у меня теперь ничего нет. Ничего…

Так это горько прозвучало…

Мне стало жалко их обоих. Но все же Наташу, пожалуй, больше…

Перед катастрофой

Летом накануне кризиса Костылин снова пригорюнился у меня в кабинете. Его мучили личные проблемы, и он жаждал ими поделиться. Он тяжело вздохнул и сообщил, что с Лялькой разъехался по разным квартирам.

— Шо, опять? — ахнула я, как герой мультика про волка и собаку.

— Ну, задолбала, просто задолбала меня упреками! — выкрикнул Костылин.

— А ты что хотел — чтобы они с Женькой стали подружками?

— Это было бы хорошо…

— …Но нереально.

— Ты еще главного не знаешь, — обрадовал меня он.

— Чего еще? — насторожилась я.

— У Женьки будет ребенок, — и добавил для пущей убедительности, — она беременна.

В том, что двадцатисемилетняя очень симпатичная женщина — да еще благодаря костылинским усилиям хорошо обеспеченная — собралась рожать, не было ничего удивительного. Странно только: этот нахальный тип абсолютно уверен, что от него. Дело в том, что после семейного скандала у Костылиных глава семьи поклялся жене, что порвет с любовницей, Лялька на время успокоилась. А Женька обиделась и улетела куда-то в далекие жаркие страны. Говорят, что не одна, а с давним своим поклонником, молодым и горячим, не то что изрядно потрепанный Костылин.

Костылин перешел почти на шепот:

— Я ведь даже в храм ходил. Исповедовался.

Ну почему всех подонков и негодяев всегда тянет в святое место? Чуть что — сразу за свечку хватаются. Как будто от этого они станут лучше!

— И что?.

— Батюшка сказал, что нельзя нести два креста.

— В смысле, нельзя жить с двумя женщинами? — уточнила я.

— Нет, он сказал именно про кресты.

— А это не одно и то же?

Костылин задумался. И мне вдруг стало так жалко Ляльку, пополнившую армию стареющих брошенных жен, что даже глаза зачесались в предчувствии слез. Но что поделать — мужики хотят всегда молодого тела, это закон природы.

Но вслух сказала совсем другое:

— И что же ты — женишься на Женьке?

Костылин пожал плечами:

— До тебя может дойти слух, что это не мой ребенок.

«Ха-ха-ха», — сказала я сама себе.

— Так вот, даже если и так, я от Женьки не откажусь.

Какое благородство! А сам, значит, сомневается в своем отцовстве. Иначе не плел бы тут кружева.

— Давай-давай, — подбодрила я его, — в сорок лет жизнь только начинается.

И добавила:

— Если про личную жизнь у тебя все, расскажи что-нибудь про Хозяина.

Костылин вздохнул:

— А что рассказывать? Скорее всего, закроет «Вим», наверное, даже в ближайшие дни.

— Что случилось? — деланно изумилась я, — наигралась уже Юлечка в дочки-матери?

— Да ладно, не юродствуй. Давно пора было это сделать. Мы на пороге финансовой катастрофы! Один «Вич-инфо» уже не в состоянии прокормить издательский дом. Наверное, к новому году придется сокращаться.

— Ну, у нас есть, что сокращать — все эти логистики, маркетинги, подписки.

— Если начнутся сокращения, то они всех коснутся.

— Что — и редакцию? Эту курицу, несущую золотые яйца?

— Ну, если ты внимательно присмотришься, обязательно найдешь резервы. Обязательно.

— Что-то я не пойму, — у меня внутри слегка похолодело, — ты уже сокращал малые издания — в результате они все закрылись.

Костылин меня как будто не слышал:

— Вот, например, зачем (он сказал грубее) тебе три заместителя? Две недели они занимаются выпуском номера, а потом две недели отдыхают. Это сейчас слишком расточительно. Не те времена.

Так. Не просто он все говорит. Значит, уже обсудил с Хозяином. Скорее всего, Хозяин предложил своему ближайшему сатрапу подумать о путях экономии в издательском доме. И доблестный Костылин придумал, кого и как сокращать. Других бездельников здесь, конечно, нет.

— А нельзя начать с других подразделений? — пыталась я вразумить его.

— За другие подразделения отвечает Уткин, а они с Хозяином — что? Правильно, из одной песочницы. Уткин всегда найдет аргумент, зачем ему нужны логистика или маркетинг,

прости Господи. А вот зачем тебе три зама, ты даже сама себе не можешь объяснить.

— Может, стоит начать с машин и водителей? — жалобно покосилась на него я, хотя догадывалась: они уже все решили без меня. А Костылин тем временем продолжал.

— Ты пока подумай хорошенько, кого бы еще могла сократить. Все равно этого не избежать. Пока они там примут решение — ты уже подготовишь списки, так сказать, предупредишь их возможные действия.

Про водителей я сказала совсем не зря. Была в издательском доме — кроме секретарш — еще одни каста неприкасаемых — водители персональных автомобилей. Я никогда точно не знала, сколько на балансе издательства числилось машин, но вот сколько мужчин одного сословия и примерно одного возраста каждый день в обед приходили в столовую и выстраивались в длинную очередь, знаю — около тридцати. Не в каждом гараже не каждого авто-предприятия насчитается столько водил, сколько их было у нас. Для них было оборудовано специальное помещение — комната отдыха в цокольном этаже с телевизором, видео, бильярдом и даже компьютерами. Персональные машины полагались всем маломальским начальникам, включая всех заместителей, руководителей всяческих служб, коих, как я уже говорила, здесь была просто прорва. Отдельные машины с парой сменных водителей предназначались для семьи Хозяина, для семьи генерального директора Уткина, ну а когда все учредители еще гостили в России, наверное, для их семей тоже. Машина под задницей полагалась начальству и их домочадцам круглосуточно, поэтому на каждой работали по два водителя посменно.

Я тоже получила машину, как только стала редактором газеты «Успех». Водителя можно было подбирать самой, но у меня не нашлось подходящей кандидатуры, я положилась на удачу. И не зря. Мне достался замечательный человек по имени Женя, с которыми мы не расставались все 12 лет. Но поскольку я — азартный водитель, люблю ездить за рулем, то выпросила у Хозяина право самой возить себя на работу на служебной машине. Хозяин разрешил, но сказал:

— Для вашей безопасности я бы вам этого не советовал.

Меня еще так тронуло тогда, что он заботится о моей безопасности!

Эти два попугая — Жилин и Костылин — тоже сразу побежали просить доверенность на служебные машины. Каждому из них положены «рено», покруче моей «шкоды». Им надо было ездить на левые дела — к девкам да на гулянки, и свидетель в виде водителя явно их не устраивал. Хозяин и им дал право руля.

И началась счастливая жизнь! Я на машине ездила, а Женечка ее мыл, заправлял, менял колеса, проходил ТО и забирал ее в тех редких случаях, когда на каких-то мероприятиях мне приходилось выпивать.

Когда мы ушли на Поликарпова и стали не просто бедными — нищими, я честно сказала Жене, что платить мы ему не сможем, и если у него есть предложения, пусть он ими воспользуется. Но Женечка мужественно остался с нами, жил практически без зарплаты, помогал развозить тираж и ездить по редакционным нуждам. Жилин, а потом и Костылин разбили свои служебные тачки, и ездили на своих машинах. После этих аварий Хозяин уже больше не дал мне «права руля», ссылаясь на ту же мою безопасность.

Надо ли говорить, что Женя стал членом моей семьи! Особенно его полюбила мама, которую он иногда подвозил в ветеранскую поликлинику или аптеку. Мама кормила Женечку пирожками, поила чаем, а Женя таскал ей сумки и не позволял поднимать тяжести. Но основное время он, естественно, проводил в комнате отдыха, потому что чаще всего я приезжала на работу и сидела в офисе весь день. Вечером он вез меня домой.

Летом дорога до дома удлинялась за счет дачи в Поповке, но по выходным я предпочитала ездить туда самостоятельно — за рулем собственной машины. Между прочим, у меня всегда были «Жигули» — я переездила практически на всех моделях. Первую свою скромную иномарку я приобрела уже на посту редактора «Вич-инфо».

И вот представьте мое изумление, когда вместе с машиной «ауди», положенной вроде бы по статусу как главному редактору газеты, мне назначают еще одного водителя! Да у меня Женя не всегда загружен и свободен по выходным, зачем мне второй?

Я была так возмущена, что понеслась на второй этаж к Уткину. Я просила вместо водителя разрешить нам взять на работу фотографа — вы можете представить, что такое издание, как «В-И» не имело в штате ни одного приличного фотографа? Зато в издательском доме была собственная студия, выхлопотанная и созданная еще тогда, когда Жилин и Костылин ходили в обнимку с фотоаппаратами. Фотостудия, конечно, дело хорошее, только большую часть времени она пустовала. Сидел один замороченный фотограф для дежурной съемки, а вот настоящих фотомастеров здесь никогда не было. Поэтому снимки приходилось заказывать в фото-банках и у известных фотохудожников — благо, гонорары позволяли купить практически любую иллюстрацию. Но собственный мастер — это нечто другое. Эх, Серега-Серега — работали мы с ним еще в

«Успехе», как часто я вспоминаю его! В любую секунду был готов схватить свой кофр и мчаться в любую точку снимать, а утром уже приносил готовые классные карточки. Серега погиб при странных обстоятельствах — его нашли в озере близ какого-то пансионата, куда он приехал судить очередной фотоконкурс…

Уткин вежливо меня выслушал. Обещал подумать (читай: поговорить с Хозяином). Следом ко мне прискакал Костылин:

— Чего ты возмущаешься? Плохо тебе что ли — два водителя?

— Да я возмущаюсь, потому что не могу лишней ставки выпросить, чтобы взять достойного журналиста на работу, а здесь два водителя на одну машину.

— Ты же не последняя дурочка, понимаешь, что учредители держат водителей для себя: вот они приедут, и кто-то должен их возить.

— Да они раз в сто лет приезжают! А зарплату водители получают побольше, чем корреспонденты.

— Тебе какое дело? Ты что — из своего кармана платишь? Я тоже предлагал Хозяину отказаться от такого огромного парка, гораздо дешевле будет брать самую пафосную машину в ренту на время его пребывания, хоть кадиллак, хоть мерседес. Но он человек консервативный, хочет, чтобы все было так, как он привык. А ты успокойся, это не та тема, чтобы орать на всех углах.

Вообще-то он прав. Чего это я раскудахталась? Какое мне, право, дело, на что эти богатые люди тратят деньги? Сиди на своем шестке и помалкивай.

Я и помалкивала.

Тревожная осень

Первые задержки с выплатой гонораров начались в сентябре. Я уже упоминала, что часть денег — в том числе и авторских гонораров за опубликованные статьи в газете, издательский дом выплачивал наличными в конвертах. Наличкой платили также часть зарплаты менеджерам старшего звена — в том числе мне, моим замам, Главному Художнику — наверное, еще и руководителям издательства и его служб. Зарплата являлась тайной за семью печатями, и я не знала даже, сколько получают в конвертиках мои замы.

Что касается моей зарплаты — тут тайны никакой нет. Хозяин еще при назначении меня главным редактором спросил, сколько бы я хотела получать. Я была сама скромность: 10 тысяч долларов. Это были нормальные деньги, даже небольшие для редактора миллионного издания. В каком-то медиажурнале пару лет назад опубликовали зарплаты главных редакторов ведущих российских изданий. Не помню точно цифр, но помню, что моя зарплата оказалась самая низкая, хотя издание, которое я возглавляла, было самым тиражным. Я пыталась намекнуть на это Хозяину, но он старательно уходил от разговора. А просить я всегда плохо умела.

Самой вожделенной частью заработка в издательском доме, как я уже говорила, всегда был гонорар. Кто не знает, журналистика вообще живет за счет этих выплат, а многие журналисты вообще имеют единственный доход от публикации статей в разных изданиях.

Я оставляла часть гонорарного фонда в сейфе — оплатить какие-то срочные дела. Сайкинских информаторов, например. Междугородние переговоры Юрика, который часто летал на всякие фестивали. Ему же я из этих денег оплачивала так называемые представительские — ведь актеров, чтобы хоть как-то уговорить на интервью, приходилось поить и кормить в ресторанах — они, кстати, все без исключения очень уважают халяву. Мы приплачивали и некоторым пресс-секретарям, чтобы они нам первым сливали всякую любопытную информацию. Из этих денег я платила тем, кто по роду деятельности не мог зарабатывать гонорар — нашим архивариусам, которые пахали день и ночь за мизерную зарплату и приносили массу идей и информации в газету, сортировщице писем, которая тоже получала три копейки и одна воспитывала ребенка. Да много чего было — я бухгалтерии никогда не вела. Считала, что главный редактор вправе распоряжаться этим гонорарным фондом по

собственному разумению, раз уж его назначили и доверили.

Но знала и другое — я ведь много лет работала, что называется, по ту сторону баррикад, и потому знала, что коллектив всегда недоволен зарплатой и гонорарами, и всегда будет это обсуждать. На чужой роток не накинешь платок. Иногда о недовольстве коллектива мне говорила Жози — она каждый день ходила в столовку с молодежью, да и вообще постоянно крутилась в коллективе. Тогда на ближайшей планерке я начинала показательные выступления: каждому, кому выдавала деньги из гонорарного фонда, задавала вопросы: когда, сколько и за что он их получил. Процедура была долгой, народ в конце концов начинал роптать: «Хватит об этом, давайте уже планерку проводить!»

Была еще одна забавная фишка, которую я пресекла, став главным редактором. Придумала эту практику Ясная. Когда журналист получал гонорар, он потом ходил по редакции и раздавал деньги тем, кто помогал ему этот материал придумать или написать. Я сначала не могла понять, что за рынок устраивается в стенах редакции в день выплат? Оказывается, Юля отдавала столько, сколько считала нужным переводчику — он помог ей перевести статью, архивариусам — они придумали какую-то тему, коллеге за то что помог повернуть тему оригинальным образом — ну и так далее. Когда я со всем этим разобралась, сразу же вызвала Ясную и тихо и мирно предложила узаконить эти поборы. Выплачивать всем, кому полагается, через гонорарную систему. Понятно, что в этом случае Ясной доставалось бы меньше денег, но она почему-то не возроптала и в Америку звонить не побежала.

Она напоминала мне голенастую героиню фильма Климова «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен» — была там такая героиня без имени, которая бегала докладывать начальнику лагеря Дынину о всяких провинностях пионеров. Наш Дынин жил далеко, и за всех пионеров получала нагоняй я, их пионервожатая.

Хозяин особо и не скрывал своего отношения к Юле. В день ее рождения чинно приходила секретарша со второго этажа и при всем честном народе вручала Ясной подарок от шефа — что-то, видимо, очень дорогое в фирменном мешочке от Гуччи или Ив Сен-Лорана. Ясная ничуть не смущалась — на следующей же день надевала сережки с бриллиантами и гордо шествовала по коридору в своих немыслимых одеждах с вечно всклоченной головой. Однажды, когда она уже давно работала в журнале «Вим», я столкнулась с ней в лифте. Юлечка была одета в ослепительно алое очень короткое платье, несла себя на

высоченных каблуках таких же красных туфель, на голове — «взрыв на макаронной фабрике», а в руках держала огромную лакированную сумку все того же коммунистического цвета. Она вылетела из лифта и на той же скорости впорхнула в стоящий у подъезда хозяйский «Мерседес».

Летом журнал, наконец, закрыли. Но Ясная нисколько не унывала, Буквально через неделю Уткин собрал у себя в кабинете совещание и объявил: «Теперь наш издательский дом будет не только выпускать газеты, но и шить, а также продавать мужские костюмы». Уже создано предприятие, руководить которым вызвали еще одного друга Хозяина из песочницы (ну прорва, прорва эта песочница!), который где-то чем-то уже торговал и знает в этом толк. А замом у него — тут Уткин с любовью посмотрел на Ясную — будет Юлия Михайловна Ясная. Она, собственно, эту идею придумала, нашла где-то за границей страшно модного дизайнера, с которым издательский дом теперь и будет сотрудничать.

Рот открылся не только у меня. Я могла бы запросто пересчитать все зубы у Костылина, который к тому же резко побагровел, и я испугалась за сердце будущего папаши.

Конечно, против пошива и даже костюмов я ничего не имела — только происходило это в то время, когда мировой финансовый кризис уже победоносно шел по стране, когда от коллег я слышала о сокращениях зарплат, сотрудников, полос и цветности всех изданий. Да и Костылин намекал на грядущие у нас сокращения — какие костюмы? И почему костюмы, а не, например, женские прокладки, которые по тематике нам были бы неизмеримо ближе?

Народ расходился с совещания в глубокой задумчивости. Конечно, о нормальной работе в этот день не могло быть и речи. Во всех кабинетах обсуждалась только эта новость. Кто-то хихикал и выдвигал свою кандидатуру на почетную должность пришивальщика пуговиц. Кто-то серьезно полагал, что скоро и газету закроют к чертовой матери и превратят издательский дом в подобие фабрики «Большевичка». Кто-то уже поженил Ясную и Хозяину и намекал на семейный бизнес. Это была уже полная чушь: Хозяин слыл почтенным семьянином, растил двух сыновей, о которых много и с любовью рассказывал. Причем младшенький был еще совсем в отроческом возрасте, тогда как старший жил уже вполне самостоятельно и, кажется, в другой стране. Я не очень хорошо знала об этой стороне жизни Хозяина. Ходили слухи, что жена его — маленькая пухленькая женщина, очень домашняя и спокойная, верная жена своего мужа и хорошая мать.

Ясная уже не ходила — летала по коридорам издательского

дома. Говорили, что она в совершенстве владела испанским языком, перевезла в Испанию сына и родителей и сама большую часть времени проводила в этой благословенной стране — у себя в доме.

Лично меня все это касалось лишь в том смысле, что финансирование газеты «Вич-инфо» с каждым годом сокращалось. Уже ни копейки не тратилось на рекламу издания — кто не помнит, какие замечательные теле-ролики когда-то крутились по ТВ: «Ну, очень интересная газета!» Это осталось в глубоком прошлом. Не было речи об увеличении полосности или формата — хотя все понимали, что давно пора переходить на глянец. Никак не развивался сайт. Сокращались деньги на командировки, на покупку фотоматериалов. В общем, ощущалось приближение конца, хотя я на планерках и в частных беседах с сотрудниками всячески отрицала это, наоборот, изображая бурное веселье и бодрость. Нельзя было допускать паники в коллективе! Никаких панических настроений — иначе делу и вправду быстро придет конец.

Цензура не дремлет

В стародавние советские времена — золотые времена «Московского комсомольца» — судьба свела меня с Александром Евгеньевичем Бовиным. Ну, как свела — обычная журналистская встреча. Я пошла к нему за интервью. А времена были хоть и советские, и отделы литования (попросту говоря, цензура) существовали еще во всех редакциях, Горбачев уже объявил перестройку, и кое-что у цензоров можно было отвоевать.

Бовин тогда увлекался исследованием темных эпизодов Великой Отечественной войны. Хотя он был одним из самых известных и уважаемых журналистов-международников, круг его интересов всегда менялся и часто лежал в плоскости отечественной истории. В частности, в интервью он говорил о существовании заградотрядов — тогда мало кто о них знал. В первые годы войны, когда на линии фронта не хватало оружия и техники, по приказу Главнокомандующего товарища Сталина выстраивали цепочку из живых безоружных людей. Кто пытался бежать — в тех стреляли свои же… Именно в этот факт и уткнулась наша цензура. Хотя я очень уважала и понимала нелегкий труд главного цензора Марка Львовича, я пошла на него в наступление, размахивая, как флагом, книгой Жореса Медведева, где такие отряды уже упоминались. Но Марк Львович, который всех нас называл исключительно детками, был неумолим. Из интервью требовалось удалить один из самых жареных и вкусных кусочков, и я, как маленькая девочка, побежала жаловаться Бовину.

Александр Евгеньевич обладал не только нестандартной яркой внешностью, но и твердым, я бы сказала — политическим характером. В 70-80-е годы он был безумно популярен только потому, что всегда исхитрялся говорить правду, а ведь это было время поголовного вранья. Но если ему правду не давали сказать по каким-то политическим причинам, он молчал. «Лошадь можно подвести к водопою, — любил говорить он, — но заставить напиться нельзя». Бовин часто мелькал по телевизору — вел единственную в то время передачу про иностранную жизнь «Международная панорама», его узнавали на улице, в кафе и ресторанах, куда он любил захаживать. Однажды лютой зимой мы сидели с ним в ресторане «Узбекистан» (нет сейчас такого ресторана, на том месте что-то вроде «Белого солнца пустыни») и обсуждали очередной кризис власти в загнивающих капиталистических странах. Бовин с искрометным юмором рассказывал про загнивание, я, конечно, хохотала. А официанты

замучились таскать нам на столик шампанское, которое посылали ему с соседних столиков поклонники. Бовин любил шампанское — не типично мужское увлечение, зато пить искристый напиток он мог в неограниченном количестве. И вот допивая уже седьмую или восьмую бутылку, он вдруг спросил меня: «А чего бы тебе хотелось еще поесть такого вкусненького, эксклюзивного?» Я засмеялась: «Арбуза!» На улице декабрь и абсолютный застой!

Александр Евгеньевич подзывает официанта: «Милейший, мы бы хотели заказать свежий, и, заметь, спелый арбуз». Лицо официанта вытягивается, но он не смеет сказать «нет» именитому посетителю. Натянуто улыбается и бежит к метрдотелю. Метр уходит посоветоваться в глубины кухни — то ли к повару, то ли к директору. Через пять минут директор — выходец из той страны, чьим именем назван ресторан, — улыбаясь во все свое широкое лицо и раскинув руки приблизился к нам. Бовин что-то сказал ему по-узбекски — тот совсем растаял. Они постояли, обнявшись, посреди изумленного зала.

Через полчаса у нас на столе стоял красиво декорированный арбуз — свежайший и наивкуснейший. Так и осталось загадкой, откуда его приволокли среди лютой зимы?

Бовин приехал в редакцию и пошел к Марку Львовичу разбираться. Первые слова, сказанные цензору, были: «Я как раз пишу статью о работе цензоров на территории Советского Союза, мне необходимы живые и свежие факты». Дальше они говорили за закрытыми дверями, но в результате все слова в моем интервью остались на своем месте. Вечером я встретила старого цензора в гардеробе. Спросила про Бовина. Марк Львович ответил:

— Максимальное наказание, которое я могу получить — отправят на пенсию. А мне и пора туда. Так что свобода дороже, — он по-мальчишески закинул шарф на плечо и гордо удалился.

Вспомнила я эту историю не случайно. Осенью юристы с курьером прислали мне письмо из грозной организации, созданной специально для надзора за СМИ. Там сообщалось, что поступил «сигнал» (вот она, советская терминология!) от учителей Ивановской области, которые возмущаются тем, что газета «Вич-инфо» продается в открытом доступе в киосках, а рядом с киосками — школы, а в школах неразумные дети, на которых наша газета может дурно повлиять. Письмо ивановских учителей тоже прилагалось. По этому поводу меня вызывают на разборки в грозную организацию. Юристы уже связались с ее руководством — ничего хорошего предстоящая встреча не сулила. Надзиратели за нравственностью были настроены решительно

вплоть до закрытия газеты в худшем случае. А в лучшем можно было ждать решения о продаже газеты в ламинированных пакетах и в специально отведенных местах, что означало тоже ее закрытие потому что отведенные места — это секс-шопы, где посетителей в миллион раз меньше, чем покупателей в газетных киосках.

Юрист Наташа была невозмутимой. А меня терзали предчувствия, и от страха сосало под ложечкой. Наташа уже собрала массу бумаг, которые призваны были доказать не порнографическую направленность издания — в том числе мнения врачей и юристов (купленных, разумеется, за деньги Хозяина). Меня попросили приготовить свои награды — единственную медаль за вклад в культуру — доказательство того, что газетой руководит не помешанная на сексе маньячка, а профессиональный и уважаемый журналист.

Запахло Новым годом. Каждый декабрь наша юридическая служба присылала письмо, напоминающее, что последний в году номер газеты должен быть девственным — ни оголенных тел на фотках, никаких половых болезней и сексуальных откровений, ни-Боже упаси! — слов «секс», «оргазм», «презерватив» и пр. Этот номер внимательным образом вычитывался самими юристами, они же потом тщательно просматривали все картинки, подписывали каждую полосу, исправляли или отмечали места, с их точки зрения безнравственные, и только потом газета отправлялась в печать.

Все это делалось для Министерства печати — каждый последний номер года отправляли туда в подтверждение, что наша газета — информационно-развлекательная, научно-познавательная, и вообще детей приносит аист.

Мне была не совсем понятна эта игра — любой работник министерства может купить газету в любом киоске и убедиться, что последний номер каждого года — это потемкинская деревня и чистой воды обман. Но игра продолжалась из года в год, и я только диву давалась, почему этот обман не вскрывается.

Предстоящие разборки в Госнадзоре — это уже серьезно. Им не потащишь новогодние выпуски-обманки, у них уже собрана подшивка за весь год. Вот тут встрепенулся Хозяин. Даже снизошел позвонить мне — с просьбой разыскать Кучерену и попросить его о помощи, все-таки юрист и член Общественной палаты. Но Кучерена, как я уже упоминала, оказался недоступен даже по прямому мобильному телефону. И мы с Наташей с кучей папок и документов и с моей медалью наперевес пошли на таран негласного олимпа цензуры.

Главный цензор — женщина далеко за 50, которой, конечно, давно была чужда тематика нашей газеты, тыкала толстым

пальцем в голый живот какой-то фотокрасотки. Ее возмущению не было предела. А юрист Наташа ловко вытаскивала из папки очередной документ — то свидетельство о регистрации, то результаты последней проверки, а то и вовсе справку от филологов о том, чем отличается эротика от порнографии. Не зря, ох не зря все эти годы я пыталась привнести в газету взамен «Клубнички» побольше философии и лирики! В конце концов наше красноречие возымело результат, там были сделаны «замечания», а сами мы с Богом отпущены.

— Уф, — выдохнула я, плюхаясь в машину.

— Это плохой знак, — невозмутимо отозвалась Наташа. — Теперь они могут замучить проверками, а ведь мы не можем каждый номер делать «министерским». Буду разговаривать с Хозяином — доложу свои соображения.

Вот так ураган пронесся над нашими макушками. А все считают, что в стране цензуры нет!

Пасьянс

Каждое утро я раскладывала на столе бухгалтерскую ведомость со штатным расписанием сотрудников газеты и ломала голову над вопросом — кого же сократить в первую очередь? Практически ежедневно звонил и или забегал Костылин с этим же вопросом. Отчаявшись, я спросила Главного Художника, как он собирается сокращать своих дизайнеров-корректоров, но оказалось, что он еще летом начал потихоньку ужиматься — переводить своих сотрудников на менее оплачиваемые ставки, сокращать пенсионеров (такие работали у него в корректуре и ушли безропотно) и, главное, услужливо предлагать Уткину варианты, как можно еще сэкономить на художественно-производственной службе. Конечно, по сравнению со мной в глазах руководства он выглядел гораздо симпатичнее. Я только и делала, что орала и требовала не сокращать гонорары, не трогать сотрудников и их зарплаты, потому что на них держится тираж, а значит и прибыль издательского дома.

А тихий Главный художник, удержавшийся при всех властях, отнесся к проблеме руководства услужливо и «с пониманием». Самым трудным было решить кого из замов увольнять. Фигура Гоблина даже не обсуждалась — все-таки он первый зам, и Костылин дал понять мне прямо: написать заявление об уходе — по собственному, естественно, желанию должны или Эльсотоль, или Корвалан. Гоблина он даже не упомянул — ну, друг-собутыльник, чего уж тут! Значит, решила я про себя, это обговорено с Хозяином.

Эльсотоль или Корвалан? А кого вы больше любите — сына или дочь? Примерно так стоял вопрос для меня. Эльсотоль работал в издательском доме с незапамятных времен. Сначала редактировал детскую газетку «Вырастай-ка!» (Наш Фурдуев любил понасмешничать над этим названием, придумывая варианты других возможных изданий «Налетай-ка!», «Выпивай-ка!» «Раздевай-ка!» прочее в таком духе.). Потом детская тема стала неприбыльной, и газетенку закрыли. А Эльсотоля перекинули на другой проект — тогда начиналось издание газеты «Здоровье». Эльсотоль, между прочим, имел за душой медицинское образование и даже работал когда-то на «скорой». Потом почила в Бозе и газета «Здоровье», бедного Эля сократили и он устроился на телевидение. Выдержал он там полгода, и, истекая слезами и кровью, хотел уже увольняться. А тут мы с Недобежкиным вспомнили про него и взяли на место ушедшего в поисках серьезной журналистики Татарина.

Абсолютным плюсом и явным преимуществом перед другими замами — да и многими сотрудниками газеты — был его творческий подход ко всему, за что бы он ни взялся. Эльсотоль мог из любой темы, предложенной ему автором, вывернуть такой сюжетец, что банальщина превращалась в «гвоздь». Как ведущий редактор он не ждал, пока журналисты в клювике принесут ему темы, а сам придумывал и предлагал их коллегам. Это был абсолютно «вичевский» подход — недаром он столько лет трудился в издательском доме. При этом Эль находил нештатных авторов и имел терпение и талант работать с ними. Да и сам в свободное от ведения номеров время мог написать вполне недурной репортажик. Кроме того, я любили Эльсотоля за то, что он, как и я, — страстный грибник и садовод, и с кем, как не с ним, могла я обсудить преимущества розы флоринбунда перед парковыми розами Остина?

Недостаток у Эльсотоля только один — он просто панический трус. Больше всего на свете он, медик по образованию, боялся лечить зубы, поэтому в свои сорок лет ходил практически без оных. Никакие наши уговоры и даже мои личные угрозы не могли заставить этого человека сесть в зубоврачебное кресло. Я хорошо помню, как Жози, тоже, прямо скажем, не самый большой храбрец на свете, демонстрировала ему свои новые протезы, одновременно убеждая, что современные технологии настолько безболезненны, что даже она…

Но не только зубной боли боялся мой лучший зам. Страхи — потерять работу, вызвать недовольство начальства и пр. постоянно были написаны на его лице. И все же я сразу отвергла всякую возможность расстаться с Эльсотолем: кто ж будет придумывать темы и заголовки в газете?

Корвалан, напротив, — бесстрашен и смел, никогда не удержится сказать человеку все, что он о нем думает. Даже в тех случаях когда лучше бы помолчать. Дьявольское смешение южноамериканских и русских кровей сыграли с ним злую шутку — его взрывного характера не могла выдержать ни одна женщина, поэтому он жил в гордом одиночестве. К сожалению, он не был таким креативным, как его коллега и товарищ Эльсотоль, зато все всегда выполнял точно и в срок. Корвалана увольнять тоже не хотелось, тем более что его имя для меня навсегда связано с Александром Ивановичем, который его когда-то мне и сосватал.

Я знала, что коллектив больше и лучше работал, когда номера вел Эльсотоль. Корвалана побаивались и слегка сторонились. И я предложила сократить его ставку. Костылин удивился. Сказал: «Между прочим, я бы пожертвовал

Эльсотолем». Но я это «между прочим» решила игнорировать.

Точно так же я металась, составляя список пяти сотрудников, которые попадали под секиру увольнения. В эти дни почти не спала. Если бы хоть сокращали по закону — с выплатой положенных денег, включая отпускные, с предупреждением за два месяца, чтобы они могли подыскать себе какую-то замену. Ан нет, им всем придется писать заявления по собственному желанию, причем чуть ли не с завтрашнего дня.

Близился новый год. На душе был так паршиво, что даже не хотелось думать о том, где его отмечать. Тем более что нам уже три месяца не платили так называемую виповскую добавку к зарплате. Главный Художник, который всегда больше всех держал нос по ветру, считал, что уже и не заплатят.

— Снимут половину зарплаты и даже не предупредят? — холодея, вопрошала я.

У меня, как и у всех нормальных людей, были полны карманы невыплаченных кредитов. Главный Художник неопределенно пожимал плечами, но ему можно было верить: нравы этой конторы лучше него никто не знал.

Гонорары тоже не платили месяца три. Люди роптали, без конца по делу и без дела забегали ко мне в кабинет и жалостливо заглядывали в глаза. А что я могла им ответить — такой же раб, только с более высокой оплатой?

При этом корпоративная новогодняя вечеринка уже была оплачена, вывешено объявление — когда, как, во сколько. Перед самым новым годом по традиции вернулся в страну Хозяин. На следующий же день собрал в своем кабинете всех высоких и средних менеджеров. Я села от него по правую руку, как обычно, но он на меня даже не взглянул. И лицо было ледяное-ледяное — как тот голос по телефону: «Кажется, вы что-то не понимаете…»

А я и вправду не понимала. И не что-то, а НИЧЕГО.

Хозяин хмуро обвел глазами присутствующих, ледяным тоном сказал:

— Кажется, кому-то здесь не нравится, что мы начинаем новый проект. Я имею в виду «В-фешн». До меня доходят кое-какие разговоры. И вот что я вам скажу… — его голос стал не просто ледяной — стальной. — В — этом — издательском — доме — есть — только — один — хозяин, — он сделал долгую паузу. — Поэтому советую почаще читать, какой девиз написан на обложке нашего нового календаря.

Все дружно, как дрессированные обезьянки, повернули головы на стенд, куда Главный Художник только что вывесил свеженький фирменный календарь на 2009 год. Крупными черными буквами там был написано «Я ТАК ХОЧУ!»

А сколько мы сил и времени потратили на то, чтобы придумать туда достойный вынос! Каждый год издательские художники надсадно сочиняли и осуществляли идеи новогоднего календаря. А журналисты изобретали подписи к фотографиям и выносы на первую обложку. Хозяин очень придирчиво относился к календарю, все детали до самой запятой обсуждались с ним скурпулезнейшим образом.

Надо сказать, эти настенные календари одно время и вправду были визитной карточкой издательского дома и играли серьезную презентационную роль. В 2009 году художники предложили идею красивых обнаженных женщин с красиво разрисованными причудливыми татуировками телами. Как обычно, эта идея — одна из сотен предложенных и единственная, одобренная Хозяином.

Если вариантов картинок обсуждалось сотня, но текстовых выносов, наверное, миллион. Хозяину не нравилось ничего. Пока он сам своей рукой не написал окончательный вариант «Я так хочу».

И теперь мы все — включая и Уткина, и Костылина, и Эльсотоля с Корваланом, — дружно пялились на этот календарь, а Хозяин упивался своей властью. Было так противно, что хотелось встать и уйти. Но я еще по-рабски пыталась поймать его взгляд…

Хозяин произнес речь. Про кризис. Про то, что в мире все очень плохо. Что нас ждут сокращения и другие трудности. Что ему придется брать кредиты, а кредиты сейчас дают неохотно — и все такое прочее.

Я сидела и не дышала. Понимала, что он «не видит» меня не просто так. Я мучительно соображала, высчитывая: кто и что донес ему про меня — сам он ничего знать не мог, его же полгода не было в стране. Я ощущала себя отличницей, которой поставили «двойку», а она не знает, за что.

Совещание закончилось. Народ уныло побрел к выходу, в дверях я столкнулась лицом к лицу с Костылиным. Его лицо было красным, словно обожженным. За меня, что ли, так переживает? — почему-то подумала я. В приемной возле кабинета толпился встревоженный коллектив. Никто ничего не спросил — такие, видно, у нас были мрачные лица. Когда дверь закрылась, Гоблин забегал по кабинету, приговаривая: «Все херово, все херово». Эльсотоль испуганно молчал. Корвалан мрачно сидел в кресле, сложив руки на груди, как Наполеон. Главный Художник спокойно произнес, отвечая всем сразу:

— Ну, закрыть газету не закроют — все-таки еще полумиллионый тираж, и он приносит прибыль. Но будет и

правда плохо.

— Что скажем людям? — заходился в истерике Гоблин.

— Правду. Будем говорить правду, — мне почему-то стало спокойно.

— Чтобы говорить правду, — резонно заметил Корвалан, — ее нужно знать. А мы ничего не знаем.

— Ну, мы знаем хотя бы то, что понизят зарплаты и гонорары. Пусть морально готовятся.

— К этому все готовы, — подал голос Эльсотоль, — всех волнуют сокращения.

— Придет Хозяин на планерку и сообщит, — буркнула я. — Идите работайте и не паникуйте раньше времени.

Все вышли, но через минуту вернулся Эльсотоль.

— Извини меня за прямоту, — с ним единственным мы были на «ты», — но по-моему тебя хотят снять с должности.

Голос Эля дрожал — не просто далась ему эта фраза.

— Ерунда какая, — с деланным оптимизмом ответила я. — Коней на переправе не меняют. В кризис никто этого делать не будет, даже Уткин.

— Не все Уткин здесь решает, — пробормотал Эльсотоль. И вышел. А у меня в душе заскребли кошки — и когти у них были очень острые…

Антикризисный комитет

Очень долго тянулись новогодние праздники — я просто не знала, куда себя деть. Вспоминался милый сердцу Кисловодск, куда мы ездили последние пять лет. И город Мюнхен, где так искрометно и весело немцы отмечают Рождество. И много разных других мест на планете, куда можно было бы поехать, потому что ничего слаще путешествий и смены впечатлений нет для истерзанного работой в желтой прессе сердца.

Жози улетела к дочке в Израиль. Она все чаще и чаще поговаривала о том, чтобы уехать туда навсегда. Потихонечку начала учить иврит, и делала успехи.

Мое основное развлечение в эти дни — долгие прогулки с собакой по заснеженному парку. Я смотрела в преданные глаза своей таксы и пыталась прорепетировать слова, какие должна сказать увольняемым людям. Собака мотала головой. Она не хотела быть уволенной.

В первый же день Костылин принес список — какую часть бюджета редакции надо сократить в этом году. Я, конечно, не удержалась, спросила, почему в таком плохом настроении Хозяин. Костылин как-то неуверенно ответил:

— Ну, кризис же. Надо создавать антикризисный комитет. Что-то предпринимать.

— А цифры у тебя эти откуда?

— Так я же вхожу в этот антикризисный комитет. Я, собственно… — он минуту помялся, — его возглавляю.

Надо сказать, я даже обрадовалась, что именно он главный в антикризисной команде… Я до сих пор ощущала себя под его защитой. И нисколечко не встревожилась даже когда Костылин, отводя глаза, произнес:

— Что-то Хозяин последнее время недоволен тобой. Кто-то что-то ему про тебя напел.

— Господи, ну что про меня можно такое рассказывать! Я абсолютно открытый человек, вся моя жизнь на виду!

— Ну, вот это и плохо. В общем, он мрачнеет, когда произносят твое имя.

— А кто произносит?

Но Костылин только плечами пожал.

От коллектива ничего не скроешь. Часто, заходя в общую комнату, я видела понурые лица своих дорогих сотрудников — они замолкали при моем появлении. Гадали, кого из них сократят и как урежут зарплаты тем, кто останется. Что-то почувствовал и Корвалан. Пришел и угрюмо сел в кресло в моем кабинете.

— Очевидно, кого-то из нас будут сокращать. Ну, Гоблина не тронут — это понятно. Я или Эльсотоль?

Я опустила глаза. Корвалан помрачнел еще больше. Потом словно через силу сказал:

— Хорошо, не переживайте. Я уйду. Но только с одним условием: чтобы все было по закону. С выплатой зарплаты за два месяца и отпускных. И никаких подписей задним числом. Я уже советовался с юристом — об увольнении и сокращении зарплат руководство должно предупреждать за два месяца.

Он ушел с каменным лицом, а мне захотелось кинуться ему вслед со словами: «Ну, пожалейте же вы меня!» Но я еще продолжала бороться.

Трое сотрудников уволились сразу без лишних разговоров. Написали заявления по собственному желанию — и ушли. Всем остальным было предписано подписать договора, помеченные еще ноябрем, о перезаключении условий и меньшей оплате труда. Подписали все — кроме Корвалана и еще одной сотрудницы Лены, муж которой оказался довольно грамотным юристом и пригрозил издательству судом. Лена и Корвалан каждый день приходили на работу, как на баррикады, — и молча сидели в кабинете зама. Слух о том, что двое из нескольких сотен сотрудников издательства настаивают на своих правах, быстро разлетелся по конторе. Никто, конечно, не работал — все обсуждали «мятежников». Примчался злой Костылин:

— Ты что, сдурела (он сказал другое слово — грубое)? Над тобой и так висит дамоклов меч, а ты еще и своих сотрудников урезонить не можешь? Да ты знаешь, чем это пахнет? Никто не получит зарплату, пока все заявления не будут подписаны! Люди и так сидят без денег с нового года. Иди уговаривай!

— Сам попробуй. Они же правы на все сто процентов! — огрызнулась я.

— Хорошо, давай вместе с ними пообщаемся.

— Они будут разговаривать только в присутствии юриста.

— Да хрен с ним, тащи сюда всех!

Какие только песни не пел Костылин, отрабатывая свою должность главного антикризисного вождя! Чего только не обещал! Уже Лена со своим мужем-юристом устала и готова была на все, но упрямый Корвалан твердил одно: все должно быть по закону. Уже и я жалобно скулила: «Сделай это ради меня!» Но Корвалан сверкал своими дьявольскими глазами и молчал.

Прошла еще пара дней. Народ роптал без денег — второй месяц никому ничего не платили. Понятно, руководство хотело в новом году рассчитать всех уже по новым зарплатам, но для этого нужно было собрать все подписи…

Нас с Костылиным вызвал Хозяин. Даже по голосу секретарши я поняла, что будет разнос. Но еще не представляла какой!

Его лицо было багровым — даже Костылин выглядел рядом с ним лишь слегка розовым. Он навис над столом и не вертел в руках своих четок. Глаза были не просто злыми — они сверкали всеми пожарами и огнями.

— Скажите, — закричал он, — я всегда выполнял просьбы ваши лично и редакции?

Я кивнула.

— Я всегда шел навстречу коллективу, даже когда мне было это не очень удобно?

Я опять кивнула.

— А теперь я прошу сделать так, как я прошу, — это что, сложно?

Я опустила голову. А он и не ждал ответа. Продолжал:

— Если сегодня к обеду ваши люди не подпишут бумаги, вы будете уволены.

Мы с Костылиным пулей вылетели из кабинета. Он потрясенно произнес:

— Я таким вижу его в первый раз.

Мы опять закрылись у меня с забастовщиками. Я передала Корвалану слова Хозяина. Тот посмотрел на меня с жалостью:

— Он вас так и так уволит, неужели непонятно?

Потом подошел к столу и подписал злосчастный договор. То же самое сделала Лена. Я вздохнула облегченно и посмотрела на часы: шел первый час дня. Костылин радостно побежал докладывать Хозяину. Мне было уже в принципе все равно…

На следующий день

Утром меня снова вызвали к Хозяину. Я опасливо зашла и покосилась на знаменитую картину. Дама лежала расслабленно и эротично. Хозяин ходил по кабинету и теребил в руках четки.

— Вот видите что получается, — небольшая пауза. — Во всем огромном коллективе только два человека не выполнили приказ начальника. И случилось это в вашем подразделении. Значит, вы плохой руководитель, вы потеряли авторитет и не можете больше возглавлять редакцию. — Опять пауза. — Я назначу главным редактором Гоблина…

Я не удержалась — удивленно ахнула.

— …временно исполняющим обязанности. Потом видно будет. Но, учитывая ваши заслуги, оставлю вам зарплату и должность заместителя. Можете идти.

У меня еще хватило сил подняться на шестой этаж, нацепить на лицо улыбку и войти в общую комнату, где, как пионеры за партами, сидели мои — теперь уже бывшие — сотрудники. Я, конечно, была вся перекошенная, но улыбку, улыбку на лице сохраняла. Почти радостно сказала:

— По нашему обоюдному с Хозяином решению я передаю пост главного редактора Гоблину. Не огорчайтесь, газете нужно новое дыхание, — что-то такое я несла еще минуты три. Но краем глаза увидела деланное удивление Гоблина — он знал, знал обо всем заранее! И Костылин знал — все знали! Только я пребывала в позорном неведении, только я не сумела разгадать эту довольно простую интригу, только я одна не заметила расставленных вокруг меня силков!

Радостный Гоблин побежал к Хозяину. Сейчас тот будет жать руку своему новому сатрапу, приговаривая «талантливый — вы — наш — расталантливый!» Я даже не стала его дожидаться: сказала секретарше, что приду через два дня. Надо же как-то прийти в себя.

А через два дня кабинет мой был уже занят. Секретарша Настя наспех покидала в коробки мои нехитрые пожитки — книги да сувениры, подаренные мне в разные годы. Народу сразу же перечислили зарплату, и боль от моего ухода — если она и была — притупилась и даже заглохла.

Я покорно заняла кабинет Гоблина. Было противно даже садиться за его стол. Но Настя все протерла чистой тряпкой. Ничего, сказала я себе, буду дежурить по номерам и потихоньку подыскивать новое место работы.

Гоблин вызвал меня к себе через секретаря — хорошо

начинает, молодец! Сказал жалостливо:

— Вам не надо вести номера. Просто будете консультантом.

— Это ты так решил? — удивилась я.

— Нет, конечно, — и он закатил глаза.

— Я что — должна просто приходить на работу и сидеть как Недобежкин? — мне трудно было поверить в происходящее.

Гоблин кивнул.

Пробкой я вылетела из его кабинета. Кинулась звонить Костылину — тот был недоступен.

Дозвонилась только вечером. Голос его был незнаком и глух.

— Я ж говорил, что Хозяин недоволен тобой. Ему стало известно про твои манипуляции с гонорарами. Якобы ты часть клала себе в карман.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь? — задохнулась я.

— Ну, не знаю… Так говорят…

— И что мне делать?

— Писать заявление об уходе. Это тебе мой добрый совет.

Как я не умерла в тот момент?

Пришла моя такса и слизала с лица все слезы.

Я знала: когда хотят избавиться от человека, в первую очередь обвиняют его в денежных махинациях. Но какие деньги и какие махинации могут быть в газете? Как грубо и нелепо выстроил Костылин — а в его прямом участии я нисколько не сомневалась — всю линию интриги!

Утром я положила на стол Гоблину заявление об уходе. Он подписал, ни задав ни одного вопроса и не издав ни одного звука. На глазах изумленного коллектива муж вынес из кабинета Гоблина коробки, которые я так и не успела разобрать. Я помахала всем рукой — и ушла из издательского дома «Вич-инфо» навсегда.

Но, признаюсь, еще долго-долго ждала — вдруг Хозяин опомнится и позвонит? Пусть не позовет обратно на работу — хотя бы поговорит, спросит напрямую: «Правда ли, что вы воровали мои деньги?» Но не позвонил, не спросил. Значит, понимал, что все это вранье. Оно ему тоже удобно по каким-то причинам. Какую пургу ему нес Костылин про меня и жизнь в редакции? Могу только гадать. Не зря же именно Гоблин — дружок его закадычный, занял мое место.

От Хозяина я вестей не дождалась, зато меня мучили другие звонки. Жози плакала в трубку и приговаривала, что следующей уволенной будет она. Машка звонила и рвала сердце рассказами о том, как Гоблин наводит в редакции железную дисциплину. Юрик в «Одноклассниках» написал трогательное письмо «Вы навсегда останетесь в моей жизни лучшим главным редактором.

Работать с вами — праздник». Все это было похоже на похороны, на поминки, на долгое прощание…

Свет погас, жизнь закончилась, время остановилось.

Опять телефон, подходить не хотелось, но это был звонок от Жози. Она с ходу сообщила:

— Ты представляешь, он меня уволил.

— Как? Тебя-то за что?

Оказалось, что Гоблин в один прекрасный день явился в офис в непотребном виде — то ли пьяный, то ли с похмелья, и начал грубо приставать к секретарше Насте. Бедная девочка так перепугалась, что влетела в общую комнату с перекошенным лицом. Коллектив дружно бросился ее защищать — все вместе пошли к Уткину. Тот выслушал историю и велел, как всегда, написать служебную записку. Настя записку написала, а все, кто был в этот момент в редакции, ее подписали.

На следующее утро Гоблин протрезвел, узнал про коллективное письмо и пригрозил уволить всех, кто его подписал. Первой попала под раздачу Жози.

Служебной записке ходу не дали. Костылин с Гоблином выдумали версию для Хозяина, будто бы у Гоблина подскочило давление, и поэтому он был неадекватен. Уткин решил, что коллектив мстит Гоблину за жесткую казарменную дисциплину, которую он ввел в редакции. Настю перевели работать в отдел логистики. Весь коллектив приходил на работу строго в десять и начинался мандраж: кого уволят следующим?

Я не могла больше этого слышать. Надо как-то вытаскивать себя из этого болота. Но как?

«Одноклассники. ру»

Тому, кто придумал этот сайт, я бы поставила памятник. Скромный позолоченный монумент где-нибудь в центре вселенной. Хотя мы и писали в «Вич-инфо» с издевкой, что «Одноклассники. ру» разрушил много семей, потому как масса людей кинулась вспоминать свою первую школьную любовь и жениться на ней. Но это чистая выдумка. Возможно, как говорится, такие факты и имели место быть, но все же абсолютное большинство пользователей этого сайта нашли здесь лекарство от одиночества и забвение от кризисных забот.

Я тоже на всякий случай разместила на сайте свою страницу. Просто так — мне не надо искать своих одноклассников, мы до сих пор все общаемся и знаем все друг о друге. Тем более, в нашем классе сложилась стойкая компания заводил, мы вместе проводили все свободное от уроков время и поддерживали друг друга всю жизнь. Зато на сайте я нашла товарищей по любви к таксам, и мы даже создали целое сообщество «таксистов».

В тяжелые дни одиночества и депрессии я практически не вылезала из виртуального пространства. И когда увидела в «Одноклассниках» письмо от некой Нины Хансен, подумала, что это какой-то спам. Тем более, на фотографии был изображен молодой человек симпатичной наружности. Но письмо… Оно начиналось словами: «Ты помнишь Нину Калашник? Это я…»

Еще бы я не помнила Нину Калашник! Она пришла к нам в пятом классе и училась два года. Ее отец — военный, и как все семьи военных, они каждые два года меняли адрес, а дети из таких семей, соответственно, школу. Нина была маленькая и пушистая, села куда-то за последнюю парту, где ее было совершенно не видно. Мне стало ее жаль, и я пригласила ее сесть с собой. Жози в то время решила подтянуть математику, а я, видите ли, отвлекала ее всякими пустыми разговорами и мешала слушать учителя — поэтому она отсела от меня на первую парту. А Нинка пересела ко мне — и больше мы с ней в течение двух лет так и не расставались. Но потом затерялись на просторах великой родины.

Ее семья уехала куда-то на Украину, там они осели. Нина закончила иняз, вышла замуж, родила сына. Но с мужем жизнь не задалась, она вернулась в родительский дом, преподавала в институте английский язык. Однажды ее подруга, работающая на крупном промышленном предприятии, попросила Нину о помощи: к ним на завод для монтажа оборудования приехали наладчики от поставщиков — датской фирмы «Диса», срочно

нужен переводчик. Ответственная Нина всю ночь штудировала технический словарь, а утром на заводе встретила свою судьбу — огромного и прекрасного датчанина по имени Джон Хансен. Он влюбился в Нину с первого взгляда и через три недели, проделав немыслимые кульбиты с посольствами и документами, увез молодую жену в Копенгаген.

Теперь Нина через страничку своего сына в «Одноклассниках» разыскала меня и просила, нет, требовала, чтобы я немедленно приехала к ней в Данию повидаться.

В любое другое время я бы плюнула на все, взяла отпуск и полетела к ней. Но для тела, бездыханно лежащего на диване уже который день, это было не по силам — ни физически, ни, тем более, материально. Костылин, может быть, и уверял Хозяина, что я наворовала много денег, но у меня никогда не было никаких накоплений, никаких заначек, никаких сберкнижек. Моя мудрая мама всегда говорила, что надо откладывать на черный день! Я же не верила, что такой день может прийти…

Но надо знать Нину. Она прислала мне билет на самолет туда и — с открытой датой — обратно и бомбила меня письмами, чтобы я немедленно собиралась. И я отодрала от подушки то, что еще недавно было светлой и неглупой головой, муж чуть ли силком посадил меня в машину и отвез в аэропорт. Видно, ему тоже надоело лицезреть каждый день это распластанное нечто.

И уже в Шереметьево, в гостевом вип-зале (Нина зачем-то купила мне билет в бизнес-класс!), я вдруг почувствовала, как в меня тихонечко возвращается жизнь. Мне было интересно смотреть, как двигаются по помещению люди, что они делают, как разговаривают, по старой журналистской привычке я пыталась отгадать, кто они, откуда, и даже выстроить их биографию. Этому учил меня мой замечательный учитель Владимир Владимирович Шахиджанян. Он приводил к своим студентам незнакомого человека и заставлял по внешнему виду определить возраст, профессию, семейное положение и даже судьбу. Это очень хороший тренинг для будущих журналистов, и приобретенная тогда привычка осталась у меня на всю жизнь.

Нина живет с мужем в 60 километрах от столицы в маленьком уютном городке Рингстанд. Первым делом подруга спросила: «Ты с собой права взяла?» Конечно, я с ними никогда не расстаюсь. Она обрадовалась: «Ой, у нас с Джоном столько дел, будешь сама ездить и, что захочешь, посмотришь». Меня это стопроцентно устраивало — никому не мешать, никого не напрягать и побыть одной в такой прекрасной стране — что может быть лучше!

Каждый день начинался с того, что я садилась за руль

маленького «фольксвагена» и ехала в супермаркет, где уже в 7 утра продавали горячие булочки. Я возвращалась, а в палисаднике у дома уже крутился и повизгивал от нетерпения бишон-фризе Мишка — забавный белый, похожий на болонку, пес. Мы шли гулять — и бродили по окрестностям не меньше двух часов. Пес был страшно доволен — хозяева ограничивались десятиминутной прогулкой вокруг дома, а мы совершали настоящие большие путешествия в соседние деревни.

После завтрака я снова садилась в машину и ехала куда глядят глаза. Выбирала на карте точку, подчеркнутую красной линией, что означает наличие в этом месте исторического памятника, настраивала навигатор, который, к счастью, говорил по-русски, и уезжала. Нина звонила мне каждые два часа, проверяя, не заблудилась ли я в чужой стране. Я ни разу не заблудилась и успела посмотреть столько замков и парков — а именно ими славится Дания, что сбилась со счета. В этой небольшой стране 800 замков!

Вечером мы долго сиживали на веранде за чаем. Нина перевезла к себе не только сына, который уже вырос и жил отдельно. С ней в доме проживала старенькая мама и еще глухонемой племянник. Этого мальчика Нина и Джон усыновили после того, как умерла Нинина сестра. Я шла в спальню, мгновенно проваливаясь в сон. Но однажды проснулась от того, что Нина прикоснулась к моей руке. Я испуганно вскочила. Она мягко успокоила:

— Я шла мимо твоей комнаты и услышала, что ты плачешь. Думала, не спишь, а оказалось, что ты плачешь во сне…

Надо же, а мне ничего не снилось…

В кармане лежал обратный билет с открытой датой, а я все никак не хотела возвращаться в Москву. Нина не торопила, наоборот, уговаривала пожить у них лето. Золотая моя подружка не терзала расспросами, не приставала с пустяками. Иногда она ездила со мной по замкам, в одном парке мы даже наворовали с ней луковиц тюльпанов, вываленных кучей у ворот парка, — то ли для просушки, то ли на выброс.

Если бы не муж, старенькая мама, сын — я, наверное, осталась бы у нее еще. На год. Или больше. Я уже начала произносить на датском некоторые слова — но, в общем, мне хватало моего английского.

И вот однажды ночью я увидела сон. Яркий, как реальность. Я сижу в машине — в огромной тяжелой машине с автоматическим управлением и веду ее по тяжелому и очень глубокому снегу. А машина, несмотря на свой джипистый внушительный вид, не едет — буксуют колеса, автомобиль как будто тонет в сугробах. И

погружается все ниже и ниже — сейчас мы провалимся в тартарары! Тут я говорю себе «Стоп! Муж показывал мне какой-то рычаг, когда включаются все четыре привода. Надо только вспомнить, что это за рычаг…» И первое движение маленьким тумблером переводит в машину в правильное положение, она легко выруливает из заносов и сугробов.

Всегда есть запасной тумблер! Надо только вспомнить его предназначение, найти его место и правильно им воспользоваться. И главное — никогда не полагаться на автоматическую коробку передач!

Я проснулась, как всегда, рано. Джон уже тоже встал и ковырялся в гараже. Я направилась к нему:

— Джон, позвони, пожалуйста, в Аэрофлот и зарегистрируй мой билет на завтра, О'кей?

Невозмутимый Джон кивнул головой. Он уже съездил за булочками, поэтому я сразу позвала гулять Мишку — он уже крутился у ног и нетерпеливо повизгивал, подскакивая на месте. Точно так же, как моя такса. Сидит, поди, сейчас у порога и ждет меня…

К О Н Е Ц